

Владимир Успенский
СТАРОСТА СТРАНЫ
СОВЕТОВ

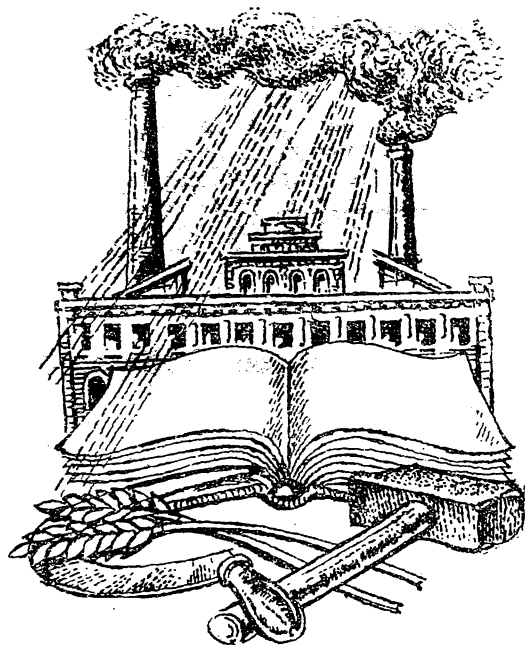

КАЛИНИН

О тех, кто первым ступил на неизведанные земли,
О мужественных людях — революционерах,
Кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.
О тех, кто проторил пути в науке и искусстве,
Кто с детства был настойчивым в стремленьях
И беззаветно к цели шел своей.

КАЛИНИН

Выпуск 85

Владимир Успенский
СТАРОСТА СТРАНЫ
СОВЕТОВ

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

Успенский В. Д.

У 77 Староста Страны Советов: Калинин. Страницы жизни. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 208 с., ил. — (Пионер — значит первый).

45 к. 100 000 экз.

Книга о Михаиле Ивановиче Калининe. Выходец из крестьянской семьи, пройдя через пламя трех революций, он возглавил в конце 1922 года только что родившееся новое государство — СССР. Будучи «всесоюзным старостой», как любовно называл его народ, М. И. Калинин боролся за укрепление молодой Страны Советов, внося большой вклад в развитие промышленности, сельского хозяйства, культуры. М. И. Калинин был большим другом пионеров, много сделал для воспитания советских ребят.

Рассчитана на школьников среднего возраста.

У 4803010102—279
078(02)—85 258—85

ББК 66.61(2)8
ЗКП1(092)

В РОДНОМ КРАЮ

Неожиданная встреча в лесу круто изменила жизнь деревенского мальчика. В жаркий полдень собирал Миша землянику на прогретом солнцем бугре, у подножия сосен. Терпко пахло смолой. Крупные, сочные ягоды, красневшие среди невысокой травы, так и просились в рот. Миша съел сколько мог, начал собирать в лукошко, чтобы отнести домой. Увлечся и не заметил, как появились барчуки. Шли они по тропинке, словно утиный выводок: впереди гувернантка, а за ней пятеро детишек. Один примерно как Миша, лет одиннадцати, остальные поменьше. Все в белых костюмчиках с синими воротничками и, несмотря на теплынь, в ботинках. Это особенно поразило Мишу. Деревенские-то ребятишки от весеннего до осеннего снега шагают босиком и уж тем более в разгар лета, иначе нога в обуви спарится. И сколько же требуется обувки на такую ораву, чтобы носить круглый год?! Не напасешься!

Надо было бы убежать. В деревне Верхняя Троица все ребятишки знали: увидишь барчуков — сверни с дороги, поторопись уйти. А не успел — обнажи голову и поклонись. Упаси бог заговаривать с господскими детьми, надоедать им. Так учили родители. Лишь раз в год, по установившемуся давно, в неведомые времена, обычно, разрешалось детворе видеть барчуков и вообще помещичью семью: когда господа с наступлением теплых дней возвращались из города в свое имение Тетьково. Барский дом стоял в сосновом бору примерно в версте

от деревни, вниз по течению реки Медведицы. Чтобы попасть к себе, семья помещика должна была переправиться через реку, проехать по краю деревни.

Появления господ деревенские ребята ожидали с раннего утра: смотрели, не покажется ли на дороге, пересекавшей луг, упряжка барских коней. А когда показывалась, мальчишки постарше бросались к парому, чтобы перевезти приезжих через Медведицу. Малышня же устремлялась к жердевым воротцам в ограде, окружавшей деревню, и закрывала эти ворота.

Каждый из тех, кто переправлял господ через речку, получал пригоршню конфет или пряников. Ну а от стражей у ворот барчуки «откупались» проще — леденцами. Однако такая веселая забава случалась лишь при весенней встрече. В другое время — не мешай барчукам. У них своя, особая жизнь. Но убежать сейчас, когда господские дети были рядом, обступили со всех сторон, Мише не позволило самолюбие. Стоял он худенький, взъерошенный, настороженный, обеими руками прижимал к груди лукошко, ожидая, что будет. Не сразу сообразил, о чем спрашивал старший мальчик. Да и говорил тот непривычно, очень уж вежливо:

— Скажи, пожалуйста, если знаешь: это волчья ягода или нет? — Он протянул Мише кустик с мелкими глянцевыми лепестками, с зелеными, чуть начавшими темнеть бусинками.

— Не-е, — торопливо ответил Миша, — это черника, только еще не доспевшая. Через недельку она подойдет. — Улыбнулся внимательно слушавшему барчуку. — Сейчас землянику берите. Гля, сколько ее! Засыпь!

— Действительно. — Мальчик хлопнул в ладоши, привлекая внимание других детей. — Ешьте землянику, здесь хорошая земляника, и всем хватит.

— Я еще лучше место показать могу, — продолжал Миша вместо того, чтобы помалкивать. Очень уж простым и добрым показался старший барчук. — Только дальше в лес надо... Хотите, отведу?

— Спасибо, — вмешалась высокая, со строгим лицом гувернантка. — Сегодня уже поздно, мы заканчиваем прогулку.

— Ягода долго не ждет, посохнет на солнце, — объяснил Миша.

— Пойдем с нами, спросим у барыни разрешения на завтра. Ты сможешь завтра?

— Прибегу.

— Домой, дети, домой, — позвала гувернантка, и вновь все двинулись по тропинке, однако уже не в том порядке, как прежде. Впереди была женщина, но теперь за ней шли самые малые, а в конце — старший мальчик Митя: он расспрашивал Мишу, где лучше купаться и правда ли, что зимой к самой деревне подходят волки. И Митя, и Саша, и другие барчуки нисколько не зазнавались, слушали Мишу с таким интересом, что он чувствовал себя легко, как со своими сельскими сверстниками. Оробел малость, когда за деревьями показался барский дом с шестью белыми колоннами, окруженный клумбами. Дорожки посыпаны песком. Дальше хозяйственные постройки, сад...

Миша замедлил шаги. Митя, заметив его растерянность, по-приятельски взял за локоть, подбадривая. Ну, правда, чего пугаться-то? Не сам идет, позвали его. И вообще о господах Мордухай-Болтовских в деревне никто дурного слова никогда не сказал. О других говорили, а об этих нет. Фамилия у господ непонятная и грозная, а сам барин, Дмитрий Петрович, — генерал. Крестьяне считали его хоть и строгим, но справедливым. Землю свою он давно уже распродал окрестным мужикам. служил в Петербурге, а в имение приезжал как на дачу: отдыхать с детьми. Крестьянам из Верхней Троицы находилась работа в барском саду, на огороде, на скотном дворе. И близко и выгодно.

Генерала люди видели редко, зато жену его, Марию Ивановну, в деревне знали все от мала до велика. Сама имевшая много детей, она заботилась и о чужих ребя-

тишках. Если узнает, что в Верхней Троице ребенок хворает, придет, осмотрит больного, даст лекарство. И к Калининным приходила, когда болели Мишины сестры. А отцу, Ивану Калиновичу, приносила лекарство от мучившего его кашля.

Сейчас Мария Ивановна — полная, белолицая, улыбающаяся — встретила детей на крыльце, каждого погладила по голове, каждому сказала что-нибудь хорошее. С Мишей поздоровалась, но смотрела на него не без удивления. Выслушав гувернантку, спросила:

— Калина Лев, которого старостой выбирали, это дед твой? Сильный и громогласный был человек. На краю, возле ручья, изба ваша... Знаю, знаю! — засмеялась, разглядывая Мишу. — А тебе, проводник, лес хорошо известен? В болото не заведешь? Не заблудишься?

— Мы с ребятами на десять верст вокруг все обегали.

— С ним нам безопасней, — сказала гувернантка и добавила потише: — Лексикон тревоги не вызывает.

— Хорошо, — одобрила Мария Ивановна. — Ты не голоден? Скоро обедать.

— Нет-нет, я ничего, — застеснялся Миша и, попрошавшись, отправился домой.

Вечером, когда вернулась с поля мать — Мария Васильевна, рассказал ей о случившемся. Беспокоился: отпустит ли его матушка завтра? Барчукам что, они в любое время могут на прогулку отправиться, а у Миши и его деревенских сверстников лето — самая хлопотливая пора. Матери вообще вздохнуть некогда. По хозяйству надо управиться, а тут тебе покос, тут картошку окучивать, тут сорняки полоть. Отец — плотник хороший, мастер на все руки, зимой с другими мужиками уходит на заработки в город. Деньги оттуда приносит, гостинцы детям. А в поле, на огороде и рад бы помочь, да не всегда способен. Все чаще бьет его, забирая силушку, кашель. Так что домашние дела на плечах Миши. С младшими сестренками надо нянчиться, лошадь, ко-

рову, овец накормить-напоить, за курами присмотреть. Воды наносить опять же, навоз убрать. А в страду, когда особенно много работы, Миша с утра до вечера помогал матери в поле.

Конечно, ягоды собирать тоже не баловство, тоже помощь семье, но с настоящей работой не сравнишь. А Мише — видела мать — очень хочется к барчукам. Радостей-то у него мало, пусть хоть этой попользуется.

Вздохнув, разрешила.

Миша сходил в барский дом раз, другой, третий, постепенно освоился среди детей, хотя, конечно, ощущал, какая пропасть отделяет его от них. И в генеральской семье привыкли к сдержанному, рассудительному мальчику. Отсутствие его замечали все: от маленького Саши до самого хозяина дома. Дмитрий Петрович считал, что это неплохо для детей — быть ближе к народу, видеть и знать, как и чем живут простые русские люди.

Мария Ивановна не очень-то понимала своего ученого мужа, склонного порассуждать, пофилософствовать. Она просто была довольна и спокойна, когда дети гуляли по окрестностям имения не только с гувернанткой, но и с Мишей Калининым. При нем мальчики не утонут в реке, не забредут бог знает куда, не наедятся чего-нибудь вредного, не наберут ядовитых грибов. После проливного дождя сухими домой вернутся: Миша найдет укрытие под густой елью. И дети привязались к нему.

Для Миши, конечно, все в барской семье было внове. все удивляло, привлекало внимание. Едят чудно, каждый из своей тарелки, а не из общей миски. И одежды у них целые вороха. У одного Мити столько, что на всех ребятшек Верхней Троицы хватило бы. Утром один костюм, днем — другой, вечером — третий. Из какой материи сшиты — не угадаешь. А у Миши только одна праздничная рубашка — сатиновая, переделанная из отцовской. В будни же круглый год холщовая рубаха на голое тело и такие же портки. Долгими зимними вечерами мать допоздна сидела возле самодельной жестяной лампы за

прямкой. Глаза слезились, краснели от напряжения, лампа коптила, трудно было дышать, но что поделаешь — надобно одевать семью.

Мать сама же и красила холсты, употребляя для этого луговую шелуху и осиковую кору. Холст получался рыжий, как ржавое железо, зато и прочен был, будто настоящая жесть. Просторная рубаха на Мише вроде панциря. Ветер не пробьет, комар не прокусит. Миша однажды сорвался с дерева, зацепился подолом за сук, да так и раскачивался, пока взрослые не сняли. Выдержала рубаха. Красоты, конечно, нету, как у барчуков, но зато очень даже надежно.

Главное, что сразу захватило и приворожило Мишу в имении, — это учеба. Каждый день по часу, по два барчуки занимались под руководством гувернантки. Младшие разучивали стихи, старшие читали вслух, повторяли счет. Делали они это не очень охотно, за зиму надоело, а Мише занятия доставляли особое, ни с чем не сравнимое волнение. Будто приоткрывалась дверь в неведомую и заманчивую страну.

Вообще-то Мише уже довелось учиться. И, как полагали в деревне, достаточно: с осени и до самой весны. Жил в Верхней Троице старый солдат. К нему и бегали «за грамотой» детишки разных возрастов. Солдат брал у родителей по рублю с головы за зиму. И кормился по очереди в семьях своих учеников. Изба у солдата-бобыля была маленькая, грязная, стены черные от копоти: печь без трубы, топились «по-черному», дым выходил через дверь. Ребята мерзли, кашляли от едкого дыма.

Добросовестный солдат старался передать детям все, что знал сам. Без устали заставлял повторять цифры, буквы: «Аз, буки, веда...» Причем повторяли громко, хором, для того чтобы слышно было в деревне, чтобы родители знали: не зря платят рубли.

Худо-бедно, а научил солдат ребятишек счету. Торгаш в лавке или на базаре не обманет. Наиболее старательные, как Миша Калинин, читали по слогам простые сло-

ва, даже сами пробовали писать. На этом для деревенских мальчишек образование заканчивалось. А Миша очень завидовал тем, кто может осилить целую книжку.

Когда гувернантка Мордухай-Болтовских усаживала мальчиков за уроки. Миша присоединялся. Эти часы были для него праздником. И получалось, что стихи, правила арифметики он запоминал быстрее и лучше, чем барчуки. Все как-то само собой укладывалось у него в голове. Хотелось лишь одного: новых знаний, да чтобы поскорей и побольше. Гувернантка обратила внимание на его успехи, хвалила.

Мать Миши, Мария Васильевна, гордилась им: вот какой у нее сынок, с генеральскими детьми дружит. Старалась виду не подавать, как ей теперь трудно. Мишатка-то все время в бегах. Никакой помощи от него, разве что принесет иной раз младшим конфет или пряников. А жить надо, и к зиме готовиться пора.

Совсем замучилась Мария Васильевна, когда приспела жатва. Ранним утром отправились они с Мишей в поле. День был жаркий, солнце прямо-таки обжигало. А жать надо согнувшись, чтобы срезать стебли у самой земли. У Миши так заныла спина, что он опустился на колени и полз до конца полосы. Там глотнул кваса — и обратно.

Худенькая быстрая мать работала серпом гораздо ловчее. Дело хоть и тяжелое, но для крестьянки привычное. Однако вскоре заметил Миша: руки матери двигаются все медленнее. Капли пота выступили на лице, падают на серп. Жара ее разморила. И не высналась, пошла до поздней ночи возилась с детишками, со скотиной, готовила еду.

Вдруг мать, сделав неуверенный шаг, рухнула прямо на свежий сноп. Миша кинулся к ней, помог приподняться.

— Ты что?

— Не могу больше, сынок, — виновато улыбнулась

она. — Совсем силушек нет. Пойдем домой, отлежусь до завтра.

Дышала тяжело, часто, как загнанная лошадь. У Миши слезы навернулись от жалости. Однако, подумав, произнес рассудительно-строго:

— Ты, верно, иди. А я поработаю до вечера. И завтра, и послезавтра тоже. Не беспокойся, управимся. — Помолчав, добавил печально: — А в имение я не пойду больше.

— Это ты зря! — встрепелась мать. — Ты ходи туда, Мишенька. Может, возьмут господа в услужение, деньги платить станут. Деньги-то ой как нужны, задолжали ведь мы с налогом. При деньгах-то и мне полетче было бы. Ты попросись в усадьбу, а, сынок? У Мордухав, чать, полтора десятка слуг, может, и для тебя найдут место, не разорятся.

— Ладно, спрошу барыню, — ответил Миша.

Несколько дней он с утра до вечера помогал матери. Лишь когда закончили жатву, принарядился в сатиновую рубашку и побежал в Тетьково. Встретили его там с радостью и с упреками: где пропадал? Миша, потупившись, объяснил, почему не может часто бывать в имении. Вот если бы его взяли в дворню...

— Я поговорю с Дмитрием Петровичем, — пообещала Мария Ивановна.

Действительно, получалось, что мальчик, по существу, вырван из крестьянской семьи, где летом дорога каждая пара рук. В имении же он несет не менее четверти той нагрузки, какая у гувернантки. Но гувернантка живет на всем готовом, получает изрядные деньги, а Миша ничего. А главное, он оказывает благотворное влияние на детей. С одной стороны, близок им как ровесник, а с другой — он вроде бы старше, имеет больше житейского опыта, служит примером серьезности, трудолюбия.

— Удивительная душевная чистота. Удивительная порядочность, — убеждала мужа Мария Ивановна. — Будет хорошо, если он останется с нашими детьми.

Дмитрий Петрович не возражал. Ему самому нравились скромный паренек. Мише Калининну положили жалованье, равное четверти жалованья гувернантки. Для крестьянского мальчика это были большие деньги. Во всяком случае, семья могла теперь выплатить педонмки.

Мария Ивановна и Дмитрий Петрович Мордухай-Болтовские проявили достаточно такта, чтобы не подчеркивать новое положение Миши Калинина — «мальчика для услуг». Миша должен остаться для генеральских детей другом-приятелем, окруженным романтическим ореолом следопыта, выросшего среди лесов и лугов, щедро открывавшего перед городскими жителями красоты и тайны природы.

Для младшего поколения Мордухай-Болтовских Миша Калинин стал словно бы членом семьи, без которого не мыслился ни нынешний, ни завтрашний день. И когда осенью наступило время возвращаться в Петербург, предстоящая разлука была воспринята с большим огорчением. Саша даже взбунтовался: не хочу в город, мне здесь хорошо!

— Нельзя же только отдыхать, надо учиться, готовиться к будущей жизни, — увещевала Мария Ивановна.

— А почему Миша не едет? Почему его не увозят в город?

— В самом деле, мама, — сказал старший сын Митя, уже гимназист, — Миша старается больше нас. Мише хочет учиться, но у него нет никаких возможностей. Разве это справедливо? Надо как-то помочь ему. Ведь папа, наверное, согласится помочь?

— А вы, дети, сами пойдите к отцу и поговорите с ним, — Мария Ивановна подумала, что так будет более педагогично. — Попросите его. Он ведь попечитель земского училища в Яковлевском.

— Но Яковлевское так далеко! — удивился Митя. — Целых двенадцать верст.

— Дорогие мои, — покачала головой Мария Ивановна, — здесь одна-единственная школа на всю волость.

Из нашей деревни только двое туда поехали. Конечно, двенадцать верст — это немало, только ведь Ломоносову от Архангельска до Москвы еще дальше было. Так что пойдете к отцу, я с вами.

Отправились всем семейством в кабинет Дмитрия Петровича, и тот не устоял под дружным натиском детей и жены. Он и сам был сторонник того, чтобы как можно больше крестьянских детей получало образование. Не без его содействия в селе Яковлевском был возведен для этой цели просторный дом. Сейчас, правда, набор закончился, на одно оставшееся место приходилось несколько кандидатов. Неудобно вмешиваться. Но Миша-Калинин действительно одаренный мальчик, а семья бедная, самому никак не пробыться. И Дмитрий Петрович пробождал твердо:

— Договорились. Вакансия останется для Миши.

Дети всей гурьбой бросились обнимать своего отца, который был для них воплощением доброты и справедливости. Дмитрий Петрович настолько расчувствовался, что велел позвать Мишу. Побеседовал с ним, посоветовал заниматься прилежно: ведь впереди широкая жизненная дорога, а приобретенные знания помогут ему распространять грамоту и культуру среди крестьян.

Семья Мордухай-Болтовских отбыла в столицу. А через несколько дней Миша с отцом отправились Яковлевское. Погожая осень господствовала над Верхневолжьем. В затененных местах держался, истаявая, ночной иней, но солнышко припекало, ярко озаряя расцвеченные желтизной и багрянцем леса. Темной стеной высился бор, ошетилившийся по опушке острыми вершинами елей. Воздух чист, звонок, прозрачен. И страшновато было Мише уходить из этого привычного дорогого мира в чужое село, к незнакомым людям.

Сперва завернули в избу к Купцовым, которые сдавали угол ученикам. Хозяева показали Мише лавку, где

будет спать. Стол под образами. Лампадку засветят — можно читать и писать. Харчи у каждого ученика свои. За постой Купцовы взяли картошкой: в этом году не уродилась у них. Пока отец, покашливая, неумело торговался с хозяевами, Миша переминался у порога. В школу бы поскорей! Интересно, как там?

Вышли, торопливо зашагали по широкой улице. В самом конце ее, за околицей, высоко поставленный бревенчатый дом под железной крышей, с большими окнами.

— Вот, иди! — легонько подтолкнул отец.

Из сеней Миша попал в просторный класс с длинными партами: за каждой шесть школьников. Малость оробев, задержался возле двери, озираясь по сторонам. Черная доска на стене. Стол для учителя. И множество глаз, с любопытством разглядывавших новичка. Заметив свободное место, сделал несколько шагов, сел осторожно, бочком. Худой, кожа да кости, много места не занимал. А рядом девочка полная, круглощекая, румяная. И громкоголосая:

— Меня Любой зовут. Любаня Головина. А ты кто?

— Миша.

— А чего ты шепотом, не урок еще. — Люба бесцеремонно рассматривала его и вдруг ахнула прямо-таки по-бабьи: — Ох, глаза у тебя какие! Будто небушко ясное! Да садись же прочней! — подвинулась она. Миша обрадовался: можно спрятать ноги под партой. У ребят либо сапоги, либо ботинки, только у него самодельные веревочные чуни, к тому же изгвазданные в дороге.

Вскоре на новичка, взятого под защиту бойкой Любаней, которую побаивались даже самые задиристые паренки, перестали обращать внимание. А Миша, волнуясь, ждал появления учителя. Какой он, настоящий учитель-то? Грозный, сердитый, как старый солдат в Верхней Троице? Небось даже еще суровей и щедрей на оплеухи. Но где же он?

Раздался приятный, мелодичный звон колокольчика, дверь открылась. Миша замер... В класс вошла молодая,

очень стройная и красивая женщина в ослепительно белой кофточке. Глаза большие, улыбка добрая. Миша аж ладошкой рот прикрыл, чтобы сдержать удивленный возглас...

В ту пору он считал: ему необычайно повезло, что попал к этой замечательной, умной учительнице. И только много времени спустя понял: нет, Анна Алексеевна Боброва не являлась исключением. Время было такое: вторая половина девятнадцатого века, период реформ и надежд! Лучшие представители образованной русской молодежи из семей разночинцев, из интеллигенции, мечтатели и правдолюбцы отправлялись в самые глухие уголки страны и, борясь с лишениями и притеснениями, обучали там крестьянских детей, посвящая себя кропотливой и вроде бы незаметной работе: сеяли разумное, доброе, вечное.

Десятки, сотни тысяч деревенских ребятишек не только выучились у них грамоте, но унаследовали свободолобивые взгляды, патриотизм, стремление самоотреченно трудиться во имя высоких целей. Не все, конечно, достигли потом столь больших высот, как Михаил Калинин, однако почти в каждой волости появились мыслящие люди, которые первыми воспринимали революционные идеи. Но это будет потом, через многие годы. А пока Миша восхищенно смотрел на свою учительницу, с радостью слушал ее голос и очень хотел, чтобы уроки длились подольше, а перерывы между ними были короче.

Удивительно, насколько хорошо она знала и понимала каждого из своих многочисленных учеников. На всю четырехклассную школу было лишь два преподавателя: Анна Алексеевна и батюшка-поп. Но тот появлялся не каждый день, а она постоянно, с утра до вечера, находилась среди детей, вела занятия в две смены, объединяя младший класс с полусредним, а средний со старшим.

Мише все предметы давались без особых трудностей, кроме чистописания. Огрубевшие от работы пальцы плохо чувствовали тонкую невесомую ручку. Буквы полу-

тались кривые, разновеликие. Анна Алексеевна простила бы это, лишь бы писал грамотно, однако инспектор и попечители земского училища, не вникая в подробности, судили об успеваемости, о прилежании прежде всего по почерку. Красиво, ровно ложатся строчки — значит получится из мальчика волостной писарь или мелкий чиновник. Другого и не надобно.

Анна Алексеевна просила Мишу: наберись терпения, приучай руку. Он, разумеется, выполнил ее совет. Товарищи отдыхали после уроков, а Михаил, сидя за партой, выводил букву за буквой. Если на квартире горела вечером лампа или лампадка, он, не принимая участия в разговорах, писал и писал. Немели пальцы, в глазах рябило, ~~но он продолжал работу до тех пор, пока хозяева, потушив лампу, не ложились спать.~~ И через полгода начал выделяться среди других учеников не только отсутствием грамматических ошибок, но и четким каллиграфическим почерком.

Он не просто занимался. С огромным желанием, с какой-то ненасытной жадностью воспринимал то, что можно было узнать от учительницы, почерпнуть в книгах. За три месяца прочитал все, что имелось в школьном шкафу. Анна Алексеевна начала приносить ему книги из своей ~~небольшой, но тщательно подобранной~~ библиотечки: произведения Державина, Некрасова, Гоголя. Арифметические задачи Миша решал в уме, ложась спать. Если не удавалось найти верный ответ вечером, то поутру, на свежую голову, это получалось само собой.

С осени до рождества, намного опередив свою румяную соседку Любаню (она училась неплохо), обогнав всех ребят, Миша закончил два класса. Анна Алексеевна перевела его в средний класс.

Каждую субботу после уроков отправлялся Миша в Верхнюю Троицу. Двенадцать верст по морозу, по занесенной снегом дороге, на которую с наступлением темноты выходили волки. Жутко было идти, да нужно. Картошки взять на неделю, хлеба, помыться. С одеждой у

него было совсем плохо. Под старой шубейкой — единственная рубаша. И штаны тоже одни. Мать устраивала стирку, а он сидел голышом на печи, дожидаясь, пока высохнет. Хоть и одет был беднее всех в классе, зато рубашка у него всегда чистая и отглаженная. Заплатки — и те аккуратные.

Был Миша не то чтобы гордым, но свое достоинство не терял. Ни перед кем не заискивал, в обиду себя не давал. И ни от кого не принял бы помощи, оскорбился бы подачкой. Анна Алексеевна ощущала его настороженность и долго не решалась сделать то, что хотела. Но нет, Миша чуткий, он должен смекнуть, что и сама она живет небогато, заботится о нем по искреннему душевному желанию. Из скромного жалованья несколько месяцев понемногу откладывала деньги. А потом купила Мише рубашку-косоворотку, поясок, а главное — валенки, чтобы ходил в свою деревню без риска обморозить ноги.

Взял Миша обнову от любимой учительницы, но так растерялся, так взволновался, что слова не мог вымолвить. Пробормотал, смущенно улыбаясь, что-то несвязное. И трудно было понять, кто больше доволен: он или она.

Учение между тем близилось к завершению. По пять, по шесть лет пребывали некоторые ребята в четырехклассном училище. А Миша окончил за два года. Жаль было Анне Алексеевне расставаться с лучшим учеником, но она от души радовалась за него. 1 мая 1889 года Михаилу Калинину торжественно вручили похвальный лист — за примерное поведение, прилежание и успехи. Редчайший случай: вдвое быстрее закончить весь курс, да еще с такой наградой.

Расставаясь со своей учительницей, Миша не смог удержать слез. Заплакал, что случалось с ним нечасто. Много ему хотелось еще познать, изучить, но впереди — обычная крестьянская доля: клочок земли, выматывающая, забирающая все силы борьба за кусок хлеба.

...В последующей своей жизни, большой и сложной, в тюрьме и ссылке, на важнейших государственных постах Калинин не раз будет вспоминать тех добрых, заботливых людей, с которыми сводила его судьба. И среди них — Анна Алексеевна Боброва, Мария Ивановна и Дмитрий Петрович Мордухай-Болтовские.

В том году, когда Миша закончил земское училище, выдалась ранняя весна. Зазеленели посевы, быстро поднялась трава на лугах. И покос обещался быть хорошим, и картошка, и рожь. Но лето пришло знойное, сухое. А когда наступил срок убирать урожай, начались холодные затяжные дожди. Было ясно: зерна и картофеля хватит разве что до января. Потом — впроголодь, зубы на полку. Раньше обычного засобирались мужики в отход: в Тверь, в Москву, в Петербург. Плотничать, столярничать, печи класть — подработать маленько.

Мишу летом опять взяли в семью Мордухай-Болтовских. Митя и Саша еще больше привязались к нему. Все вроде бы хорошо. Но господам-то что, они голодать не будут. А Мише надо думать не только о себе, но и о том, как переживет трудную зиму семья.

Он не говорил Мите и Саше о своих заботах, но они сами многое видели, многое понимали. Упросили отца не оставлять Мишу на зиму в Верхней Троице. От деревенских сверстников он оторвался, интересы у него шире, разнообразней. Пусть хоть столицу посмотрит. А Дмитрий Петрович знал: чем больше едоков покинут сейчас деревню, тем легче будет оставшимся. Ну а «мальчик для услуг» нужен и в городе.

Мать благословила Мишу со спокойной душой: свои господа, не обидят. А к лету приедут и его привезут.

Михаил, разумеется, был очень доволен. Сможет хоть немного помогать деньгами семье. И уж где-где, а в Петербурге-то наверняка найдется возможность учиться дальше.

ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР

«Чугунка» не произвела на него особого впечатления. В школе учили про то, как пар вертит колеса. Отец, бывало, рассказывал об «избах», которые бегут по железным рельсам. Да и привычные к поездкам барчуки отвлекли внимание Миши, затеяв, едва оказавшись в вагоне, игру в «слова». Один произносит слово, а другой должен найти такое, чтобы начиналось с последней буквы предыдущего. Так и идет по цепочке, чем быстрее, тем лучше. Прошлым летом Миша опасался играть с барчуками, слов у него не хватало, неловко было. А теперь не уступал им. Они, конечно, знали больше городских и иностранных слов, но и у Миши были такие, что им неизвестны. Митя произносит, к примеру, «инсургент», а Миша сразу пристегивает «торбу».

В играх да шутках незаметно прошла дорога. Удивление началось, когда прибыли на Николаевский вокзал*. Людей на площади — неисчислимое количество. А домины-то какие: высятся, будто горы. В каждом из них, поди, целая деревня уместится. Улица — каменный коридор, и конца этому коридору не видно. И справа такие же, и слева. Заблудишься в них, пропадешь! А церквей-то сколько! Миша едва успевал креститься, глядя на сияющие купола. Старший лакей, возле которого Миша ехал в извозчицкой пролетке, добродушно посмеивался над ошеломленным пареньком.

Мордухай-Болтовские снимали просторную квартиру в доме 12/7 на углу Рыночной улицы и Соляного переулка. Миша не сразу разобрался, где какое помещение, какие двери куда ведут. Большая гостиная, кабинет Дмитрия Петровича, спальня, комнаты для детей, кухня, кладовая и еще комната для прислуги, где отвели место Мише рядом с поваром и лакеем. Был он настолько перегружен впечатлениями, что почувствовал себя усталым,

---

* Ныне Московский вокзал Ленинграда.

разбитым и обрадовался, когда ему показали постель. Тескал под стеганым одеялом, закрыв глаза, борясь с тоской по родному дому, по ласковым, шершавым рукам матери, по приволью, которое всегда окружало его. Простор неоглядный со всех сторон. Вышел за порог — и беги куда хочешь: в лес, на луг, к реке. А здесь только стены... Утешал себя тем, что не он первый, не он последний: живут же в городе люди, и он, даст бог, притерпится...

Обязанности, которые возложила на Мишу барыня Мария Ивановна, оказались необременительными. Вставал рано, как и в деревне. Чистил одежду и обувь барчуков, затем, **умывшись**, бежал на Пустой рынок за молоком и **свежими булками**. Вернувшись, будил гимназистов. Поднимать Митю и Сашу — самое неприятное и трудное: братья любили поспать. Миша жалел их, но барыня требовала от него: мальчики должны встать вовремя, обязательно позавтракать и не опоздать на уроки.

Проводив гимназистов, Миша отправлялся выгуливать пуделя Марии Ивановны, с каждым днем все больше удаляясь от дома, осваивая новые места. Смотрел, как молодые, хорошо одетые люди спешат на занятия в художественно-прикладное училище барона Штиглица, в **училище правоведения на набережной Фонтанки**. Удивлялся **огромности здания министерства государственных имуществ, протянувшегося на целый квартал: от Фонтанки до Соляного переулка**. Любовался Марсовым полем, Инженерным замком.

Занят он был обычно лишь первую половину дня, до той поры, когда возвращались из гимназии мальчики. Для деревенского паренька, привычного к тяжелой работе, неощутимой была такая нагрузка. Затем Миша гулял вместе с барчуками, находился при них, когда готовили домашние задания. Занимался сам по их учебникам. Если что непонятно, обращался к Мите и Саше, те охотно выступали в роли учителей, давали ему целые уроки по математике, русскому языку, географии и исто-

рии. Мария Ивановна поощряла это: мальчики, играя, сами повторяли и лучше усваивали материал.

У Мордухай-Болтовских была большая домашняя библиотека, Миша пользовался ею наравне со всеми. Читал запоем, не щадя глаз. И не какие-нибудь пустяки — осиливал серьезные труды: «Жизнь животных» Брема, статьи в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, интересовался историей Пугачевского бунта. Особенно прислушивался к советам Мити, который дал Михаилу книги Белинского и Писарева, Герцена...

...Через много лет Калинин напишет в своих воспоминаниях: «Разумеется, мое учение было в высшей степени бессистемно, главным образом читал то, что попадалось под руку и что было в библиотеке моих господ. Между прочим, с очень раннего возраста я стал знакомиться с нелегальной литературой... Одним словом, учение шло враспыленную, от философии до беллетристики».

Системы в занятиях, конечно, не было, но разнообразные знания накапливались, углублялись. Любознательный ученик все чаще задавал своим наставникам — гимнастам вопросы, которые ставили их в тупик. Почему мир считается непознаваемым? В чем главная разница между эволюционным и революционным путями развития? Митя руками разводил: сразу, мол, не ответишь, самому узнать нужно.

Прошел год, другой, третий... Каждое лето Мордухай-Болтовские проводили в Тетькове, и Миша с ними. Старался побольше помочь матери; не только деньгами, которые получал за службу, но и своим трудом. А осенью, зимой, весной — снова в столице. Михаил вырос, окреп, превратился в худощавого, синеглазого юношу, вежливого и сдержанного. Длительное пребывание в культурной семье не прошло для него бесследно. Он освоился в столице, полюбил ее строгую, суровую красоту. Начал проявлять интерес к живописи, музыке. Следил за политичес-

кими новостями. Незнакомые люди принимали его по разговору, по манере поведения за гимназиста-старшеклассника или даже за студента.

Нарастало желание понять основы мироустройства, миропорядка. Что на земле хорошо, что плохо? И почему? Размышлениям способствовало то, что он начал вести дневник. Прежде чем записать свои мысли, наблюдения, выразить свои ощущения, надо было подумать, как точнее и короче это сделать. Записи дисциплинировали мышление, приучали сосредоточиваться на главном, находить нужные слова. Михаил уже оценил счастье интеллектуальной жизни и понял, что все духовные богатства и ценности доступны ему не менее, чем господским детям. Чем он хуже? Разве он уступает им? Но у них, у богатых, прямые легкие пути. Им доступно любое образование, их ждала хорошо оплачиваемая военная или государственная служба. А он, значит, обречен всю жизнь прислуживать господам? Пока находится в доме Мордухай-Болтовских, это не очень обидно и тягостно. Здесь он не подвергается оскорблениям, унижениям. Но не всегда же ему быть при них. А что дальше? Гнуть шею перед барами, которые не блещут ни талантами, ни способностями, а имеют лишь одно превосходство: деньги, знатное происхождение?! Где же справедливость?!

Миллионы его сверстников из крестьянских и рабочих семей, даже очень одаренные, живут без всякой надежды на лучшее будущее, на то, что смогут когда-нибудь учиться. В газетах вот пишут о благах цивилизации, о достижениях техники, о развитии промышленности, но крестьянам-то от этого не становится лучше. В Верхней Троице, к примеру, опять неурожай. Одни крестьяне по миру пошли, другие в город подались за куском хлеба. В семье Калининых умерли малолетние Ванюша и Акулина. У отца обострилась чахотка. Сколько ни трудись — из нужды не выбьешься. А кто виноват?

Вокруг Верхней Троицы большие поля, просторные луга. Казалось бы, выращивай хлеб, паси скот. Но поля

и луга, вынасы и даже леса принадлежат помещикам. В Яковлевской волости их восемь, и каждый имеет земли больше, чем крестьяне всей Верхней Троицы. На сорок семь дворов лишь четыреста семьдесят десятин. Да и земля-то северная, бедная, истощенная многолетними родами. В каждом третьем дворе нет ни коровы, ни лошади. А в барских поместьях такие коровники, что едва успевают молоко на завод отправлять.

Конечно, господа тоже бывают разные. По деревенским понятиям Мордухай-Болтовские — толстосумы. Но Миша-то давно понял, что по сравнению с настоящими богачами живут его хозяева довольно скромно. Дмитрий Петрович только называется генералом, должность у него такая, приравненная к генеральской: он нижепер, действительный статский советник в министерстве путей сообщения. И дело скорей всего не в том, каковы господа сами по себе, какие у них характеры и привычки, а во всем том порядке, который породил неравенство людей и старается сохранить его, позволяя немногим богачам и блаженствовать за счет труда многих других. Но ведь устройство общества, взаимоотношения между людьми — это дано свыше. Все предопределено, и, значит, бороться с таким положением нет никакой возможности.

Круг размышлений замыкался. словно бы глухая стена вставала перед Михаилом. А ведь он к этому времени прочитал такие книги, в которых отрицалось — хотя большей частью и не прямо — существование высшей божественной силы, а признавалось лишь одно всеобъемлющее движущее начало — человеческий разум. Миша догадывался, что истина на стороне авторов этих книг, хотел поверить им, но не мог. Страшно было лишиться духовной опоры, отринуть всесильного заступника и покровителя, остаться один на один с людской злостью, с суровой природой, с болезнями и со смертью. Без надежды на жизнь на том свете. Молитвы-то к богу обращал с малолетства. В бога верили все его родные и близкие:

мать, отец, Мордухай-Болтовские. Бог словно бы сближал, объединял всех независимо от возраста и положения. Трудно, очень трудно было выйти за пределы привычного круга, в одиночку шагать в неизвестное.

Но вот случайно попался ему три тома публициста, философа Николая Шелгунова. Открыл первую страницу — и не смог оторваться. За несколько дней одолея все статьи и принялся читать по второму разу. Язык был простой, понятный, факты, взятые из русской жизни, правдивы, выводы писателя говорили о том, к чему с трудом, на ощупь, мысленно пробивался Калинин.

Словно в Верхней Троице побывал писатель. Правильно утверждал он, что жизнь большинства крестьян страшная, что они голодают, вынуждены идти в наемные работники. И вот теперь еще кулачество появилось в деревне, оно для крестьян — «мертвая петля», «ужасный и безжалостный пресс». Шелгунов призывал крестьян объединяться для общей борьбы, приветствовал нарастающее рабочее движение и выражал надежду, что это движение продолжит лучшие революционные традиции.

Михаил словно обрел надежного друга-советчика. Поверив в утверждение Шелгунова, что окружающий мир можно не только познать, но и изменить, юноша поверил и в то, что никакой высшей силы не существует, это лишь миф, успокаивающий и отвлекающий человека от борьбы за свои земные права.

Писатель помог Михаилу понять, против кого надо сражаться. Но, увы, юноше не было ясно еще очень многое: с кем идти на могучего врага, на эксплуататоров, богачей, угнетателей? Где те силы, которые способны сокрушить казавшийся незыблемым самодержавный строй? Не встречал Михаил таких людей ни в родной деревне, ни в городе.

Хотелось расспросить самого Шелгунова, но как? Обратился к Мите: что, мол, за человек, где живет? Гитлерист загорелся, рассказал охотно: это замечательный борец за справедливость, его труды восторженно читает

образованная молодежь, он покоряет умы и сердца. Повидать, послушать его стремятся многие, но последнее время Шелгунов перед публикой не появляется, не выступает: говорят, серьезно болен.

А через несколько месяцев Дмитрий принес печальную весть:

— Знаешь, Миша, писатель Шелгунов умер.

— Как?! — отшатнулся Калинин.

Дмитрий помолчал и ответил строчкой известного стихотворения Некрасова:

— «Русский гений издавна венчает тех, которые мало живут...» Он, конечно, немолод, но ему бы жить да жить, если бы не постоянные преследования властей... Похороны завтра. Нам объявили: учащимся и студентам запрещено участвовать в траурной процессии, дабы избежать осложнений.

— Какие могут быть осложнения? — не понял Калинин.

— Беспорядки, — понизив голос, сообщил Дмитрий. — Волнения.

Михаилом овладело желание обязательно попасть на похороны, хоть напоследок отвесить глубокий поклон Шелгунову. Но как уйти, не вызвав расспросов? Ложась спать, решил: с утра выполнит свои обязанности по дому, а потом скажет старшему лакею: к сапожнику, мол, требуется. Тем более что к сапожнику действительно было нужно.

С небольшим свертком под мышкой быстро шагал он по переулку, срываясь на бег. Времени в обрез. Свернул на широкую улицу и замер, увидев похоронное шествие. Лошади везли черный катафалк, а следом двигалась огромная толпа. Много людей, обнажив головы, стояли на тротуарах.

Шествие приблизилось. Несколько человек, по виду мастеровые, несли венок, на котором было написано: «Н. В. Шелгунову, указателю пути к свободе и братству, от петербургских рабочих». Михаил тянулся на цы-

почках, тщетно стараясь разглядеть через толпу лицо умершего. Проплыл мимо гроб, потом — бесконечный поток людей с печальными и решительными лицами. Шагали молча, плотными рядами.

Михаил осмотрелся. В подъездах, в подворотнях, в переулке, из которого он вышел, повсюду были полицейские, жандармы, дворники. И еще какие-то подозрительные, настороженные типы. Из охраны небось! Со всего города, что ли, их собрали сюда?! Однако они не решились преградить путь процессии, разогнать людей. Колонна, сопровождавшая катафалк, была монолитной и грозной, она смела бы любой заслон. Глядя на мастеровых, составлявших этот могучий строй, Михаил остро завидовал им. Вот те люди, которые способны вести борьбу с любым врагом. Их сплоченность, их уверенность, их сильные руки — залог победы.

Так получилось, что уже после смерти Шелгунов ответил на вопросы, мучившие Калинина. Значительно позже Михаил узнает, что, по существу, похороны Шелгунова вылились в первое открытое выступление петербургского пролетариата. И в судьбе Михаила эта демонстрация стала важной вехой. Все больше задумывался он о том, как жить дальше. К восемнадцати годам постепенно пришел к мысли, что его место среди рабочих.

За месяц Калинин побывал на четырех заводах, спрашивал насчет работы. Везде получал отказ. Устроиться, не имея специальности, было очень трудно. В те годы из голодающих деревень хлынули в города массы крестьян, привлеченные быстрым развитием фабрик и заводов. Неквалифицированных рабочих рук было в избытке. Платили чернорабочим очень мало. Как и молодым заводским ученикам.

Выбрав удобный час, Михаил обратился к Дмитрию Петровичу. Выложил все как на духу. Спасибо, стало быть, за вашу доброту, но пришла пора определяться.

прокладывать свой путь. Завод тянет. А иначе что же, в лакеях оставаться?

— Нет, Миша, в лакеях у нас ты никогда не был, — ответил Дмитрий Петрович. — Однако будущее твое виделось не среди фабричных. Ты юноша порядочный, добрый, к тебе дети тянутся. Думали с Марией Ивановной: поспособствуем, чтобы учителем стал.

— Сердечно благодарен вам, но, если можно, похлопочите: пусть на завод возьмут.

— Будь по-твоему, — огорченно произнес Дмитрий Петрович. — Крылья окрепли, пора взлетать.

Прощание вышло тяжелым не только для Михаила, но и для всей семьи. Мария Ивановна поцеловала и перекрестила его, стараясь скрыть слезы. Гимназисты Дмитрий и Александр были серьезны и молчаливы, будто разом повзрослели в день разлуки. Решительный поступок Михаила говорил им о том, что детство осталось позади. Каждый невольно задумывался о своем будущем.

ПЕРВЫЙ УСПЕХ

Мастер Гайдаш пренебрежительно разглядывал нового токаря Калинина. Молодой, в промасленной спецовке, ростом невелик, плечи не богатырские. В прежние годы, когда все зависело от физической силы, на порог цеха такого работничка не пустил бы. К тому же, видать, больно самостоятельный, непокладистый. Глядит прямо в глаза мастеру, без всякой почитливости, как на равного. Гайдашу это не нравится. Привык, чтобы под его властным взглядом рабочие опускали головы. А этот с характером. Гнать бы его в три шеи, а нельзя. Придется испытать у станка и определить в пушечную мастерскую. Производство расширяется, продукция становится сложней, спрос на нее растет. Хозяева требуют: давай продукции больше и лучше. А с кем давать? Мужичья-деревенщины за воротами завода сколько хочешь, за гроши на

любую работу кипутся, один другого отпихивая. Но что они могут? Тяжести таскать да лопатой ковырять. Не они, а квалифицированные, грамотные рабочие нужны позарез. Хоть сам к токарному станку становись! В конторе уже намекали Гайдашу: не обеспечишь выполнение заказов — отправляйся на все четыре стороны. А местечко-то выгодное.

Убедил Гайдаш перейти к нему давнего знакомого, опытного токаря Кулешова, работавшего в гильзовом отделении патронного завода «Старый арсенал», что на Литейном. Плата, мол, будет значительно выше. Тот согласился и, освоившись на новом месте, предложил Гайдашу: возьми ученика моего, Михаила Калининна. Металл он чувствует, а главное — очень даже сообразительный и грамотный. В вечерней школе учится. И вообще, как говорится, токарь милостью божьей.

— А чего с «Арсенала»-то уходит, не прижился?

— За мной тянется. Работа в «Арсенале», сам знаешь, скучная. Гони одни гильзы. А ему и мозгой, и руками шевелить хочется. И выгоднее здесь.

Гайдаш велел: пусть явится, проверим, мол, на что способен. Когда Калинин стал к станку, сразу оценил: этот далеко пойдет. Опыта поднаберется — лучших токарей обгонит. Тут уж не будешь разбираться, почтительный или дерзкий — брать надо.

На первое время положил ему малую плату, как ученику. Чтобы не зазнавался. А разницу — в свой карман. Не задаром же благодетельствовал новичка.

Михаил помалкивал, хорошо понимая, что долго в учениках мастер держать его не будет. Гайдашу нужна работа высокой точности, а доверить ее ученику он не имеет права. И действительно, мастер начал давать Калининну задания одно сложнее другого, даже более трудные, чем недавнему наставнику Кулешову. Тот еле-еле разбирался в чертежах, а Калинин — пожалуйста. Глянет разок-другой — и все ясно. Работал быстро, без брака. Ну и платить ему приходилось соответственно.

Ни Гайдаш, ни Кулешов и никто другой не догадывались об истинных причинах, заставивших Михаила расстаться со «Старым арсеналом». Не нашел он там, на этом казенном, небольшом заводе, рабочего коллектива, не встретил людей, стремившихся к борьбе. Попадались, конечно, среди молодых рабочих горячие головы, но каждый сам по себе. В основном же народ был пожилой, степенный, давно обжившейся в «Арсенале», поддерживавший администрацию, глушивший недовольство тех, кто зарабатывал мало и жил плохо. Об организованной борьбе за права рабочих не могло быть и речи там, где царил дух патриархальности. И Калинин без всякого сожаления, едва появилась возможность, покинул «Старый арсенал», где проработал два с половиной года.

Быстро разраставшийся Путиловский завод был тогда, в конце девятнадцатого века, самым большим в Петербурге и, возможно, во всей России. Продукцию давал разнообразную. Рельсы для железной дороги, которая прокладывалась на Дальний Восток, паровозы и вагоны, станки и пушки, фасонные отливки, сортовое железо, инструментальную сталь. Двенадцать с половиной тысяч человек трудились в его цехах и мастерских, целая пролетарская армия: от потомственных, хорошо оплачиваемых мастеровых, имевших высокую квалификацию, до деревенских парней, только что переступивших порог проходной. Разные, очень разные люди были здесь, но почти всех их объединяло одно: хозяйская несправедливость. Работали в холодных, закопченных цехах по двенадцать часов в сутки, а когда поступали срочные заказы, то и по шестнадцать. Пожилые говорили, что лет двадцать назад, при старом хозяине, при Путилове, было лучше. Тот сам на заводе бывал, с рабочими встречался, проявлял хоть какую-то заботу. А нового хозяина, Ляцыфорова, который сменил умершего Путилова, никто и не видел. Высоко, значит, мнил о себе. Директор Международного банка, миллионами ворочал, когда уж ему о людях думать. Однако через управляющего, через мас-

теров жал и жал на производство. А попробуй возрази, выскажи недовольство — уволят.

Михаил взял лист бумаги, подсчитал примерно оборот завода и ахнул: сумма получилась колоссальная. Если бы рабочим платили вдвое, даже втрое больше, все равно хозяева имели бы значительную прибыль. Этой же зарплаты хватало лишь на очень скромную еду и самую дешевую одежонку. Хозяева на заграничных курортах прохлаждались, дворцы себе строили, а пролетарии теснились в бараках, где и комнат-то не было: семья от семьи занавесками отгораживалась.

До поступления на Путиловский жил Калинин в центре города: сначала у Мордухай-Болтовских, потом снимал угол. Привык к чистоте и порядку, которые господствовали в столице. Теперь надо было искать комнату поближе к работе. Походил за Нарвской заставой, поглядел, где бы устроиться. Здесь была далекая окраина — город кончался у Нарвских ворот. Далее, за речкой Таракановкой, вонючей от нечистот, вкривь и вкось стояли хибары, лачуги. Везде теснота, в некоторых домах рабочие спали впокат на дерюгах. Грязь на улице после дождя такая, что едва ноги вытащишь. Михаил порасспросил людей: ни одного клуба, ни одной библиотеки во всей округе. Единственное место для отдыха и развлечения — это трактиры. За Нарвской заставой их насчитывалось около сорока. Да еще казенные винные лавки. Шум, крики, пьяные песни доносились оттуда. Многие оставляли в трактирах весь заработок.

Лишь через несколько дней Михаил отыскал подходящую комнату в деревне Волюнкиной, недалеко от завода, и поселился в ней вдвоем с Иваном Ивановым, тоже путиловцем. Это был спокойный, вдумчивый человек, тянувшийся, как и Калинин, к знаниям, к книгам.

Михаил был доволен: для своих двадцати лет он добился многого. Стал неплохим токарем, его ценили даже здесь, на большом заводе, среди умелых мастеровых.

Имел жильё. Денег хватало от получки до получки. Больше стал посылать матери. Постепенно приоделся. Купил хорошее пальто, костюм, шляпу. Дома носил рубашку-косоворотку. Если отправлялся в город — обязательно накрахмаленная сорочка и галстук. Любил ходить с тростью, и не только для шика: она помогала ему, особенно в сумерках, в темноте. Поступил во 2-е Нарвское вечернее техническое училище для взрослых рабочих Императорского технического общества. Люди там собрались интересные: наиболее грамотные, квалифицированные рабочие с Путиловского. Расширился круг знакомых, с которыми можно было поговорить, поспорить о книгах, о технике, о положении на заводе.

Все, казалось бы, складывалось хорошо, за исключением самого главного. Для чего Михаил оставил спокойную работу в «Старом арсенале»? Наверное, в первую очередь для того, чтобы разыскать «новых» людей, примкнуть к ним, посвятить себя борьбе за справедливую жизнь для своих сверстников, для всего народа. Но оказалось, что отыскать таких людей и здесь очень трудно. Случалось, на заводе, на соседних фабриках проявлялось недовольство, вспыхивали волнения, даже стачки, однако были они кратковременны и стихийны. Требовали люди плату за сверхурочную работу, возмущались придирами мастеров. Никакой руководящей силы не угадывалось, и это разочаровывало Михаила.

Не знал, не мог знать Калинин подробности событий, которые происходили за Нарвской заставой, да и во всем Петербурге, незадолго до его поступления на завод. Если уцелели на Путиловском участники и свидетели тех событий, то предпочитали не вспоминать о них вслух, по-малкивали до срока, присматриваясь к новичкам, к молодым рабочим. Это уж через много лет Михаилу Ивановичу станет известно, что в августе 1893 года в столицу приехал из Самары Владимир Ильич Ульянов. Не в первый раз: бывал здесь, когда экстерном сдавал в Петербургском университете государственные экзамены за

юридический факультет. Еще тогда Владимир Ильич познакомился тут с некоторыми марксистами. Переехав в столицу на постоянное жительство, поставил перед собой задачу — преодолеть раздробленность, кустарщину в деятельности социал-демократических кружков и групп, слить ручейки в единый поток, создать организацию революционеров. Усилиями Владимира Ильича и его соратников только за Нарвской заставой начали действовать пять марксистских рабочих кружков. Сюда, к рабочим, несколько раз приходил Владимир Ильич, беседовал с ними, отвечал на вопросы. А вскоре марксистские кружки Петербурга объединились в нелегальную социал-демократическую организацию «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Владимир Ильич возглавил «Союз» и был редактором всех его изданий.

Рабочее движение в столице тогда сразу усилилось. Это встревожило царскую охранку, она ответила репрессиями. В декабре 1895 года были арестованы руководители Петербургского «Союза борьбы» во главе с Ульяновым. В тюрьмах оказались почти все активисты «Союза», в том числе многие социал-демократы Путиловского завода. Оставшиеся ушли в глубокое подполье.

И все-таки пролетарская организация давала о себе знать. Очень обрадовался Михаил, обнаружив однажды в своем кармане листовку, вышущенную «Союзом борьбы». Значит, не напрасны его надежды и поиски, революционеры здесь, близко, работают рядом с ним. Или вот необычная стачка, начавшаяся сразу на Российской бумагопрядильне и Екатерингофской мануфактуре, что рядом с деревней Волюнкиной. Были, значит, какие-то тайные сходки, обсуждались сроки, общие требования. Полиция арестовала более тысячи текстильщиков. На Путиловском начали собирать деньги, чтобы помочь бастующим. И кто-то направлял, координировал их действия. Это наполняло Михаила надеждой связаться с подпольщиками. Но как проявить себя, чтобы заметили, что сделать, чтобы поверили, приняли в свои ряды?

ТОВАРИЩИ РАБОЧЕ ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА.
Жаднымъ нашимъ эксплуататорамъ мало той
экономики которую дѣлаютъ они, гдѣ можно
и гдѣ нельзя, благодаря которой еще не-
давно почти каждый изъ насъ, убитый
на мѣсть негоднымъ къ работѣ, нѣтъ
уже больше работавшимъ маховикомъ.

В мастерской Михаил выделялся, несмотря на молодость и простоватую наружность. К нему, книгочею, обращались за советом. Он помогал составлять прошения. Никогда никому не отказывал, не кичился знаниями, был не болтлив. И его уважали за это.

Михаил продолжал искать новые знакомства, заводил с товарищами осторожные разговоры с намеками, но нет — бесполезно. Так по крайней мере ему казалось.

Мастерская расширялась. Появился новый токарь Кушников, приехавший из Тулы. Станок его — неподалеку от станка Калинина. Глаз наметанный, движения точные. Как и многие рабочие высокой квалификации, Кушников держался независимо, перед мастером не лебезил, даже поспорил с Гайдашем, когда тот занизил расценки. Голосище у Кушникова на всю мастерскую. Михаил остановил станок, другие токари тоже.

— А ведь Кушников прав, — сказал Калинин. — Объясните, почему занижаете?

Вокруг сгрудились рабочие, ждали.

— Еще чего захотели, объяснять я вам буду! — пробормотал Гайдаш. Глянул зло на Кушникова, на Калинина. — Ишь, два сапога пара!

И удалился поспешно.

— Ну, насчет сапог неизвестно, подходит ли это нам, — пошутил Михаил, подвинувшись к Кушникову. — Пара никак не получается, смотрите, какой он и какой я.

Рабочие заулыбались. Действительно, ничего общего. У Кушникова широкая грудь, высокий рост. Калинин лишь до плеча ему достаёт. У Михаила лицо худощавое, продолговатое, волосы темно-русые, а у Кушникова физиономия круглая, густая шевелюра под цвет соломы. Калинин говорит мягко и тихо, Кушников же грохочет, хоть уши затыкай.

Посмеялись токари и разошлись к своим станкам. А вечером, после работы, Кушников догнал неторопливо шагавшего Калинина. Произнес, приглушив голос:

— Может, насчет пары-то он не ошибся?

— Вполне может быть, — улыбнулся Михаил. — Ты не очень спешишь? Давай прогуляемся.

С этого часа завязалась их дружба. В мастерской держались как прежде, разговаривали редко, зато после работы подолгу были вместе, заходили на квартиру то к одному, то к другому.

Иван Кушников оказался именно таким человеком, какого искал Михаил. Через надежных людей, своих земляков, Кушников имел связь с городским революционным центром. Ему поручено было создать на заводе подпольный кружок. А как это сделать, с чего начать — не знал. Вот и взялись вдвоем. Кушников-то новичок, а Михаил успел составить мнение о людях, кому можно доверять, кому нет.

Весной 1898 года состоялось первое занятие кружка. Народу было немного: Калинин, Кушников с двумя земляками — Коньковым и Татариновым — да еще два Ивана, Смирнов и Иванов. Из «Союза борьбы» прислали руководителя, красивого юношу в студенческой форме. Фамилия его была Фоминых, а называть себя просил Николаем Петровичем. Задав несколько вопросов и выяснив, как подготовлены кружковцы, он для начала предложил ознакомиться с «Эрфуртской программой». Михаил-то уже прочитал ее. Когда Фоминых ушел, начал объяснять, кому что было непонятно.

В условленный срок, через две недели, собрались снова. Теперь присутствовало уже десять человек. Калинин считал, что для одного кружка нужно не более двенадцати-пятнадцати слушателей. Если больше, то и заниматься трудней, и риск возрастает.

Начитанному Михаилу было легче, чем другим товарищам. Многое успел изучить сам, но и ему занятия в кружке принесли ощутимую пользу, помогли связать воедино, глубже осмыслить те разрозненные знания и впечатления, которые были приобретены раньше. Кружковцы постепенно сдружились, стали все чаще собираться вме-

сте не только для запятый, но и просто поговорить, обменяться новостями, сообща прочитать какую-нибудь повинку. Толковали о французской революции, о причинах поражения Парижской коммуны, о рабочем движении в Германии. Вместе одолели произведения Плеханова, а затем «Манифест Коммунистической партии», который на многое открыл им глаза. И как-то незаметно Михаил стал вроде бы старостой в кружке. Сказалась его образованность, организованность, доброта, сочетавшаяся с требовательностью. Прежде всего к себе, но и к другим тоже.

Иногда заглядывал к ним на огонек Николай Янкельсон, сосед по дому, в котором снимал комнату Калинин. Участвовал в спорах и разговорах. Был общителен, весел. Кружковцы считали его своим, не таились при нем, но все же на занятия, которые проводил человек, присылаемый революционным центром, не приглашали.

Оставаясь один, Михаил, как и прежде, делал заметки в дневнике. «На память о наших спорах», — шутиливо объяснял он товарищам. Не без юмора заносил в тетрадь сценки из жизни кружковцев, на всякий случай, для конспирации, изменив фамилии. Кушников называл Кушневым, Татаринова — Тариным, себя Каниным. Одного из пропагандистов, Юлия Алексеевича Попова, именовал Юлием Петровичем Юловским. Изменения вроде невелики, а формально не придерешься.

Через некоторое время, уже находясь в тюрьме, Михаил Иванович обдумал, систематизировал свои записи, воспроизвел наиболее характерные эпизоды:

«Юлий Петрович Юловский, двадцати лет, работал тоже в заводе, любитель литературы и специально интересовался политической экономикой. При его приходе обыкновенно все разговоры о барышнях прекращались, а открывались прения о литературе, о писателях, пока, наконец, он незаметно не садился на своего конька: определе-

ние слова «пролетарий» по Марксу. Тут всегда выступал оппонентом Таринов.

— Я не знаю, Таринов, как вы до сих пор не можете понять, — говорил Юловский, — что, по Марксу, пролетарий тот, кто не имеет собственности и производит прибавочную стоимость, а вы конторщика называете пролетарием, это уж совсем несообразно...

— Нет, я с вами не согласен! — кричит Таринов. — Конторщик — настоящий пролетарий. Тогда и сторожа можно не считать пролетарием, и подметайлу, и смазчика, и так далее.

Обе стороны спорят горячо и долго. Бывают моменты, когда кажется: стой, вот сговорились, остался один будочник, которого каждому хочется отвоевать на свою сторону. Но тут, как назло, ввертывает свое слово Кушнев или Канин:

— А что, Ваня, пристав тоже пролетарий? Он тоже не имеет собственного орудия производства, кроме своей тупой пашки, а в разнимании драки она почти не употребляется, для этого нужны мускулы...

— Да, по-моему, пристав есть пролетарий, — сразу, не подумав, отвечает Таринов.

Тут спор снова разгорается.

— Как? — вскакивает Юловский. — Тогда и градоначальник и министр — все пролетарии, по-вашему?.. Наконец-то вы проговорились и теперь видите свой абсурд. Если же вы все продолжаете стоять на своем, то я прекращаю наш спор до более благоприятного времени...

В конце вечера Кушнев подает совет, что пора разогревать щи, другие собираются домой, но всегда бывают удержаны трапезой, ибо «спор еще не совсем окончен»...

Конечно, кружок, учеба, разговоры по вечерам — все это хорошо. Но дальше что? Над этим начинал задумываться Михаил. Пора установить связь с надежными товарищами соседних предприятий и там тоже организовать марксистские кружки. Каждый член путиловской группы (она стала именоваться центральной груп-

пой) должен создать кружок либо в своем цеху, либо на каком-нибудь предприятии за Нарвской заставой.

Это было первым серьезным экзаменом для центральной группы, и сдала она его успешно. За несколько месяцев удалось наладить работу или установить связь с существующими кружками на резиновой мануфактуре, на текстильной и конфетной фабриках, в Экспедиции заготовления государственных бумаг и еще на двух предприятиях, расположенных не за Нарвской, а за Московской заставой. От всех кружков были введены представители в центральную группу, чтобы согласовывать общие действия. Вот и получилось, что группа Михаила Калинина распространила свое влияние на два самых крупных пролетарских района Петербурга. В революционную работу были втянуты сотни трудящихся. Скрывать деятельность такой разветвленной организации становилось все труднее. Пришлось позаботиться о конспирации. Члены центральной группы отвечали каждый за свой участок. Но даже эти, самые надежные товарищи, не всегда знали, с кем встречается Михаил в городе, от кого получает указания, нелегальную литературу. Другим же кружковцам было известно одно: возглавляет организацию Чацкий — этот псевдоним выбрал себе Михаил, очень любивший перечитывать «Горе от ума».

Между тем положение рабочих Путиловского завода продолжало ухудшаться. Хозяева выискивали новые возможности для получения доходов. На полчаса увеличили трудовой день. Но и этого показалось им мало. Пошли на хитрость. Люди давно привыкли, что сигнал начать работу подавался гудком. Протяжный и громкий, он предупреждал: через десять минут всем быть на месте. Затем раздавался так называемый «штрафной» гудок, прерывистый и резкий, подстегивающий тех, кто не успевал, опаздывал. Сразу же убирались цеховые номерные кружки, ставилась в проходной одна общая. Опоздавшие опускали туда свои номерки, зная, что сегодня у них удержат значительную часть заработка. Так было заве-

дено издавна. Но вот в хмурый осенний день 1898 года, в субботу, администрация без всякого предупреждения изменила привычный порядок. Штрафной гудок прозвучал на пять минут раньше обычного, а опоздавших оказалось сразу более трехсот человек. Возмущенные несправедливостью, они не пошли в цеха и остались возле проходной, требуя начальство. К ним вышел конторщик, сообщил: с сего дня «льготное» время сокращено до пяти минут. А штраф за опоздание увеличен до семидесяти пяти копеек. Иные столько и не зарабатывали в день... О недовольстве рабочих конторщик пообещал доложить администрации, велел разойтись и заняться своими делами.

Весь завод лихорадило. В цехах возбужденно переговаривались рабочие. Вечером путиловские социал-демократы собрались у Кушникова. Момент выгодный, можно поднять людей, чтобы они почувствовали свою силу. Были колеблющиеся, говорившие, что повод невелик, касается не всех, а только недисциплинированных.

— Но опаздывают и случайно, и по уважительным причинам, — возражали им. — И дело не только в штрафе, но и в самоуправстве администрации. Не дадим отпор — хозяева еще что-нибудь придумают.

Калинин заявил твердо:

— Всякий конфликт следует развивать до решительного столкновения... Завтра пойдем по домам, по баракам, по трактирам, будем агитировать, чтобы в понедельник все собрались у ворот завода. Потребуем не только отмены нового штрафа, но и сокращения рабочего дня.

Так и решили.

И вот настал день, памятный для Михаила Ивановича: началось первое сражение с хозяевами, которым ему довелось руководить. Задолго до гудка Калинин, Иванов, Кушников и другие члены центральной группы пришли к конторе. Здесь уже толпились люди — сказалась вчерашняя агитация. Когда прозвучал первый гудок, через проходную, как обычно, хлынул поток рабочих. Но лишь

немногие скрывались в цехах, большинство осталось во дворе. После «штрафного» гудка мощная толпа заколыхалась, задвигалась. В этот момент прозвучал голос Калинина:

— Не будем работать, пока не отменят штраф! Стачка, товарищи!

Ему ответили одобрительным гулом.

Более полутора тысяч рабочих скопилось на заводском дворе. К ним никто не выходил. Страсти накалялись. Полетели камни. В конторе, в цехах зазвенели битые стекла. И лишь после обеденного перерыва появился наконец заводской инспектор Дрейер. Принялся просить, чтобы приступили к работе. А с начальством, дескать, он поговорит сам.

— Дайте твердое обещание отменить штраф! — крикнули из толпы.

— Я приложу все усилия, — ответил напуганный инспектор.

— И чтобы никто из участников стачки не пострадал!

— Если разойдетесь, все будете прощены.

И тогда вновь прозвучал голос Калинина:

— Сейчас мы разойдемся. Но если хоть одно обещание не будет выполнено, завтра остановится весь завод. Верно, товарищи?!

Ответ был единодушным.

На следующее утро члены социал-демократической группы шли к заводу в большом волнении. Там опять собралась большая толпа, но на этот раз настроение было совсем другое. К всеобщей радости, «штрафной» гудок прозвучал как и прежде. Администрация объявила: штраф за опоздание снижен до пятнадцати копеек. Это была победа!

Рабочие почувствовали, что среди них есть вожак, способные защищать их интересы. Авторитет Калинина очень вырос. Но и вести подпольную работу стало трудней. Начальство тоже сделало выводы. На заводе появились шпики, были взяты на заметку все, кто вызывал по-

дозрение. В мае, во время массовой в лесу, дозорные сообщали: полицейские хотят охватить лес цепью. Люди успели разойтись. Но ведь кто-то, значит, предупредил охранку? Возможно, она успела внедрить в организацию провокатора. Не лучше ли на какой-то срок прекратить активную деятельность, затихнуть, притупить бдительность врагов? Нет, рассудил Михаил, это будет чрезмерная осторожность в ущерб делу. Так ведь можно оказаться не во главе событий, а в стороне от них. Разве допустимо сидеть сложа руки сейчас, когда на Путиловском готова почва для новой стачки: стало известно, что хозяева подготавливают общее снижение расценок. Обязательно надо вступить за рабочих, дать бой!

На квартире у Михаила состоялось собрание, на котором присутствовал представитель «Союза борьбы». Решили создать стачечный фонд, чтобы помочь семьям рабочих, если забастовка затянется надолго. Обсудили положение на заводе Речкина, где был кружок, тесно связанный с группой Калинина. Там вспыхнули волнения. Пришлось позаботиться о листовках с призывом поддержать выступление речкинцев. Эти листовки распространили на предприятнях за Нарвской и Московской заставами.

Особенно тщательно готовили летом 1899 года от имени «Союза борьбы» прокламацию для путиловцев. В нее, кроме восьмичасового рабочего дня и других экономических требований, были включены требования политические. Это уж борьба не только против хозяев, но и против властей. Пачки прокламаций распределили между членами группы, обговорив, кто в каком цеху распространит их.

Ранним солнечным утром в вагонных мастерских завода было объявлено: расценки снижены. Новость сразу облетела весь Путиловский. Обстановка быстро накалилась. А незадолго до этого произошел несчастный случай. Молодой токарь работал на станке, который стоял возле большого, двенадцатипудового маховика. Известно было, что маховик требует ремонта, находится около него опас-

но. Однако мастер Гайдаш не торопился, не хотел останавливать производство. Авось пропесет. Но не пропесло. Тяжелая деталь, сорвавшись с маховика, угодила в токаря. Он упал замертво. Это переполнило чашу терпения. Даже хладнокровный Кушников бросился на мастера. Калинин едва удержал друга.

— Стой, кулаками ничего не докажешь. Всем членам группы — по цехам. Готовим общую стачку!

О гибели молодого токаря узнал весь завод. Многие прекратили работу. Возбужденные, разгневанные люди обсуждали новости. Потом появились прокламации. Слова их точно били в цель. Полиция не должна вмешиваться во взаимные отношения между рабочими и капиталистами-хозяевами. Долой административную высылку. А заканчивалась прокламация фразой, вселявшей надежду и уверенность: «Помните, что мы сила, которую признает и которой боится правительство». Листовка составлялась при участии Михаила Калинина.

На этот раз начавшиеся «беспорядки» не застали врасплох охранку. Она сразу приняла ответные меры. У ворот завода и во дворе появились городовые. Прохаживались какие-то люди в штатском, даже в рабочей одежде, вынюхивали, откуда появились листовки: где взял? кто дал? есть ли еще?

В обеденный перерыв подошел к Михаилу пожилой, молчаливый чернорабочий. Всегда он как-то держался в одиночку, Калинин знал его мало. Однажды письмо в деревню помог написать. Поклоны многочисленной родне и несколько слов о том, что отправил семье деньги.

Озираясь, чернорабочий произнес негромко:

— Видел, Михайло, тут ошивался давеча тощий такой в сером пиджаке? Вроде конторский.

— Обратил внимание.

— Чужак это. Я слышал, Гайдаша расспрашивал про тебя и про Кушникова.

— А мастер что?

— Работаете, мол, хорошо, на таких дело держится.

Только петля, говорит, о них, то есть о вас, значит, давно плачет... А тот, чужой, сказал: скоро...

— Что? — уточнил Калинин.

— Скоро, значит, дождетесь петли-то. Но ты не бойсь, на заводе они вас не тронут. Они сами тут как пугливые мыши. А после работы поопасайся.

— Сердечное спасибо, друг.

О себе Калинин не очень беспокоился. Против него никаких улик. Запрещенную литературу на квартире не держал. У Ивана Кушникова хуже: в комнате, которую тот снимал, осталась большая пачка прокламаций. Улучив момент, сказал Кушникову:

— Постарайся уйти пораньше, вместе с Татариновым и Коньковым. Приберись дома.

Сразу после окончания рабочего дня эти товарищи по-одиночке покинули завод. По задворкам добрались до квартиры, быстро собрали все, что могло вызвать подозрение охраны: литературу, прокламации, списки рабочих, внесших деньги в стачечный фонд. Сунули в печку, подожгли. И едва превратилась в пепел последняя бумажка, раздался стук в дверь.

— Открывай!

Помощник пристава, первым ворвавшийся в комнату, потянул носом воздух, бросился к печке:

— Что жгли?

— Чайник согреть хотели. Голодные после работы.

Полицейские обшаривали комнату, простукивали стены. Помощник пристава разглядывал висевшие на стене фотографии. Внимание его привлек большой снимок в рамке. Человек с густой шевелюрой, с окладистой бородой.

— Это кто?

— Дедушка, — усмехнулся Кушников.

— Благопристойный человек, а вот вы порядки нарушаете. Не стыдно перед ликом его?

— Нет, ничего, — сказал Кушников, — дедушка у нас понимающий.

В это время Михаил Калинин и его бывший сосед по комнате Иван Иванов возвращались с завода вместе с другими рабочими. Они были уже недалеко от квартиры Калинина, когда из переулка вышел один из кружковцев. Замедлив шаги, предупредил:

— У вас в доме полиция.

Поворачивать было поздно. А в толпе-то все одинаковые, не опознаешь. Так и прошли они с Ивановым среди трех десятков рабочих мимо квартиры. Михаил успел заметить: в одном окне чуть сдвинулась занавеска, появилось лицо Николая Янкельсона, он всматривался в толпу. «Неужели провокатор?»

Куда теперь? Надо бы узнать, как у Кушникова, обсудить, что делать дальше. Кто-то должен остаться на заводе, направлять стачку, если она вспыхнет. Минут десять Калинин и Иванов, стоя поодаль, смотрели на дом Кушникова. Ничего подозрительного. Возле крыльца пощипывает траву привязанная коза. На кухне зажглась керосиновая лампа. Решили рискнуть.

Поднялись по ступенькам, открыли дверь, и сразу перед ними вырос полицейский с пашкой на боку. Михаил, однако, не растерялся. Произнес спокойно, даже с оттенком удивления:

— Ого, здесь гости. Ну, нам тут делать нечего, пойдем к другим.

— Не торопитесь, молодые люди, погостите с нами. Найдется о чем поговорить.

Калинин начал возражать, но в этот момент к дому подкатила коляска, из нее выпрыгнул моложавый офицер в перчатках. Видать, не малый чин. Помощник пристава вытянулся перед ним. Офицер окинул взглядом каждого из задержанных, удовлетворенно хмыкнул:

— Протокол готов?

— Так точно.

— Карла Маркса почему не сняли?

— Какого? — не понял помощник пристава. — Вот этого? Они говорят, это их дедушка.

— Пора бы знать, — резко бросил офицер. — Но раз сами признали себя родней такого дедушки, то ведите их скорей, да выберите каждому комнату понадежней. А портрет приобщите к делу.

В ночь на 4 июля 1899 года в Петербурге полиция арестовала более пятидесяти человек за принадлежность к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». В том числе почти всех активных кружковцев Нарвской заставы, которые связаны были с центральной группой Калинина. Так Михаил впервые перешагнул порог царской тюрьмы. Сколько их будет потом: камер, допросов, судов, ссылок... Но особенно, конечно, запомнился самый первый арест.

В доме предварительного заключения на Шпалерной улице поместили Калинина в одиночную камеру. Пять шагов от стены до стены. Маленькое оконце под потолком — не выглянешь. Привинченная к полу кровать с одеялом. Стол, табуретка. И давящая тишина. Будто, кроме тебя, никого нет во всем мире. Ну, привыкнуть, притерпеться к этому можно. Михаила беспокоило другое: позволят ли ему, политическому заключенному, читать и писать? И обрадовался, узнав: разрешено пользоваться тюремной библиотекой и отправлять письма. Значит, дни не пропадут даром, он займется тем, на что последний год совсем не хватало времени: продолжит учебу, самообразование.

Странное впечатление произвел новый заключенный на видавших виды тюремных надзирателей. Ничего не добивался, не просил, кроме книг и письменных принадлежностей. Строго соблюдал режим, был спокоен и вежлив, а главное — с утра до вечера, не щадя глаз, сидел, согнувшись, над толстыми томами с непонятными для надзирателей названиями. Или строчил мелким почерком письма по десять-пятнадцать страниц каждое. Жандарм, приставленный следить за перепиской, сперва осиливал их до

конца, не находя ничего, кроме рассуждений по поводу все тех же книг. Так скучно, что жандарма в сон клонило. Потом и вовсе читать перестал, лишь просматривал для порядка начало и конец.

Друзья и знакомые Михаила, оставшиеся на воле, хлопотали о его освобождении, добивались свиданий. Узнали об аресте Калинина и Мордухай-Болтовские. Это вызвало удивление в генеральской семье. Миша скромный, честный человек — и вдруг за решеткой, среди преступников! Явно какое-то недоразумение!

Дмитрий Петрович, облачившись в парадный мундир со всеми регалиями, самолично вместе с Марией Ивановной отправился в жандармское управление. Там их любезно принял жандармский офицер. Дмитрий Петрович объяснил: давно знает Калинина, этот добросовестный юноша является патриотом, не способен к дурным делам.

— Занимался запрещенной политической деятельностью, — пояснил жандарм.

— Уверю вас, это случайно! — всплеснула полными руками Мария Ивановна.

— Неосознанные поступки, юношеская удаль, — уверял Мордухай-Болтовский.

— В таком случае познакомьтесь, пожалуйста, вот с этим перечнем, — протянул офицер лист бумаги, на котором аккуратно, столбцами были выписаны названия книг и фамилии авторов. Здесь и «Обоснование народничества» Волгина, и многотомный курс истории, и «Геология» Лайеля, и «Капитал» Маркса. О последней книге Дмитрий Петрович знал, что она несколько лет назад была под запретом, но теперь дозволена для чтения и пользуется большим спросом, особенно среди молодежи. В своем доме лицеизрел сей фолиант, приносили мальчики студенты на несколько дней.

— Что, собственно, означает сей список? — поинтересовался Дмитрий Петрович.

— Это книги, которые Калинин успел прочитать, пока

находится в заключении, — с тонкой, едва заметной усмешкой пояснил офицер. — Около ста наименований и никакой развлекательной литературы. Уж не намерен ли он завершить здесь университетский курс? Простите меня, но о случайности не может быть и речи. Этот человек знает, чего он хочет.

Дмитрий Петрович долго молчал. А Мария Ивановна попросила со смущенной улыбкой:

— Не забывайте, пожалуйста, о том, что он молод.

— Да, не забывайте, — присоединился Мордухай-Болтовский. — Отнеситесь к нему помягче.

— Мы учтем ваше ходатайство. Разумеется, в рамках установленных правил, — почтительно склонил голову жандарм.

Как ни старалась охранка, она не могла собрать достаточно улик против Калинина. Весной его выпустили. Однако находиться в столице ему было запрещено. Он должен был выбрать себе место для проживания под особым надзором полиции. Михаил, поразмыслив, назвал Тифлис: там жили несколько знакомых ему социал-демократов. Надеялся, что они помогут быстрее устроиться на новом месте, включиться в революционную работу. Поблагодарив Мордухай-Болтовских за хлопоты, он ненадолго захватил в деревню, проведая родных и отправился в дальний путь.

ЯРКИЙ СВЕТ МАЯКА

В юности он хотел стать моряком. Широкая Нева, простор Финского залива, могучие военные корабли, дымившие на рейде, покорили воображение, едва он приехал в Петербург. Ну и форма морская тоже. Полосатые тельняшки, синие воротники, надписи на бескозырках, золотые якоря на развевающихся лентах. Эх, таким бы пройти по родной деревне! Очень хотелось ему отправиться в зовущую голубую даль, увидеть удивительные страны, где обитают слоны и львы, жирафы и обезьяны... Книжки

морские читал запоем, знал многие флотские термины. Еще от Мордухай-Болтовских собирался поехать в Кронштадт, поступить там в какую-нибудь морскую школу или прямо на корабль. Но рассудительный гимназист Митя тогда отсоветовал: молод Миша, к тому же худенький и ростом не вышел — на флот не возьмут. Моряки они вон какие все — богатыри!

И на заводе не сразу расстался Калинин со своей мечтой, надеялся когда-нибудь уйти в дальнейшее плавание. Даже в революционной работе прорывались у него морские словечки. Отправлялся, к примеру, в город за литературой, за листовками и, зная, что одному тяжело будет везти, предупреждал надежного товарища:

— Сразу после работы снимаемся с якоря.

— Куда?

— Направление в открытом море получишь, — отшучивался Калинин, помня о конспирации.

Иногда друзья называли его между собой «нашим моряком».

С годами, заслоненная напряженной работой, трудными буднями революционера, потускнела и словно бы осталась позади вместе с молодостью романтическая мечта. Тридцать лет исполнилось Михаилу Ивановичу. И вдруг совсем неожиданно давнее желание осуществилось. Он оказался среди пассажиров настоящего морского парохода, который отправился в рейс из небольшого финского порта в столицу Швеции — Стокгольм.

Апрельский вечер был теплым. Ветерок, правда, резковат, но волны невысокие, качка почти не чувствовалась. Пассажиры не покидали палубу, лишь изредка спускаясь в каюты погреться. А Михаил Иванович и греться не ходил, ему было хорошо и тепло. Стоял среди товарищей, ехавших на партийный съезд, любовался Балтикой, вдыхал солоноватый бодрящий воздух, вспоминая дела последних месяцев. А вспомнить было что. В сентябре 1905 года, в разгар революционных событий, он возвратился наконец в Петербург. Это было бурное время, ко-

гда рождались рабочие Советы, когда гремели выстрелы на восставшем броненосце «Потемкин», когда напуганное размахом повсеместных восстаний царское правительство приняло решение о создании Государственной думы. Уже прошел в Лондоне III съезд Российской социал-демократической рабочей партии, одоббивший резолюцию о вооруженном восстании. На фабриках и заводах готовились к решительным боям.

Барометр показывал бурю!

Как и прежде, поселился Михаил Иванович вместе с давним другом Иваном Дмитриевичем Ивановым. И на Путиловском опять трудились вместе. Завод расстроился, обновился, больше стало рабочих, особенно квалифицированных. А главное, что удивило и порадовало Михаила Ивановича, выросло политическое сознание. Рабочие не поддавались на уловки хозяев, властей. Организованно и настойчиво добивались собственных целей. Приятно было видеть, что работа, которую вели здесь прежде Калинин и его друзья, не прошла даром, посеянные семена дали хорошие всходы.

Старые путиловцы помнили Калинина, приняли как своего. Михаил Иванович быстро включился в заводскую жизнь. Несколько раз выступал на собраниях против меньшевиков, отговаривавших рабочих от вооруженного восстания. Разъяснял, что обещания царя представить народу свободы — это лишь маневр, который нужен правительству, чтобы приглушить волнения, выиграть время и, собравшись с силами, задуть революцию.

Побывал во всех цехах, во всех мастерских, и вскоре его опять знал весь Путиловский. Не прошло и месяца, как Калинин стал членом Нарвского районного комитета партии. И на первом же заседании комитета он внес предложение:

— Давайте создадим в нашем районе легальный рабочий клуб. Вроде бы с просветительской целью. Михаил Иванович пригласил начавшую отрастать бородку, усмехнулся. — У товарищей с разных предприятий будет впол-

не законное место для встреч. Доклады будем проводить, беседы.

— Где взять помещение? — спросили его.

— Для начала используем квартиру, в которой живем мы с Ивановым, а потом просторнее подберем. Лишь бы начать.

Районный комитет одобрил предложение, выделил людей в помощь Калинину. Вот и появился за Нарвской заставой своеобразный центр, объединявший рабочих различных взглядов: и активных борцов, и далеких от политики. Большевики вели там настойчивую, кропотливую работу, беседуя с товарищами, в чем-то сомневавшимися, чего-то недопонимавшими. Михаил Иванович все свободное время отдавал теперь новому клубу.

Мало кому, лишь самым надежным людям, было известно, как еще используется этот центр. Для вооруженного восстания, к которому готовились большевики, нужно было создавать и обучать боевые дружины. На Путиловском рабочие собирали деньги для покупки винтовок и револьверов. В заводских цехах, тайком от начальства, делали бомбы и ковали холодное оружие. Все это скрытно доставлялось в клуб, где и хранилось в особой комнате, вход в которую был тщательно замаскирован.

В центр сходились с заводов дружинники, чтобы затем отправиться куда-нибудь за город или на заброшенные пустыри для занятий. Овладевали тактикой уличного боя, учились стрелять. Их было семьдесят: люди молодые, горячие, полные энергии. Рвались действовать. Когда начались волнения в Кронштадте и царское правительство решило применить там силу, рабочие Питера в знак солидарности с моряками объявили стачку. Путиловские дружинники получили задание сагитировать кондукторов конок, чтобы остановили движение. Но парни не очень-то умели убеждать. Действовали без долгих разговоров. Останавливали конку, высаживали пассажиров и опрокидывали вагон. Если какой-нибудь блюститель порядка, полицейский, отказывался выйти из вагона — оп-

рокндывали вместе с ним. Дружинники даже гордились своей решительностью: вот, мол, какие мы молодцы. А Калинин выступил против:

— Кувыркать в вагонах полицию — это, конечно, хорошо, весело. Но велик ли прок? Опрокинули конку, напугали кондукторов, а дальше что? По-моему, главное внимание надо направить на боевую учебу, на стычки с черной сотней, с полицией. В таких стычках мы получаем опыт, захватываем оружие.

— А движение транспорта как остановить?

— Повлиять на кондукторов, убедить их, чтобы они во всем городе присоединились к стачке. Так гораздо надежней.

События между тем нарастали. 10 декабря пришло сообщение о том, что в Москве началось вооруженное восстание. В столице, в Питере, сразу же состоялось совещание Центрального Комитета и Петербургского комитета РСДРП, на котором присутствовали члены военной организации Петербургского комитета. Участвовал Владимир Ильич Ленин. Обсуждали конкретный вопрос: как помочь товарищам, сражающимся в Москве? Центральный Комитет партии обратился к питерским рабочим с призывом поддержать москвичей. А перед Петербургским комитетом была поставлена важная, трудная цель: помешать переброске царских войск из столицы. Но как это сделать? Решили взорвать четыре моста на Николаевской железной дороге; чтобы восстановить их, потребуется немалый срок.

Уничтожить один из мостов было поручено Калинин, возглавившему боевую дружину Нарвского района. Людей, желавших участвовать в операции, сколько угодно. А где взять взрывчатку?

— Есть динамит, — сказал боевик из партии эсеров, входивший в дружину. — Доставлю ночью, дайте помощника.

Михаил Иванович колебался. Парень вроде смелый, но эсеровский душок в нем силен. И дисциплина хромает.

Однако другого выхода не было. Наметили план действий, условились о времени и месте встречи. В ночь с 11 на 12 декабря 1905 года люди, выделенные для взрыва моста, собрались в доме на Петергофском шоссе, где жил Михаил Иванович. Явились все, кроме эсера со взрывчаткой. Его ждали час, другой, третий, но напрасно. Эсер не пришел.

На следующий день Путиловский завод был оцеплен солдатами. Они были повсюду: возле ограды, во дворе, в цехах. Начались аресты. Брали наиболее активных рабочих, социал-демократов. Наверно, заранее были подготовлены списки.

Михаил Иванович, узнав об опасности, на завод не пошел, на квартиру не возвратился, а вскоре вообще махнул в Верхнюю Троицу. От станции пробрался домой никем не замеченный и прожил у матери несколько недель, стараясь не показываться на улице.

Выждав время, Калинин нелегально возвратился в столицу и с помощью товарищей устроился токарем на Трубочный завод — большое предприятие на Васильевском острове. Теперь среди подпольщиков Петербурга он был известен под именем «Никанор».

В трудные, напряженные дни конца 1905-го — начала 1906 года в жизни Михаила Ивановича произошли два важнейших события, личное и общественное, если только можно их так разделить. Однажды сошлись на одной из питерских квартир большевики, работавшие прежде в Ревеле: Михаил Иванович несколько лет провел в этом городе в ссылке после Тифлиса. Почти все собравшиеся были знакомы. А вот одну из девушек Калинин не знал. Катя Лорберг, совсем еще молодая, худенькая, скромная, рассказывала, что работала раньше ткачихой, участвовала в забастовках. Упомянула маевку у озера Юлемисте. И Михаил Иванович, как оказалось, тоже был на этой маевке. Разговорились, вспоминая Ревель. Девушка уехала оттуда вместе с сестрой, спасаясь от преследования полиции. Теперь обе работают в Петербурге. Под видом доставки

покупок на дом разносят по нужным адресам пакеты, нелегальную литературу, передают устные сообщения.

Весь вечер Калинин не сводил глаз с новой знакомой. За ее сдержанностью, застенчивостью угадывался сильный характер. И она тоже частенько поглядывала на Михаила. Его добрая, бесхитростная улыбка правилась ей. С разговорами он не надоедал, других не перебивал, но как-то очень доходчиво, простыми словами умел высказать самое главное.

После этого вечера они стали встречаться. Редкими и короткими были свидания: оба днем на работе, а вечером заняты партийными делами. Время выкраивали с трудом, но тем дороже были проведенные вместе минуты. Михаил Иванович понял: впервые пришло к нему большое, настоящее чувство.

А другое событие было таким, что Калинин сперва своим ушам не поверил, узнав о нем. В партийных организациях столицы развернулась подготовка к IV съезду РСДРП. На собраниях низовых партийных коллективов горячо обсуждались позиции большевиков и меньшевиков. Были миротворцы, склонявшиеся к взаимным уступкам, к выработке общей, обтекаемой программы. А Калинин последовательно, решительно отстаивал большевистские принципы, те тезисы, которые выдвигал Ленин. И вот когда были избраны делегаты на съезд от столичной партийной организации, среди них оказался и Калинин. Михаил Иванович был и взволнован и горд доверием товарищей.

Начал готовиться к дальней дороге. Подал заявление в контору с просьбой дать отпуск по болезни. Приобрел несколько новых сорочек и шляпу. Накануне отъезда целый вечер провел с Катей. Объяснить ей, куда направляется, не имел права. Но девушка почувствовала необычность его состояния, спросила, что с ним.

— На некоторое время нам придется расстаться, — сказал он.

Катя глянула пристально и тревожно:

— Это не очень опасно?

— Думаю, нет. Но если что-нибудь случится, проведешь в тюрьме?

— Конечно.

— А как назовешься-то? — скрывая волнение, улыбнулся Михаил Иванович. — Ведь посторонних не пускают.

— Скажу, что твоя невеста.

Охваченный радостью, он обнял ее:

— Значит, решено? Всю жизнь вместе!

— Навсегда, — тихо ответила Катя.

И вот теперь стоит он на палубе парохода, прохладный соленый ветер дует в лицо. Рядом с ним — делегаты съезда, представители многих партийных организаций. А в Петербурге ждет любимая девушка, можно считать — жена. Да, пожалуй, никогда прежде не было у него сразу столько радостей.

Делегаты долго не покидали палубу. К вечеру спустились в просторную каюту попить чайку перед сном. И тут слово за слово — между большевиками и меньшевиками завязался спор по тем вопросам, которые должны были обсуждаться на предстоящем съезде. Кому владеть землей? Как ее обрабатывать? Клим Ворошилов, Михаил Фрунзе, Емельян Ярославский, Степан Шаумян отстаивали позиции Владимира Ильича Ленина. Ораторы были умелые, испытанные в горячих дискуссиях. Ворошилов говорил увлеченно, быстро. У Фрунзе каждая фраза продуманная, весомая, словно слиток серебра. Михаил Калинин рядом с ними сперва терялся, помалкивал. Потом начал высказывать свое мнение. К его репликам прислушались. Уж кто-кто, а Калинин хорошо знал, как живут крестьяне, к чему стремятся.

В самый разгар чаепития раздался вдруг сильный удар. Пароход содрогнулся, будто налетевший на препятствие конь. Кто-то упал с койки. Погас свет. Послышались испуганные выкрики.

— Спокойно! — это голос Фрунзе. — Никакой паники! Всем оставаться на местах!

Потянулись очень неприятные минуты. Машина парохода продолжала работать, корпус его дрожал, но судно не двигалось с места. Скрежетало железо. На полу плескалась вода. Может, авария? Может, тонем?!

Но вот тускло засветились электрические лампочки. Стало немного спокойней. В каюту вошел капитан, рослый и хмурый финн. Объяснил: пароход сел на риф. В порт послан радиосигнал, есть надежда, что подоспеет помощь.

— Как же это могло случиться? — спросили его.

— К сожалению, здесь слабый маяк, его не видно в тумане.

Капитан отправился объясняться с пассажирами других кают. Делегаты приуныли. Обидно, если опоздают к открытию съезда. Фрунзе сказал:

— Вот как опасно отправляться в рейс, не имея надежного маяка.

— Да уж, — поддержал Калинин. — Непременно с курса сойдешься, окажешься на мели или на рифе.

— В прямом или в переносном смысле? — насторожился один из меньшевиков.

— И в том, и в другом. Вот вы считаете, что Государственная дума явится центром революционных сил страны, способна возглавить борьбу с самодержавием. А мы так не думаем...

И вновь в полутемной каюте завязался ожесточенный спор.

Под утро сильнее стал ветер, увеличились волны. С грохотом били они в борт полузатопленного парохода. Опасность возрастала. Что, если волны столкнут пароход с рифов и он перевернется? Михаил Иванович усмехнулся: сбылась мечта о настоящих морских приключениях! Куда уж настоящей-то! Не оказаться бы в ледяной воде штормового моря. Тем более что и пловец он не ахти какой.

К счастью, на рассвете показался вдали дым судна, спенившего на помощь. Пассажиры благополучно перебрались на этот пароход, и рейс был продолжен. После полудня судно медленно вошло в шведский порт. На причале делегатов встречали товарищи, которые прибыли раньше, зарубежные друзья, местные социал-демократы. Все направилось к большому зданию Народного дома.

На следующий день открылся IV съезд, названный Объединительным. Обсуждались многие вопросы и среди них аграрная программа, современный момент и классовые задачи пролетариата, а также отношение к Государственной думе, к вооруженному восстанию. Калинин с интересом слушал выступавших, готовился высказать и свое мнение о думе. Но самым важным было то, что он каждый день видел и слышал Ленина, который сделал доклады по аграрному вопросу и о текущем моменте. Многие из того, что казалось Михаилу Ивановичу запутанным, сложным, Ленин объяснял очень ясно и просто, вскрывал взаимосвязь событий, обосновывал перспективы. Сила логики, эрудиция, революционная страстность Владимира Ильича покоряли не только соратников, но и некоторых противников.

С работами Ленина Калинин знаком был давно. Еще в 1898 году, в год своего вступления в РСДРП, несколько раз прочитал, изучил от первого до последнего слова книжку «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», отпечатанную на гектографе в какой-то подпольной типографии. Очень помогла тогда эта книжка Калинин и его товарищам-путильцам разобраться в политической обстановке. Автор доказал, что «хождение в народ» — дело прошлое, новое время требует новых форм борьбы с самодержавием, с капитализмом. Кто отныне играет главную историческую роль в России, кто способен поднять людей на политическую борьбу? Безусловно, рабочий класс, пролетариат.

Много говорили тогда кружковцы об этой книге. Спрашивали пропагандиста, присланного из «Союза борьбы»,

кто написал ее, но пропагандист и сам не знал точно. по слухам, автор — студент Казанского университета... Поэтому фамилия автора не только в России — всему миру стала известна!

Впервые увидел Калинин Владимира Ильича лишь в начале 1906 года, в легальном социал-демократическом клубе Василеостровского района столицы. Такой же клуб, какой был создан Калининым в Нарвском районе, только народа здесь было больше, сюда приезжали люди со всего города. Михаил Иванович бывал там по партийным делам. Однажды в клубе к нему быстро подошел невысокий рыжеватый человек, сказал весело, чуть картавя:

— Вы товарищ Никанор? Здравствуйте. Много хорошего слышал о вас, рад познакомиться. Ульянов.

— И я рад! — несколько растерялся от неожиданности Михаил Иванович. — Давно хотел...

Какая-то женщина остановилась возле Владимира Ильича, строго предупредила: пора, их ждут. Владимир Ильич дружески кивнул Калинин: ничего, мол, не поделаешь. Успел лишь пожелать на прощанье:

— Всего вам доброго, товарищ Никанор.

Это были считанные мгновения. А теперь — почти весь день они в одном зале. Только слушай!

Социал-демократы собрались в Стокгольме для того, чтобы объединить усилия большевиков и меньшевиков в борьбе против самодержавия. Но меньшевики сразу и по всем вопросам начали выступать против Ленина, стараясь захватить руководство съездом, навязать партии свои решения. А Калинин сердцем чувствовал: правда на стороне Владимира Ильича. Несколько раз меньшевики пытались потолковать с Калининым, убеждали не спорить, старались перетянуть в свой стан.

Получилось так, что на этом съезде численный перевес оказался у меньшевиков. Почему? Да потому, что в России на заводах, фабриках, в деревнях продолжалась революционная борьба, большевики находились там, в гуще событий. А среди меньшевиков было много эмигрантов,

проживавших за границей, им гораздо легче было попасть в Стокгольм, на съезд. Они беспардонно использовали свое преимущество. Большевики, к примеру, вносят резолюцию — меньшевики против. Большевики дают дельные, конкретные предложения — их не принимают.

У меньшевиков, однако, имелось очень уязвимое место. Партия-то рабочая, пролетарская, а среди делегатов-меньшевиков почти не было представителей с заводов и фабрик. Несколько человек, да и те колебались. Меньшевистские лидеры сами ощущали эту слабость. Собрались теоретики, гнут свою линию, а практики, приехавшие с мест, посланцы пролетариата, их не поддерживают, они с Лениным. Странное положение для меньшевиков. Вот и решили собрать делегатов — рабочих, сагитировать, перетянуть на свою сторону. Выступить должен был один из меньшевистских лидеров — Аксельрод. Узнав об этой затее, делегаты-рабочие обратились за советом к Владимиру Ильичу. Калинин сказал возмущенно:

— Что они за осликов нас считают? Аксельрод надеется нам зубы заговорить? Не пойдём!

Ленин ответил не сразу. Подумал, улыбнулся с веселым лукавством:

— Послушайте его, это полезно будет.

— Да какая польза, Владимир Ильич?

— Считаю, что мы, большевики, не должны избегать дискуссий. Надо уметь отстаивать свое мнение перед любым противником.

И вот собрались в комнате представители рабочих, расселись на стульях. Калинин в первом ряду. Молодой, на вид простоватый, этаким полукрестьянин-полурабочий откуда-нибудь из провинции. Наверно, так и подумал Аксельрод. Он часто поглядывал на Никанорова (под этой фамилией был на съезде Калинин), будто обращался непосредственно к нему, красноречиво расписывая, какая хорошая начнется жизнь, если в стране будет создан парламент. Высший орган власти, общенациональный политический центр, так сказать, выбранный всем народом, за-

щищающий интересы рабочих и буржуазии, крестьян и всех других слоев общества. Аксельрод осудил Московское вооруженное восстание, настаивал на том, чтобы социал-демократы заключили союз с буржуазной кадетской партией.

Громко, красиво рассуждал Аксельрод, подчеркивая наиболее важные слова привычными жестами. Любовался собой, убежденный в неотразимости собственных доводов.

Наконец устал меньшевистский вожак, вытер платком лоб, хотел сесть, но тут прозвучал негромкий вопрос Калинина:

— Интересы-то разные, как тут быть?

— Что? — не понял Аксельрод.

— Насчет парламента я, насчет кадетов хочу сказать, — поднялся Михаил Иванович.

Заговорил вроде бы не очень уверенно, подбирая нужные фразы, но постепенно так разошелся, что Аксельрод про усталость забыл, не сидел, а вертелся на стуле. Все его доводы опроверг Калинин. Приводил примеры, упоминал о событиях, участником которых был сам.

— Пух и перья летят от меньшевика, — восторженно произнес кто-то в задних рядах.

Михаила Ивановича поддерживали другие делегаты. А последним взял слово Владимир Ильич. Он сказал, что картина выявилась совершенно определенная, ему остается лишь подвести некоторые итоги.

Для Аксельрода поражение явилось полной неожиданностью.

«Я не знал, что эти рабочие так развиты!» — удивленно повторял он. А Михаила Ивановича обидела эта фраза. Как же так: один из лидеров партии, а не знает, не понимает людей, которые трудятся в партийных организациях. К тому же на съезд выбирали не первых попавшихся товарищей, а лишь партийцев, закаленных в борьбе, прошедших суровые университеты подполья, тюрем и

ссылкок. Вот и вопрос: можно ли верить лидерам, подобным Аксельроду?

— Нет, с такими, как он, нам совершенно не по пути, — говорил Калинин своим товарищам, Фрунзе и Ворошилову. — Такие, как он, наш революционный корабль к победе не приведут. Обязательно на риф налетим!

— Один выход из положения — самим за руль браться, — соглашались друзья. — Рабочие руки крепкие.

— А главное — маяк у нас самый надежный. Ленинские идеи освещают дорогу, показывают нам направление. С этим маяком мы никогда не собьемся с курса, — твердо сказал Калинин.

И СЕРП, И МОЛОТ

Первая русская революция окончилась неудачей. Царское правительство беспощадно расправлялось с ее участниками. Сильный удар нанесла охранка по социал-демократической партии, особенно по большевикам. Многие товарищи были упрятаны в тюрьмы, высланы в Сибирь. Некоторые уехали за границу. Партия снова ушла в глубокое подполье.

Михаилу Ивановичу пока удавалось избегать новых репрессий. Сказывался большой опыт конспирации. Смелость и решительность сочетались в нем с осторожностью и предусмотрительностью. Предпринимая что-либо, заранее обдумывал, как не оставить улик, не подвести друзей и себя. Он исподволь продолжал вести в Питере партийную работу, сплавивая уцелевших большевиков, привлекая новых товарищей. Но этого было мало. Надо было показывать людям, что революционный дух не сломен. И вот сагитировал Калинин группу рабочих механического завода отметить Международный день солидарности трудящихся, демонстративно не выйти на работу, то есть фактически объявить 1 мая однодневную забастовку. Так и поступили.

Заводское начальство давно уже косилось на Калинин, подозревая в нем смутьяна, только доказательств не было. А теперь пожалуйста: веский повод для того, чтобы уволить с завода. Сделано это было с большой поспешностью. На следующий же день, 2 мая 1908 года, Калинин получил расчет.

Годом раньше Михаил Иванович не очень огорчился бы: не в первый раз. Подумаешь, с умелыми руками и в другом месте устроится. Но теперь у него была семья. Катя недавно родила сына, сидела дома с маленьким Валерианом. А муж занесен в «черный список», ни на одно предприятие не возьмут. Хорошо, товарищи подсказали: в Петербурге, мол, свои списки, а в Москве — другие, Михаил Иванович наверняка в них не значится, надо ехать туда.

Распродав все, что имели, Калининны приобрели билеты на поезд и отправились сначала в Верхнюю Троицу, а в конце лета — в Белокаменную. Первое время намучились, ночуя с ребенком где придется, пока не подыскивали дешевую квартиру на Большой Полянке: две комнатки в мезонине. Голые стены, печка, никакой мебели. Ребенка положить некуда, сесть не на что. Но Екатерина Ивановна не теряла бодрости, деловитости, чувства юмора. В соседнем магазине за гроши купила ящики из-под яблок. Нашлись гвозди. Молоток взяли у соседей. Михаил Иванович соорудил кровать для сына, дощатый стол, некое подобие стульев.

Катя продолжала благоустраивать новое жилище, а он подыскивал работу. Совсем недавно в центре Москвы по линиям бывшей конки пошли электрические вагоны — трамваи. Для них были сооружены электроподстанции. Одна на Лубянке, возле древней стены Китай-города. Туда и устроился Михаил Иванович помощником монтера. Дело непривычное, новое, с электричеством вообще мало кто был знаком. Калинин присмотрелся к действиям монтера, прочитал несколько специальных книжек, изучил инструкцию, разобрался в схемах и почувствовал себя уверенно. Платили здесь неплохо, а деньги сейчас были осо-

бенно нужны — родилась дочка Юля. Теперь семья сводила концы с концами.

Огорчало только, что жену и детей Михаил Иванович видел редко: не оставалось времени. Дежурил на подстанции, осваивал новое дело. Надо было установить связь с московскими большевиками, подключиться к их деятельности. Это получилось не сразу. Московская организация пострадала больше, чем петербургская, фактически была разгромлена, ее требовалось создавать заново. Для этого в Москву по заданию ЦК партии приехал Яков Михайлович Свердлов. Кое-что ему удалось сделать, связать некоторые подпольные нити. Но Москва была наполнена шпиками и провокаторами. Вскоре Якова Михайловича арестовали. Чувствовалось, что поражение революции породило у многих рабочих неверие в возможность борьбы, равнодушие. Такие настроения надо было преодолевать как можно скорее.

Михаилу Ивановичу наконец повезло: встретил большевиков среди коллег-трамвайщиков. Оказалось, что техником на Миусской подстанции работает профессиональный революционер Петр Гермогенович Смидович. Там же дежурными монтерами были еще два большевика. И Калинин поспешил перевестись на Миусскую. Теперь у них была хоть и маленькая, но надежная организация, было место для хранения нелегальной литературы. Сами начали составлять и распространять листовки.

Используя петербургский опыт, Михаил Иванович предложил создать легальный рабочий клуб. Ведь по закону организация культурно-просветительных обществ, курсов и воскресных школ не запрещалась. Так и появился вскоре в одном из домов неподалеку от электроподстанции «Клуб для небогатых слоев населения».

Все вроде бы соответствовало установленному порядку, но миусские большевики преследовали, разумеется, свои цели. По вечерам здесь проводили собрания члены профсоюзов с окрестных предприятий и учреждений. Кто хотел отдохнуть — играл в шашки, читал книги, газеты.

Желающие учились играть на балалайке. А в другой комнате, за плотно закрытой дверью, большевики обсуждали свои планы, готовили прокламации, вели споры с меньшевиками, которые совсем растерялись после поражения революции. Калинин доказывал, что спад, кризис — явление временное. Надо продолжать политическое воспитание рабочих и крестьян, готовить их к новой битве с самодержавием.

Конечно, шпики, наводнявшие все общественные места, очень скоро обратили на Калинина особое внимание. В жандармском управлении завели на него «дело», числился он в охранке под кличкой Живой. Не случайно, знать, выбрали ему такое прозвище: Калинин выделялся своей энергией, подвижностью, разнообразной деятельностью. Создается новый профсоюз — Калинин выступает с речью, призывает трудящихся бороться за свои права. Начались волнения на заводе — его видят там: о чем-то беседует с рабочими. И в клубе он главный организатор, и на работе часто задерживается после смены, приходят к нему на подстанцию разные люди. Когда успел завести столько знакомых? Для чего?

Догадывались шпики, что не случайно проявляет Живой такую активность, однако фактов конкретных у них не было. В охранке «специалисты» ломали головы над тем, какую зацепку найти. Наконец придрались. «Клуб для небогатых слоев населения» не зарегистрирован по всем правилам. Вроде бы работает он незаконно. Хоть и формальная, а зацепка. Калинина сразу в тюрьму. Поддержали несколько дней и выпустили, взяв подписку о немедленном выезде.

В Петербурге появляться нельзя, оставаться в Москве тоже. Что предпринять? Выход один: ехать в Верхнюю Троицу, куда еще весной отправилась семья переждать там трудное время.

И радостной и горькой была в тот раз встреча с матерью — Марией Васильевной. Соскучилась она по сыну. Но ведь понимала: не от хорошей жизни вернулся Миха-

ил. Он сам не знал, на какой срок. Конечно, мужчина в доме был очень нужен. Иван-то Калинин, отец Михаила, умер больше трех лет назад, оставив на Марию Васильевну все хозяйство. По дому, со скотиной, на огороде она управлялась, а на полевые работы сил не хватало. И в молодости-то Мария Васильевна была невысокая, худощавая, а теперь, под грузом лет и тяжелого труда, стала словно ниже ростом. Морщинки избородили доброе лицо. Пожалеть бы ее надо, однако Мария Васильевна держалась бодро и сама полусути утешала сына:

— Хватит тебе в духоте да в копоты молотком по железу стучать, отдышись маленько на чистом воздухе. Не забудь еще, как сено косить да дрова колоть?

— Любое умение полезно, — смеясь в ответ Калинин. — Сегодня серпом поработаем, а завтра опять за молот возьмемся!

Вообще-то за двадцать лет в городе, приезжая в Верхнюю Троицу лишь на короткий срок, поотвык Михаил Иванович от крестьянской жизни и работы. Видел, конечно, как бедствуют земляки, в том числе мать с отцом, хотя постоянно помогал им деньгами. А теперь вся семья оказалась без приработка. Что вырастишь, что возьмешь с поля да с грядок — тем и кормиться будешь. И налоги плати. И на одежду, на керосин, на чай, на сахар, на мыло деньги требуются...

Ели обычно вареную картошку и постный суп, подбеленный молоком. Подспорьем были ягоды, грибы. Рыбу ловили, когда выкраивалось время. А так весь день в поле. Надо навоз вывезти, вспахать делянку, засеять, сорняки прополоть. Но, сколь ни трудись, сколь ни надрывайся на скудной земле, урожая все равно на год не хватит. Михаил Иванович вместе с несколькими крестьянами взялся готовить древесный уголь. Валили лес, выжигали в специальных ямах. Потом везли продавать свой товар в город Кашин. Выручали немного, по пятнадцать-двадцать копеек за куль. Возвращался Михаил Иванович домой усталый, весь черный от угольной пыли, но доволь-

ный. Какие-никакие, а деньги. И обязательно привозил детям подарки: леденцы или пряники.

Когда начался сенокос, вставал в три утра и вместе с крестьянами спешил на луг. Даже рослым, мускулистым мужикам нелегко было час за часом махать косой, а Калинин-то среди них как подросток, да и навык у него не тот. Однако старался идти вровень со всеми, не портить ряд. Подгибались ноги, кружилась голова, но он не отступался. Мужики, ценившие земляка за ученость, за то, что безотказно помогал писать им письма и прошения, уважали его еще больше. «В чем только душа держится, а поди-ка, не отстаешь!»

В минуты отдыха рассаживались вокруг Михаила Ивановича, расспрашивали о столичном житье-бытье, о недавних бунтах. Навсегда, мол, кончено дело, не вырваться крестьянам из ярма, не завладеть землей или как? Калинин отвечал осторожно, приглядываясь, кто из земляков понадежней. С такими по вечерам затевал особые разговоры. Сядут вдвоем или втроем на завалинку, дымя махоркой. Беседа текла откровенная. Михаил Иванович рассказывал, почему не удалась революция, объяснял, что рабочие и крестьяне должны объединиться в борьбе против капиталистов и помещиков. Только сообща можно победить врага. Это не один он, Калинин, так думает, есть целая партия, которая готова поднять рабочих и крестьян на новую революцию. А возглавляет партию очень умный и смелый человек — Владимир Ильич Ульянов-Ленин, младший брат того Ульянова, который казнен был за покушение на царя еще лет двадцать пять тому назад.

— Вы, братцы, рассказывайте обо всем этом в соседних деревнях, в тех артелях, с которыми отправитесь на отхожий промысел, — советовал Михаил Иванович. — Но не всем подряд, а людям знакомым, верным, которые умеют держать язык за зубами.

Хотелось Калинину снабдить крестьян прокламациями, популярной большевистской литературой, газетами. Грамотные мужики есть, почитали бы и для себя, и вслух.

Только где взять такую литературу? Хорошо бы в Петербург тайком съездить...

Сначала это казалось несбыточным. Не отпускала работа, не было денег. Однако Михаил Иванович не отказывался от этой мысли, тем более что быт семьи постепенно налаживался. Екатерина Ивановна, хоть и городская, хоть и не знала прежде другой работы, кроме ткацкой, не опустила руки, не растерялась. Сдружилась с соседскими женщинами, приобщилась, правда, не сразу, к крестьянской работе. Мария Васильевна хлопотала во дворе при детях, а Екатерина Ивановна и лен брать научилась, и рожь жать, и цепом молотить. Пахать умела, казалось, не хуже Михаила Ивановича, полоска земли у нее получалась будто пуховая. Постепенно стала вроде бы главной в доме. А хозяйство досталось ей неважное. Изба перекосилась. Надо было поднимать один угол. Сбруя для лошади веревочная, в местах обрывов связана мочалкой. Колеса телеги пора менять. Плуг и борону надо чинить. За что ни возьмись — одни дыры.

Однако правильно говорится: голь на выдумки хитра. Обследовала Екатерина Ивановна горницу, сарай, амбар — искала, что можно продать без ущерба для семьи. Вот, например, дровни. Хорошие дровни: большие, крепкие, кованые железом. Но зачем они? Лошаденка слабая, такую тяжесть и без груза не тянет. Мария Васильевна против продажи не возражала. Покупатель нашелся в соседней деревне. И серебряные карманные часы, долго лежавшие в сундуке, следом пошли. Общая выручка — двадцать рублей. На них купили новую ременную сбрую, починили телегу, привели в порядок плуг, борону. Михаил Иванович диву давался хозяйственной сметке жены. Она освобождала его от многих мелких забот, оставляя время для дела, которое он считал самым главным: для революционной работы. Всегда, при любых условиях.

Летом в свое имение приехали Мордухай-Болтовские. Михаил Иванович побывал у них. Встреча была теплой. В семье генерала выросли дети, самые младшие заканчи-

вали учебу. Дмитрий Петрович нашел возможность помочь Калининым. Не подачкой, конечно. Сказал: нужен человек, который два раза в неделю ходил бы за тридцать верст в Кашин получать почту. Плата — три рубля в месяц. Калинин прикинул: это выгоднее, чем жечь уголь, потом возить его в тот же Кашин без твердой уверенности в том, что продашь.

Обязанности почтальона взяла на себя Екатерина Ивановна. Ноги у нее были легкие. Уставала, конечно, очень, обернувшись за день туда и обратно, а все же это был хоть какой-то просвет в однообразной деревенской жизни. Михаил Иванович встречал жену на телеге верстах в восьми от Верхней Троицы и, пока добирались до дома, просматривал газеты, поступавшие к Мордухай-Болтовским. Все они были одного толка: буржуазные, правительственные, в них мало говорилось о положении трудящихся, о настроениях масс. Лишь по косвенным признакам Калинин догадывался, что революционное движение снова шло на подъем. А сам он вроде бы на обочине.

Не выдержал Михаил Иванович. Собрал деньжонок на поезд и тайком от соседей, от всех знакомых на несколько дней махнул в Петербург. Потом еще раз. Через много лет он, вспоминая, напишет:

«Приедешь из провинции на Николаевский вокзал, денег по обыкновению ни гроша, выходишь на Знаменскую площадь, идет липкий, мокрый снег. Скупой питерский свет скрывает конец проспекта 25 Октября*. Вдыхаешь полной грудью воздух столицы. Ах, как хорошо! Если есть деньги, на трамвай сядешь, а нет — быстрее трамвая айда на Васильевский, Выборгскую или Нарвскую заставу, к выходу рабочих с заводов. Там встреча с товарищами, выходящими с работ. Кормят обедом. Устраивают с квартирой...

Вечером тесная компания — идет обсуждение заграничных новинок, новые тезисы Ленина, дающие богатый материал в полемике против меньшевиков».

* Невский проспект (Прим. авт.).

Были, конечно, и шутки, и веселые острые словечки. Явился однажды Калинин на квартиру к друзьям в старенькой поддевке и в валенках. Обнялись, поздоровались. А давний и верный друг Правдин постучал по столу, привлекая внимание, заговорил как оратор на собрании:

— Смотрите, братцы, мы видим перед собой деревенского кулака, похожего на тех, с которыми нам еще предстоит воевать...

Расстегивая поддевку, Михаил Иванович не задержался с ответом:

— Радуйтесь, представители пролетариата, что вы имеете здесь, в своих рядах, представителя деревенщины, а вернее говоря, представителя крестьянства, самого ближайшего союзника в будущей борьбе. Без крестьянства никуда не уйдем!

— А надежен ли союзник-то? — уже всерьез спросили его. — Проникают ли в крестьянские массы наши идеи?

— Мало мы еще работаем в деревне, очень мало, — сказал Калинин. — Мужик нутром чувствует несправедливость, мечется, ищет правильную дорогу. Эсеры склоняют крестьян на свою сторону. Так что дел у нас в деревне — край непочатый. Давайте, братцы, революционную литературу, листовки. Завтра же увезу, сколько смогу захватить.

Отправляясь в такие поездки, Михаил Иванович говорил в деревне, что едет либо в Яковлевское навестить свою бывшую учительницу Боброву, либо в Капшин и задержится там на несколько дней. Но у жандармов, не оставивших Калинина без своего пристального внимания, частые его отлучки вызвали подозрение. Уж не связаны ли они с тем, что во всей волости, даже во всем уезде появилось множество прокламаций, передаются из рук в руки нелегальные книжки? Решили устроить неожиданный обыск в доме Калининных.

Был обычный день. Михаил Иванович работал в поле. Екатерина Ивановна ушла в волостное село: затеяла ста-

вить новый сруб вместо покосившегося. Нужно было узнать, какие требуются бумаги. Мария Васильевна с детишками была на гумне. Вдруг прибежала соседка с известием, что приехали жандармы, оцепили дом Калининых, никого не подпускают, а сами роются везде, даже сено перетрясли и в погреб лазили. Мария Васильевна скорей в деревню. Возле плетня ее задержал стражник: «Кто такая?» — «Хозяйка». — «Не велено пущать!» — заявил стражник и хотел обыскать ее. Но Мария Васильевна так разозлилась, что бросила в лицо стражника пониток — домотканую кофту — и проскочила мимо него во двор. В доме открыла сундук, отдернула занавеску на печке, крикнула жандарму:

— Ройтесь, ищите, бесстыдники!

Михаила Ивановича между тем доставили в избу старосты и учинили допрос. Ничего не добившись от него, принялись поочередно вызывать мужиков. Допытывались: не собирается ли народ у Калинина, не читает ли он вслух книжки, не затевает ли разговоры против царя? И вообще, нет ли подозрительного в его поведении? Крестьяне, конечно, знали многое, но ни один не выдал своего земляка. Отвечали почти одинаково: «Михайло мужик справедливый», «Хороший мужик, умный», «И работать горазд, и грамоту знает, не зря у барина-то возрастал».

Ничего не добившись, жандармы отпустили Калинина домой, а сами убрались восвояси. Но Михаил Иванович понял: тайные поездки придется прекратить. Это было тем более обидно, что большевики всюду, особенно в крупных городах, вновь развернули активную работу, влияние их на заводах и фабриках росло. А Михаил Иванович что же — должен затаиться и ждать лучших времен?

Екатерина Ивановна первой в семье заметила перемену в настроении мужа. Затосковал, заскучал он, оказавшись в стороне от больших дел. Мыслями в Петербурге. Конечно, жаль было Екатерине Ивановне покидать Верхнюю Троицу. Жили хоть и не очень спокойно, но де-

тишкам было хорошо на приволье. Только ведь знала она, за кого выходила замуж, обещала всегда быть верной помощницей и подругой ему — профессиональному революционеру. И когда он не очень уверенно заговорил о том, что пора бы ему перебраться в город, где товарищи помогут поступить на работу, Екатерина Ивановна не стала возражать. Пригладила рукой его ершистые волосы, сказала как можно спокойнее:

— Представляешь, что ждет тебя там? Опять подполье, угроза ареста. Силенок-то хватит?

— Выдюжу, — радостно улыбнулся он, поводя плечами. — Во как окреп в крестьянском труде. А при первой возможности вас к себе заберу.

— Ладно, — подавила вздох Екатерина Ивановна. — Завтра запряжем лошадь, до Кашина провожу.

— Знаешь, Катя, ты у меня самая-самая лучшая, — дрогнувшим от наплыва чувств голосом сказал ей Михаил Иванович.

САМОЕ ОТВЕТСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

Февральская революция 1917 года смела прогнанный самодержавный строй. Царь вынужден был отречься от престола. Однако на смену царским сановникам сразу пришли представители буржуазии. Власть оказалась в руках Временного правительства, которое заботилось не о рабочих и крестьянах, а о том, как сберечь помещичьи и кулацкие хозяйства, как не обидеть толстосумов-капиталистов. Продолжалась осточертевшая народу война с германцами, каждый день уносившая все новые и новые жертвы. Продолжалась все та же эксплуатация, прикрытая лишь красивыми лозунгами о равенстве и свободе. Конечно, буржуазные партии были довольны своим новым, руководящим положением. Некоторые революционеры, годами боровшиеся против самодержавия, в такой обстановке растерялись: переворот свершился, а что дальше? И лишь большевики во главе с Владимиром Ильичем

Лениным заняли ясную, твердую, понятную всему народу позицию. Земля должна принадлежать крестьянам, фабрики и заводы — рабочим. Войну закончить немедленно. Все привилегии господствующих классов отменяются. Никакой эксплуатации человека человеком. А чтобы добиться этого, надо совершить еще одну революцию, теперь уже не буржуазную, а социалистическую.

К этому времени, к осени семнадцатого, Михаила Ивановича Калинина в Питере хорошо знали не только старые партийцы, но и рабочие многих заводов и фабрик. Когда начались выборы в Петроградскую городскую думу, рабочие оказали ему доверие, он стал гласным (депутатом) столичной городской думы. Больше того, трудящиеся Лесновско-Удельнинского района выдвинули Калинина на пост председателя управы районной думы. Кроме него, в состав Лесновской думы вошли еще почти два десятка большевиков. Таким образом Михаил Иванович оказался «хозяином» целого района столицы. Помощников он подобрал из числа партийцев. Комендант — большевик. Секретарь Катя Алексеева — тоже: Калинин знал ее давно, вместе работали на заводе «Айваз». И конечно, Михаил Иванович превратил Лесновскую думу в один из опорных пунктов столичной партийной организации. Тем более что находилась дума далеко от центра, в тихом и малолюдном месте, в доме № 13 по Болотной улице. Двухэтажный деревянный особняк, с башенкой, с резными украшениями, стоял чуть в стороне от других зданий и был окружен деревьями.

Утром 16 октября Михаил Иванович пригласил Катю Алексееву в свой кабинет, плотно прикрыл дверь.

— Сегодня вечером у нас важное совещание... Очень важное, — подчеркнул он. — Необходимо принять все меры предосторожности.

— Охрана будет?

— Несколько моряков. Приведет Евсеньч, ты его знаешь.

Катя — опытный конспиратор, понимает все с полу-

слова. Но даже ей, надежнейшему товарищу, Михаил Иванович не мог, не имел права сказать, насколько ответственное мероприятие намечено было провести в помещении Лесновской управы. Здесь под руководством Ленина состоится расширенное заседание Центрального Комитета партии вместе с представителями других большевистских организаций Петрограда. Обсуждаться будет самый главный вопрос — о вооруженном восстании.

Временное правительство чувствует, какая над ним нависла угроза, какова обстановка в столице. Правительство принимает свои меры. На улицах — патрули юнкеров. Пронсятся казачьи разъезды. Много шпииков. Они ищут, где скрывается Ленин. Опасность на каждом шагу. А здесь, в управе, соберутся сразу тридцать пять руководящих работников партии, «генералы революции», как называл их Михаил Иванович. Большая ответственность легла на его плечи. Но он считал, что поступил правильно, дав согласие провести заседание в Лесновской думе. Не догадаются, не смекнут ищейки Временного правительства, что большевики совещаются не на конспиративной квартире, а в официальном учреждении.

В этот день всех сотрудников управы они с Катей Алексеевой отпустили пораньше. Проверили, легко ли, без скрипа ли ~~открывается на первом этаже~~ окно, через которое можно уйти в случае опасности. На втором этаже, где должно было состояться совещание, плотно задернули все шторы, чтобы свет не проникал на улицу. Прикинули, как лучше использовать для охраны матросов.

Вечер выдался темный, холодный, промозглый. Накрапывал дождь. После семи часов среди деревьев перед домом начали появляться знакомые фигуры. Пришли Ф. Э. Дзержинский, Н. В. Крыленко, И. В. Сталин, В. В. Володарский, Я. М. Свердлов. Кто в штатском пальто, кто в солдатской шинели. Страхивали с одежды капли, поднимались в кабинет Калинина, там раздевались. Сам Михаил Иванович встречал товарищей в полутемном коридоре у входной двери.

Но где же Владимир Ильич? Уж не случилось ли что с ним? Эта мысль все сильнее тревожила Калинина. А Ленин между тем находился совсем близко. Сунув руки в карманы пальто, он прислонился спиной к забору в пустынном переулке. Рядом с ним — молчаливый, невозмутимый большевик Эйно Рахья, которому Центральный Комитет партии поручил охранять Ильича. Чуть дальше — Александр Васильевич Шотман, проявлявший явное беспокойство. То поглядывал в черную глубину переуллка, из которого они вышли, нет ли за ними слежки, то вглядывался туда, где сквозь мглу едва заметно проступали очертания Лесновской думы. Дом казался совершенно пустым. Ни огонька, ни звука. Тишину нарушал только лай собак да стук колес редких извозчиков.

— Не пора ли? — поеживаясь от сырости, в который раз спрашивал Владимир Ильич.

— Нет, — категорично отвечал Рахья.

— Мы пойдем последними, — сказал Шотман. — Когда убедимся, что никто не притаился за собой «хвоста».

— Вам поручено, вы и решайте, — вынужден был согласиться Ленин.

Наконец Шотман, считавший тех, кто по двое, по трое входил в дом, вздохнул с облегчением: «Все здесь!» И тотчас Рахья первым решительно направился к зданию управы. Вот и крыльцо с нависшим над дверью балконом. Навстречу шагнула женщина, закутанная в платок.

— Катя, это мы, — тихо произнес Рахья.

Бесшумно распахнулась и сразу закрылась дверь. Тускло блеснуло золото на бескозырке моряка, граненый штык. Еще дверь. В гардеробе горела керосиновая лампа. Появился Калинин, сказал радостно:

— Здравствуйте! Владимир Ильич, не простыли?

— Прекрасная погода для конспирации, — ответил Ленин, снимая пальто. — Э нет, батенька, я сам... Погода вполне подходящая, но эти молодые люди, — кивнул он на Шотмана и Рахью, — со своей архиосторожностью битый час продержали меня на улице.

— Согреемся, Владимир Ильич, — заторопился Калинин. — У нас тепло. И чай будет.

— Не откажусь, — улыбнулся Ленин, прислушиваясь к голосам, доносившимся откуда-то сверху. Вопросительно посмотрел на Калинина.

— Проходите сюда, по лестнице, — пригласил Михаил Иванович.

Заседание началось. Доклад делал Ленин. Говорил он почти два часа, рассказывая о положении в стране, о нарастании революционных настроений трудящихся. Всем ходом своих рассуждений он подвел слушателей к выводу: сама обстановка в России требует вооруженного восстания пролетариата.

К сожалению, Михаил Иванович не мог полностью прослушать этот важнейший доклад. Сидел на стуле возле двери и несколько раз выходил из комнаты. То надо было сменить караульных, то Кате показалось что-то подозрительное, и Калинин с двумя моряками обошел вокруг дома. Все было в порядке. А когда возвратился, услышал резкую, как выстрел, фразу Ленина:

— История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь же!

Один за другим поднимались участники заседания, высказывали свое мнение. Почти все поддерживали Владимира Ильича, но были и такие, которым не по нутру пришлась мысль о восстании. Один сказал, что у большевиков еще мало сил, а у контрреволюции много, поэтому лучше бы подождать. Другой говорил, что восстание еще технически не подготовлено. Потом забасил Яков Михайлович Свердлов. Сам-то он худенький, а голос такой мощный, что стекла задрожали. Михаил Иванович обеспокоился: не слышно ли на улице?

Аргументы Свердлова были убедительны. Партия стремительно растет, в ней около четырехсот тысяч человек. Много сочувствующих. Усилилось влияние большевиков в армии и на флоте. В Москве, например, массы рабочих требуют решительных действий...

Коротко, четко сформулировал свою мысль Дзержинский. Он полностью поддерживает предложенную Лениным резолюцию. Восстание назрело. Откладывать его нет никакого смысла.

Слушая товарищей, Михаил Иванович подумал: говорить много не будет. Зачем? Владимир Ильич раскрыл все узловые моменты, повторять их необязательно. Только собственное мнение по самому главному пункту.

— Товарищ Калинин, вы? — спросил председатель.

Михаил Иванович кашлянул, тронул бородку:

— Резолюция, товарищи, не значит, что завтра выступать, но она переводит вопрос из политики в стратегию и призывает к определенному действию... Не нужно сходить на путь парламентской борьбы, это было бы неправильно. Ждать, пока нападут, тоже не следует, ибо сам факт наступления дает шансы победе.

— Да, да, именно из политики в стратегию, именно так! — согласился Владимир Ильич.

Долго еще продолжались прения. Несколько раз слово брал Ленин, спорил с противниками восстания, убеждал колеблющихся. Сколько же терпения, настойчивости, твердой веры в успех надо было иметь, чтобы так страстно, аргументированно доказывать правоту своего дела. «Нервы тратятся, душевные силы, — думал Калинин, глядя на Ильича. — А ведь у него здоровье-то не очень крепкое...»

— Предлагаю резолюцию, — Ленин поднес ближе к усталым глазам мелко исписанную страничку, начал читать хрипловатым голосом: — «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

Владимир Ильич сложил лист, отошел от стола. Почти

минуту в комнате царил тишина. Участникам заседания предстояло принять решение, может быть, самое главное, самое важное в их жизни, от которого зависели судьбы многих и многих людей.

Поднялся со стула председатель собрания Свердлов.

— Будем голосовать, товарищи! Кто за эту резолюцию, прошу поднять руку... Так, очень приятно... Кто против? Так, двое... Кто воздержался? Четыре человека... Ну, что же, товарищи! — Голос Свердлова обрел торжественное звучание. — Резолюция о вооруженном восстании принята подавляющим большинством голосов!

Михаил Иванович почувствовал, как учащенно забились сердце. Теперь восстание неизбежно! Начинается то главное, к чему он стремился, ради чего боролся все предшествующие годы. Всей своей жизнью, как и другие товарищи по партии, готовил он то, что должно свершиться теперь, — социалистическую революцию!

Взглянул на часы: уже близилось утро. Пора было расходиться. Первым, в сопровождении Шотмана и Рахьи, ушел Владимир Ильич. За ними, в некотором отдалении, следовал Дзержинский — на всякий случай. Хотел убедиться, что возле управы нет засады и Ленину ничего не угрожает.

Дождавшись, пока управа опустела, Калинин помог Кате Алексеевой навести порядок, убрать окурки, проветрить комнаты. Чтобы никаких следов ночного заседания не осталось. Ведь среди сотрудников управы, которые вскоре явятся сюда на работу, могут быть, всякие люди.

Когда он наконец приехал к себе домой на Выборгское шоссе, жена уже встала, готовила завтрак. Она ни о чем не спросила. Привыкла к его долгим отлучкам, к неожиданному появлению. Что можно сказать — он сам скажет, а если промолчит, значит, нельзя, значит, не его, а партийная тайна. Не показывая виду, как беспокоилась за него, Екатерина Ивановна поставила перед мужем та-

редку с гречневой кашей, где быстро таял маленький кусочек сливочного масла. Участливо глядя в его осунувшееся лицо, спросила:

— Когда ложку-то последний раз в руках держал?

— Кажется, вчера утром... Или позавчера, — задумался он. — Да ты не беспокойся, чай пью регулярно. Вот только спать некогда было, — Михаил Иванович понизил голос. — Новости, Катюша, очень серьезные. Помнишь, я говорил тебе про ленинскую резолюцию?

— Как же не помнить!

— Сегодня обсудили. И приняли окончательное решение. Начнем в ближайшие дни.

— С оружием, значит?! — Екатерина Ивановна зябко повела плечами. — Господи, Миша, да ты же крови боишься, курице голову ни разу не отрубил... Вся деревня знает.

— Мы постараемся избегать кровопролития, но без боя власть нам не уступят.

Они поговорили еще несколько минут, обсудили, как поступить Екатерине Ивановне в случае неудачи восстания. Калинин чувствовал, что начинает засыпать за столом, сказалось напряжение минувших суток. Жена заметила это.

— Ложись, — посоветовала она. — Когда разбудить-то? До вечера отдохнешь?

— Нет, подними, пожалуйста, через два часа. На завод нужно, потом в Центральный Комитет, потом в управу. Дел у нас всегда много было, а сейчас — особенно.

ЗАРЯ НОВОЙ ЭПОХИ

В ту историческую ночь каждый большевик был там, куда его направила партия. Одни возглавляли отряды моряков, красногвардейцев и солдат, окружившие Зимний дворец, другие занимали вокзалы, телеграф, государственные учреждения, третьи охраняли мосты через Неву... Ка-

линину и еще нескольким большевикам — гласным Петроградской городской думы — поручено было находиться непосредственно в здании думы, участвовать в заседаниях. Дело-то нешуточное: по существу, городская управа была вторым по значимости после Временного правительства органом власти в столице. От нее зависело управление Петроградом. А две трети гласных в думе — представители буржуазных партий: кадеты, эсеры, меньшевики. Эсером был и городской голова Григорий Шрейдер, человек чрезмерно полный, страдающий одышкой, властолюбивый и хитрый. Не исключалось, что после свержения Временного правительства городская дума попытается взять власть в свои руки. Агитировать, переубеждать многих депутатов не было смысла: они явные противники социалистической революции. Калинин и его товарищи должны были хотя бы нейтрализовать думу, помешать ей, если она решится предпринять что-либо в поддержку Временного правительства.

Заседание думы началось вечером, в девятом часу. Председатель предоставил слово Шрейдеру. Всегда степенный и невозмутимый, городской голова на этот раз почти бегом бросился к трибуне. Оратор был опытный, прямо-таки артист на сцене. Умел возвысить голос или понизить его до трагического шепота, своевременно вздеть руки. В думе к этому привыкли, даже посмеивались над «фокусами Шрейдера». Однако сейчас не до улыбок. Городской голова был бледен.

— Граждане гласные! — выкрикнул он. — Большевики, заседавшие в Смольном, предъявили Временному правительству ультимативное требование сдаться со всеми находящимися в Зимнем дворце вооруженными силами. По истечении срока ультиматума по дворцу будет открыт оружейный огонь с крейсера «Аврора».

Гул прокатился по залу.

— Граждане гласные! — Шрейдер резко повысил голос. — Через несколько минут загремят пушки и под развалинами Зимнего дворца погибнет Временное правитель-

ство Российской республики! Можем ли мы оставаться безучастными свидетелями этих преступных действий?!

— Нет! Не позволим! — Депутаты орали, топали ногами. Кадеты, меньшевики, эсеры, народные социалисты — все были на стороне Шрейдера. Молчали только большевики, сидевшие тесной группой плечом к плечу. Калинин чуть заметно посмеивался: пока ничего серьезного, один шум.

— Граждане гласные! — Шрейдер вскинул руки, но, задохнувшись, опустил их. Справившись с одышкой, продолжал: — С целью предотвращения кровопролития мы должны как можно скорее направить свою делегацию к войскам, осадившим Зимний дворец. Вторую делегацию, которая отправится в Смольный, с вашего согласия, возглавлю я сам.

— Правильно! — поддержали из зала. — И на «Аврору» послать! Трех делегатов послать на крейсер к матросам!

Михаил Иванович Калинин и Дмитрий Захарович Мануильский обменялись взглядами. Думцы, мол, не только бряцают словами, но начинают действовать.

— Надо предупредить наших, — негромко произнес Калинин.

— Это было бы очень кстати, — ответил Мануильский.

Оратор, сменивший на трибуне Шрейдера, кричал, что большевики топчут демократию, их нужно остановить, пока не разразилась братоубийственная война. Нельзя допускать, чтобы правительство было свергнуто силой... Запоминая его слова на случай, если придется возражать, дискутировать, Михаил Иванович выбрался из зала и направился к телефону. Связь работала плохо. Смольный не подключали. Калинин удалось соединиться с конторой Франко-Русского завода. Знал, что дежурит там свой человек, большевик. Сказал ему:

— Из думы пойдут делегаты к Зимнему, в Смольный и на «Аврору». Уговаривать будут... Ты меня понимаешь?

Сообщил морякам, чтобы встретили как следует. И в Смольный тоже...

На столе возле телефона — графин с водой. Михаил Иванович посмотрел на свет стакан: вроде бы чистый. Налил, выпил не торопясь, с удовольствием. Вытер платочком усы. Не хотелось возвращаться в душный и шумный зал. Сейчас бы на площадь к Зимнему, к своим товарищам, которые, наверно, уже приготовились к штурму. Но что поделаешь, его бой — здесь.

Пока Калинин отсутствовал, обстановка в зале накалилась. Уже не речи раздавались с трибуны, а брань неслась в адрес большевиков.

— Сколько лжи, сколько клеветы в наш адрес! — возмутился Мануильский. — Надо ответить! Как вы, Михаил Иванович? Вы ведь не только гласный думы, но и председатель районной управы, ваш голос особенно веский.

— Облить бы крикунов холодной водой, — поддержал сосед слева. — Только ведь не позволять говорить.

— Как это «не позволять»? — улыбнулся Михаил Иванович. — У всех одинаковые права!

Записка с требованием предоставить слово пошла по рядам. Вскоре председатель объявил неохотно:

— Выступить хочет представитель большевиков Калинин.

Тут уж началось настоящее безобразие. Крики, свист взорвали зал.

Не обращая на это внимания, Михаил Иванович быстро прошел по проходу. Остановился возле трибуны, прищурясь, смотрел на беснующихся делегатов. Кто-то сумел перекричать даже такой шум, тонкий голос вонзился в уши:

— Предлагаю прекратить прения! Прекратить!

Председатель явно обрадовался этому предложению. С издевочкой глянул на Калинина.

— Будем голосовать! Граждане, кто за то, чтобы прекратить прения?

Конечно, подавляющее большинство.

— Принято! — объявил председатель и, повернувшись к Калинин, произнес с ядовитой вежливостью: — Можете не утруждать себя и не волноваться.

— Я и не волнуюсь. Нисколько, — «успокоил» его Михаил Иванович Калинин. Вступил на трибуну, утвердился на ней, произнес: — Здесь говорили все, кроме большевиков. Теперь мы хотим ответить на ваши выпады, изложить свое мнение.

Снова невообразимый шум потряс зал. Кто-то начал хлопать ладонью по портфелю, за ним последовали другие. Председатель даже не пытался навести порядок. Сам ногою притопывал.

Калинин снял очки, принялся протирать стекла, всем своим видом показывая, что спешить ему некуда, с трибуны он не уйдет: проверим, дескать, у кого крепче нервы. При всех условиях время сейчас работает на большевиков. Каждая выигранная здесь минута — это помощь тем, кто находится на Дворцовой площади.

Шум и гам начали постепенно стихать. Утомились депутаты. Но тут в середине зала запели:

День пройдет, настанет вечер,
А за ним наступит ночь.

Думцы подхватили:

Ночь пройдет, настанет утро,
А за ним наступит день.

И пошло раз за разом:

День пройдет, настанет вечер,
А за ним наступит ночь...

Михайлу Ивановичу даже весело стало. Взрослые люди, мнят себя политическими деятелями, а до чего дока-

тились. Комедия, и только! Обычно певец со сцены исполняет для всего зала, а он удостоился чести: весь зал, десятки думцев поют для него. Придется поблагодарить, когда кончат. Только конца-то не видно. Одним депутатам надоедало, они отдыхали, но слова подхватывали другие. Ну что же, ждать так ждать: Михаил Иванович устроился поудобней, опершись локтями о край трибуны.

Рядом вдруг появился Шрейдер. Он был очень возбужден. Зал сразу смолк. Шрейдер жестом потребовал освободить трибуну, но Михаил Иванович не двинулся с места. Несколько секунд городской голова сверлил Калинин яростным взглядом, потом обратился к залу:

— Граждане гласные! У меня чрезвычайное сообщение. Правительству дано второе предупреждение. Скоро будет открыта стрельба. Криками мы ничего не добьемся. Давайте принимать меры. Предлагайте кандидатуры, кому идти к Зимнему дворцу, кому в Смольный, кому на «Аврору».

Думцы называли фамилии, голосовали, а Михаил Иванович стоял на трибуне и ждал. Наконец все делегации были сформированы. Шрейдер и еще несколько человек отправились в Смольный. Взгляды опять устремились к Калинин. Думцы молчали, вероятно, смирившись с мыслью: большевика им придется все-таки выслушать. Михаил Иванович заговорил так, будто предлагал всем порассуждать вместе с ним:

— Меня страшно удивило возмущение целого ряда гласных тем, что правительство свергается физической силой, силой штыков... Я не знаю, — развел он руками, — покажите мне хоть какой-нибудь пример в истории, когда бы правительство не свергалось силой. Все правительства всегда так свергаются. Мы свою тактику и раньше не скрывали перед народом. Мы всегда призывали народ следовать ей и говорили: власть, враждебную народу, можно свергнуть только вооруженным восстанием. И вот когда пришло время, когда это восстание стало нужным,

нелогично было бы, чтобы наша партия отказывалась от этого восстания...

Михаил Иванович сделал большую паузу, пристально оглядел затихший во враждебном внимании зал. Будто выискивал желающих возразить ему. И, не найдя, продолжал:

— Правительство Временное было создано самочинным образом. И поэтому говорить о свержении его как о чем-то недемократическом — смешно. Когда исполнительный орган, призванный служить народу, не выполняет воли демократии, она имеет полное моральное право свергнуть этот исполнительный орган... Никто не может обвинять демократию в отсутствии великодушия. Рабочий класс и крестьянский класс никогда не расправлялись с буржуазией так, как буржуазия с ними. Ведь демократия сейчас не пролила еще ни одной капли крови, она спокойно взяла власть, и в этот момент вы авансом обвиняете эту демократию в вандализме. Кроме позора, ничего другого после этих обвинений на вас лечь не может!

В полной тишине Михаил Иванович оставил трибуну, прошел на свое место. Простота и ясность слов Калинина, его непреклонная убежденность произвели впечатление на многих гласных. Председатель был в замешательстве. Потоптался возле трибуны, неуверенно обратился к залу:

— Кто еще просит слова?

Взметнулись руки. Вскочили несколько кадетов и эсеров. В этот момент со стороны Невы донесся гулкий удар. Звякнули стекла. Все замерли. Михаил Иванович понял — это дала залу «Аврора»! Значит, началось!

Кто-то побежал звонить по телефону. Вернувшись, объявил: ничего не удалось выяснить.

Как ни тягостно было оставаться в неведении, Михаил Иванович не имел права покинуть свой пост. Дождаясь, пока вернутся все депутации, посланные думой. Их постигла полная неудача. Солдаты и красногвардейцы, окружавшие Зимний, не стали слушать агитаторов, а на

«Аврору» думцев вообще не пустили: матросы посоветовали им катиться куда подальше.

Городской голова, тоже не добившийся никакого успеха, возвратившись в думу, тотчас внес новое предложение. Всем гласным немедленно идти на Дворцовую площадь, в Зимний дворец, и там, действуя по обстоятельствам, защитить, спасти членов Временного правительства или «умереть вместе с ними». Такой поворот событий не вызвал особого энтузиазма. Одно дело — произносить речи в теплом и светлом зале, а другое — отправляться в промозглую осеннюю почь, где творится неизвестно что, где стреляют. Мануильский призывал гласных отказаться от этой затеи. Однако решение было принято: большинство думцев и часть публики, оказавшейся в думе, натянув пальто и калоши, развернув зонтики, вышли на улицу. Взяли мешки с хлебом и колбасой для осажденного правительства. Шрейдер отдавал команды. Пожилые люди, не изведавшие военной службы, неумело выстраивались в колонну. Была уже поздняя ночь. Появившийся откуда-то министр Прокопович возглавил шествие.

— Не навредят они там? — с беспокойством спросил Мануильский.

— Поздно. Да и товарищи наши уже предупреждены, — ответил Калинин.

Теперь, когда дума опустела, большевикам не было никакого смысла оставаться здесь. Решили идти в Смольный, узнать обстановку.

На улице — темень. Ни трамваев, ни извозчиков. Изредка быстрым шагом проходили небольшие отряды вооруженных матросов или рабочих. В центре слышались редкие выстрелы. По черному небу полоснули прожектор.

Миновали Знаменскую площадь. Начался Суворовский проспект. Михаил Иванович был скор на ногу, товарищи едва успевали за ним. Мануильский покашливал, видимо, был простужен. Он-то как раз и обратил внимание на светлую полосу впереди. И чем дальше они шли, тем полосу эта становилась шире и ярче.

— Вероятно, пожар, — сказал Мапуильский.

Михаил Иванович, взглядываясь, отрицательно качнул головой:

— Нет, не пожар.

— Тогда что?

— Это заря, товарищи! — радостно воскликнул Калинин. — Заря нового дня, заря нашего будущего!

— Не может быть. До рассвета еще далеко.

— А вы подойдите сюда, ближе ко мне, — позвал Михаил Иванович, остановившись. — Отсюда виднее.

Впереди, среди черных домов, на фоне мрачного неба, ярко, празднично и призывно всеми окнами, всеми фонарями подъездов светился, сиял, разгоняя ночную тьму, прекрасный Смольный дворец.

1

ХОЗЯИН БОЛЬШОГО ГОРОДА

«Дом под каланчой» — так называли в Петрограде здание на Невском проспекте: с большими окнами, с приметной издалека башней. Оно и до сих пор является одним из украшений города. Для Калинина это здание, в котором размещалась дума, стало особенно памятным. Октябрьская революция разом ликвидировала Временное правительство вместе со многими его учреждениями. А городская дума уцелела. Это орган выборный, его не отменишь. К тому же большое и сложное городское хозяйство ни на один день нельзя было оставлять без руководства. Надо давать в дома свет и воду, поддерживать движение транспорта и многое-многое другое.

Революция распространялась по стране от центра к окраинам, провозглашая и устанавливая повсюду новую жизнь. А в Петрограде, в столичном городе, существовало вроде бы две власти. Новая, Советская, быстро набиравшая силу, и старая дума, защищавшая интересы буржуазии, противившаяся всем начинаниям большевиков. Хуже того, в помещении управы с ее многочисленными

комнатами тайно встречались враги нового строя. Был создан так называемый «Комитет спасения родины и революции», которым руководил городской голова Шрейдер. Такое название вводило в обман обывателей. Питерские большевики, рабочие не без иронии «окрестили» его «Комитетом спасения контрреволюции». Отсюда распространились слухи о том, что в Петроград скоро вступят войска, верные Временному правительству, расправятся с большевиками и с теми, кто помогает им. Отсюда шли указания в министерства, в различные государственные организации не выполнять требований Советской власти.

Даже собственной «гвардией» Шрейдер умудрился обзавестись. Молодые добровольцы из богатых семей несли охрану здания, выполняли обязанности связных и курьеров.

Городской голова начал создавать по всему Петрограду домовые комитеты, якобы для защиты жизни и имущества граждан. Это особенно насторожило Михаила Ивановича. Хитер старый лис Шрейдер! Значит, на каждой улице, в каждом доме появятся вооруженные отряды, послушные ему. Сила внушительная. Никак нельзя смотреть на такое «начинание» сквозь пальцы.

Шрейдер, похоже, намеревался исподволь превратить столичную думу чуть ли не в главный орган государственной власти, распространить свое влияние по всей стране. Установил связь с иностранными посольствами, попросил их, даже потребовал признавать только те документы, на которых есть его подпись. Некоторые дипломатические представители колебались: с кем считаться, со Шрейдером, которого они знали, или с малоизвестными им большевиками? Не прогадать бы!

Чтобы заручиться поддержкой внутри страны, Шрейдер затеял еще одну авантюру: решил собрать общероссийский съезд представителей городских и земских самоуправлений, сколотить такую организацию, которая повсюду в провинциальных городах и губерниях играла бы главную роль. Прямо-таки наполеоновские планы бы-

ли у городского головы. Михаил Иванович, имевший доступ на все заседания, ко всем документам думы, внимательно наблюдал за действиями Шрейдера. Дом 33 по Невскому проспекту — «дом под каланчой» — превращался в штаб контрреволюции. Пора было принимать меры.

Калинин поговорил с Луначарским, с Мануильским, и большевики-думцы обратились в Совет Народных Комиссаров с предложением распустить городскую думу, избранную еще при старой власти, не отвечавшую нынешнему положению в столице. Совнарком постановил: быть посему!

Новые выборы состоялись через две недели. В них приняли участие все желающие жители города: особенно рабочие, бедняки с окраин. И сразу выяснилось, какая партия пользуется поддержкой народа. Из двухсот новых гласных сто восемьдесят восемь были большевиками. На первом же своем заседании они избрали городскую управу, председателем которой стал Калинин.

Казалось, все ясно, однако Шрейдер и его компания новых выборов не признали и продолжали собираться «под каланчой». Дума-то переизбрана, а старая управа действовала, распоряжалась. И вот 1 декабря 1917 года Калинин и Мануильский вдвоем отправились в думу. Они теперь представители законной власти, надо брать хозяйство в свои руки. Вошли, отдали гардеробщику пальто. Михаил Иванович, мельком глянув в зеркало, одернул френч.

Едва переступил порог зала — все головы повернулись к нему. Тишина — мертвая. На лицах — изумление, любопытство, ненависть. Да, на взаимное понимание рассчитывать не приходилось. Михаил Иванович поднялся к знакомой трибуне, отыскал глазами Мануильского. Тот кивнул поощряюще. Калинин в ответ чуть заметно приподнял руку: ничего, дескать, не беспокойтесь. Твердо прозвучали его слова:

— Я, избранный на основе всеобщего равного голо-

сования петроградским городским головой, прошу вас сложить свои полномочия и оставить помещение!

Он думал, что зал разразится криками, руганью, топотом. Не впервой ему вызывать негодование этих людей. Но на этот раз они подготовили нечто другое. Раздался смех. Даже не смех — презрительный, надменный оскорбительный хохот. Слышались лишь отдельные голоса:

— Глядите какой! Голова без головы!

Михаил Иванович был несколько обескуражен. Смотрел на искаженные злобой лица, на расняленные хохотом и криками рты, и постепенно гнев разрастался в нем. Однако он давно и хорошо знал: грубость, хамство — это оружие тех, у кого нет достаточных аргументов. Он и мальчишкой-то, бывало, никогда не бранился, редко повышал голос, а, пройдя школу профессионального революционера, научился владеть собой при любых обстоятельствах.

— Господа! — Он нарочно назвал их не гражданами, а так, как обращались в царское время. — Вы рано веселитесь, господа! Пословица говорит: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Мой вам совет — покинуть это помещение раз и навсегда!

Повернулся и ушел, оставив думцев в растерянности, в недоумении.

— Куда он? Что теперь делать? — переговаривались в зале.

Вскоре кто-то сообщил: Калинин занял кабинет городского головы. Шрейдер бросился туда, но через несколько минут вернулся красный, запыхавшийся, держа в одной руке пальто и калоши, а в другой какие-то бумаги.

— Черт знает что! — ругался он. — Не позволю! Передайте всей управе, всему городскому хозяйству: выполнять только мои распоряжения! Сейчас же всюду прекратить работу!

Между тем Михаил Иванович, осмотревшись в просторном, с громоздкой мебелью кабинете, не спеша вы-

курил козью ножку и принялся за дела. Прежде всего надо выяснить финансовое положение управы. Снял телефонную трубку, связался со старшим бухгалтером.

— Говорит новый городской голова Калинин. Здравствуйте. Заходите, пожалуйста, сейчас ко мне.

— Кто говорит? Городской голова Калинин? — в голосе бухгалтера звучала ирония. — Мне такой неизвестен.

В трубке — сигнал отбоя.

Эти слова не удивили Михаила Ивановича. Он готов был к противодействию служащих. Хотелось бы, конечно, по-доброму, но можно и власть употребить. Он вызвал коменданта думы. Это был человек, привыкший выполнять распоряжения начальства. Сказал ему:

— Пригласите ко мне старшего бухгалтера.

— А если они не пожелают? — засомневался комендант.

— Бухгалтер находится на службе и обязан явиться по вызову городского головы. А уж если не пойдет сам, привести надо, — усмехнулся Калинин.

— Как привести? Силой? — изумился комендант.

— Можно и так. Но лучше словами.

Попятавшись, комендант исчез за дверью. Возвратился он растерянный и смущенный. Доложил, что старшего бухгалтера в управе нет, он отбыл домой, и многие другие служащие отбыли тоже. Оставшиеся проводят собрания у себя в отделах: признавать нового городского голову или нет, объявлять забастовку или не объявлять?!

Значит, саботаж. Прием не новый. Служащие многих учреждений Петрограда не выходят сейчас на работу. Одни стараются ослабить тем самым Советскую власть, а большинство просто выжидает, как развернутся события.

Михаил Иванович решил осмотреть управу. В сопровождении коменданта прошел по опустевшим коридорам, заглядывал в комнаты. Чиновников — как ветром сдуло. На столах, на полу вороха служебных бумаг. «Дела» рас-

шиты, листы порваны. Дверцы шкафов распахнуты, стулья опрокинуты, некоторые сломаны.

— Это же варварство, — пожал плечами Калинин. — А я считал, что в управе работают порядочные, образованные люди. На что они рассчитывают, любопытно знать?

— Жалованье служащим выплачено на два месяца вперед. Так распорядился гражданин Шрейдер, — пояснил комендант.

— Вот оно что! Полагают, значит, что больше двух месяцев Советская власть не продержится.. И вам тоже деньги выданы?

— Как и всем. Но мои подчиненные на местах, выполняют свой долг, — не без гордости ответил старый служака. — Истопники, дворники, уборщицы, гардеробщики здесь. И те младшие служащие, которые живут в здании думы.

— А что, младшие служащие иногда разбираются в делах не хуже старших, — вслух размышлял Михаил Иванович. — Ведь через них непосредственно шла вся работа... От моего имени пригласите тех, кто сейчас в управе, на собрание.

— И дворников?

— Среди дворников, гардеробщиков тоже найдутся грамотные?

— Читать и писать умеют, — заверил комендант.

Речь, с которой обратился Калинин к собравшимся, была очень короткой. Он сказал, что городское хозяйство обслуживает всех, не считаясь с чинами и сословиями. Вода, свет, хлеб нужны каждому. Кто хочет трудиться для города, для людей, пусть сейчас же приступает к работе. Кто не желает — без тех Советская власть как-нибудь обойдется... Затем он распределил людей, назначил ответственных за каждый отдел. Первая задача — навести порядок в самой думе, наладить управление подчиненными ей предприятиями и учреждениями.

Поговорил по-дружески, объяснил, что к чему, и при-

няли люди к сердцу его слова. В отделах было всего по три-четыре человека, но они взялись систематизировать документы, отвечали на телефонные звонки. Управа хоть в четверть силы, но продолжала действовать.

Еще более трудным оказался следующий день. Вызванные Калининским матросы с «Авроры» заставили последних, наиболее упорных гласных прежней думы покинуть «дом под каланчой», но саботаж в этот день распространился на все организации, подведомственные городской управе. А ведь их было почти семьдесят. Начиная от электростанций и трамвайных парков до больниц, сиротских приютов. Кое-где прекратилась подача воды. Закрылись принадлежавшие думе магазины. Не работали телефоны. Перестала функционировать мусоросжигательная станция, повсюду росли кучи отходов и хлама. Не получив нарядов, не выехали из своих парков ассенизационные обозы. Грозила выйти из строя канализация. А ответственный за все — большевик Калинин. С него спрос.

Важно было не потерять выдержку, не сорваться на бессмысленную суету. Михаил Иванович находился в очень напряженном состоянии, но вида не подавал. Говорил со всеми ровным, спокойным голосом, решения принимал обдуманно, не спеша, только чаще обычного крутил свои козынь ножки и курил, стараясь не ронять пепел на массивный стол в кабинете, на шикарный ковер под ногами.

Главное — не допустить, чтобы полностью остановились предприятия. Ведь на каждом из них есть сознательные рабочие и служащие, есть люди, на которых можно опереться. На все предприятия и в учреждения Михаил Иванович отправил членов новой думы, большевиков. Сам побывал на электростанции, побеседовал с рабочими, попросил местных партийцев взять электричество — важнейшее дело! — под неусыпный контроль, не допустить диверсий, разрушений. В трамвайном парке потолковал с кондукторами, с ремонтниками, объяснил, кому выгоден саботаж, который бьет прежде всего по

интересам трудящихся. Трамвайщики перестали митинговать, пустили на линию вагоны. К середине дня повсюду было восстановлено водоснабжение. На собрании персонала больниц и лечебных заведений Михаил Иванович в пояс поклонился медикам: не мне, не управе служите, страдающим помогаете! И успокоился лишь тогда, когда медики приступили к выполнению своих обязанностей.

Много лет занимаясь революционной деятельностью, Калинин готов был, казалось, к любым формам борьбы за свои идеалы. Вести пропаганду и агитацию, участвовать в дискуссиях, сражаться с оружием в руках. Но никогда не думал, что на его долю выпадет руководить городским хозяйством. Раньше-то и внимания на него не обращал. Течет вода из крана — она и должна течь. Хлеб выпекают — так его и должны выпекать. Дворник улину убирает — не ахти какая забота. А оказывается, в этом самом хозяйстве — тысячи сложностей, всякие нехватки, неполадки, да еще саботаж.

В Минском переулке, где выдавали пособия инвалидам — увечным воинам и вдовам погибших солдат, вспыхнул форменный бунт. Чиновники и кассиры разбегались, порвав списки. Кому выдавать пособие, сколько — ничего не известно. Инвалиды, женщины с детьми запрудили переулочек, били стекла, требовали, чтобы явилось начальство. Михаил Иванович приехал. Но ведь не волшебник он, не может в одно мгновение все наладить. Сказал людям, кто виноват в беспорядках, предложил сообща подумать, как быстрее исправить положение. Прямо на месте решили избрать новых канцеляристов из числа тех, кто сам получал пособие, кто заинтересован в нем. Пусть работают весь день и всю ночь, но за сутки составят новые списки. А для поддержания порядка, для охраны сейфов и складов с продуктами Михаил Иванович оставил в Минском переулке десяток надежных матросов.

Может, и не столкнулся бы Калинин с большими трудностями, если бы те, кто занимался делами думы до

него, вели хозяйство добросовестно и аккуратно. Но все они, ставленники Временного правительства, и себя чувствовали людьми временными, заботились не о благополучии города, а о собственных интересах: лишь бы руки погреть за счет общественного добра или политическую карьеру сделать. Не трудились, а краснобайствовали. Ни один добросовестный крестьянин не запустил бы так свое, пусть скудное, хозяйство, как господа, заседавшие здесь, в «доме под каланчой». Запасы зерна и муки в Петрограде исчерпаны. Дров и торфа на зиму заготовлено мало. А финансовое положение такое, что Михаил Иванович не сразу поверил, знакомясь с цифрами. Понятно теперь, почему старший бухгалтер первым «отбыл» со службы. Небось в глаза не решился взглянуть новому городскому голове.

Что ни возьми — сплошные минусы. Водопровод — 32 тысячи рублей убытка каждые сутки. А ведь пользовались водопроводом главным образом жители центральных районов, люди обеспеченные. Почему бы не повысить плату? Да по собственному карману, по карманам родных и близких думцы бить не хотели. Им безразлично, какой в управе приход или расход, лишь бы самим хорошо было.

Газовые заводы не покрывали затрат. А уж трамвайное хозяйство — хуже не придумаешь. Ежедневный убыток до 100 тысяч рублей. В кассе трамвайного управления числилось всего 807 тысяч рублей, а на выдачу заработной платы требуется за один раз 4 миллиона 700 тысяч. Где их взять? Ну а общая нехватка средств по смете 1917 года достигала огромной суммы — 150 миллионов рублей! И никаких крупных поступлений в петроградскую казну не предвиделось.

Михаил Иванович почти физически ощущал, как злорадствуют в своих уютных квартирах чиновники-саботажники: что, мол, большевичок, угодил в болото?! Ну-ну, барахтайся, пока не захлебнешься! Три месяца петроградская милиция зарплаты не получала. Обещали, да все де-

нег для нее не находилось. Теперь-то уж тем более не найдется. Милиционеры бросают службу на радость жуликам и грабителям, растет в городе хаос и беспорядок. А рабочим, своим братьям по классу, что выдавать? Ни финансов, ни продовольствия. За одни посулы никто трудиться не станет.

Затаившись, ждали противники Советской власти, ждали колеблющиеся. Вот-вот пошатнется, рухнет эта власть, а с ней и большевистская городская дума. Михаилу Ивановичу действительно было очень тяжело в те первые дни и недели. Опыта мало. Надежных помощников раз-два и обчелся. Помогали ему накопленное годами революционной борьбы умение объединять, сплачивать людей, природная крестьянская рассудительность, рабочая хватка, широкий кругозор и способность организовать свой труд так, чтобы не терялась даром ни одна минута. Он попросил собрать ему все, какие только можно, книги по ведению городского хозяйства, ночами недосыпал, штудирова их. А самое главное, твердо верил: раз он и его товарищи — большевики стараются для народа, то народ поддержит, поможет им. И верно: пришел к Калинину бухгалтер из Лесновской районной управы, посмотрел финансовые документы. Долго сидел в кресле, задумавшись. Потом предложил:

— А что, Михаил Иванович, не выпустить ли городской заем? Миллионов этак на двадцать. Больше, пожалуй, не разойдется.

— Хорошая мысль! — оживился Калинин. — Нам бы сейчас окрепнуть, на ноги встать, потом рассчитаемся. Только мало двадцати миллионов-то. Заплата на рваной рубашке.

— Столько же можно занять у финансовых, у кредитных учреждений. Для них сумма не так уж и велика.

— Не взялись бы вы посодействовать? Я в этих делах не очень разбираюсь пока.

— Помогу, если надо, — согласился бухгалтер.

А вот потрясти богатеев — это Михаил Иванович

сметнул сам. Старая дума не решалась тронуть их, опасаясь портить отношения с теми, кто сидел на мешках с золотом. Вот и получалось: с бедных старались содрать все, что можно, а капиталисты жили себе припеваючи. Пора положить этому конец! Надо повысить налог: чем больше у тебя имущества, тем больше плати. Разве это не справедливо? Пусть раскошеляются промышленники, торговцы, домовладельцы.

Конечно, саботаж опытных служащих, до тонкостей знавших дела, приносил ощутимый вред, особенно первое время. Однако Михаил Иванович давно приучил себя расценивать любое событие с разных сторон. В конце-то концов что получается? Идет процесс самоочищения городских учреждений от тех людей, которые не приемлют Советскую власть. Не желают — не надо. При Шрейдерс городская управа насчитывала около двух тысяч служащих. И каждому солидная плата, льготные условия. Нет уж, пусть служащих будет вдвое меньше, но чтобы они не отбывали время в думе, а трудились на совесть, помогая молодой республике.

Аппарат управы постепенно пополнялся грамотными рабочими, моряками. Саботажники начали понимать, что и без них городское хозяйство будет действовать, что они вообще рискуют остаться ни при чем. Да и деньги, полученные вперед, подходили к концу.

Сначала по одному, по два в день, а потом десятками хлынули в думу бывшие служащие. Михаил Иванович никого не укорял, только требовал от каждого открытого и полного отказа от прежних позиций. Хочешь сотрудничать с Советской властью — заяви об этом вслух, пообещай быть добросовестным и приступай к работе.

Секретарь Калинина, очень аккуратный и энергичный человек, прежде работавший в думе швейцаром (он и теперь еще носил форму швейцара за неимением другой одежды), сказал Михаилу Ивановичу:

— В приемной инженер ждет. Не наш, со стороны. Говорит, вы его знаете.

— Инженер? — Нет, Михаил Иванович никого из специалистов на сегодня не приглашал. Обычно он перед такими встречами выкраивал время, чтобы подготовиться к беседе, посмотреть необходимую литературу, прежние инструкции, отчеты. Глубоко не копнешь сразу, но и быть совершенно несведущим в тех вопросах, о которых пойдет речь, тоже не годится. Но уж если человек здесь — надо принять.

Даже не разглядев еще лица вошедшего, по фигуре, по стремительной походке узнал:

— Саша! Простите! Александр Дмитриевич! Неужели?!

— Конечно, Саша! — засмеялся гость, протягивая руку.

— Вот это неожиданность! — Михаил Иванович с радостью смотрел на товарища своих детских и юношеских лет. Изменился-то как! Да ведь и, шутка сказать, Саше теперь уж около сорока! Давным-давно не бывал Калинин у Мордухай-Болтовских, много воды утекло. — Садитесь, рассказывайте, каким ветром? Живете где?

— Там же, Михаил Иванович, в том же доме. Отца схоронили. Мама велела поздравить вас. С гордостью всегда говорит... И мы все.

— Мария Ивановна и Дмитрий Петрович многое сделали для меня. Очень ценю это, — сказал Калинин и обратил внимание на то, как сразу изменился Александр Дмитриевич. Исчезла улыбка, появилась какая-то напряженность, скованность. Что с ним?

— Извините, Михаил Иванович, только не подумайте, будто я... Будто мы хотим воспользоваться...

У Калинина даже глаза повлажнели от нахлынувшего чувства. Годы не отразились на характере Саши. Все та же скромность, боязнь показаться навязчивым, обостренное чувство собственного достоинства. Ах, какие же хорошие люди живут на Руси!

— Очень рад вас видеть, — Михаил Иванович произнес это так сердечно, так искренне, что лицо собесед-

ника сразу же посветлело. — Много раз хотел зайти к вам, да опасался. На нелегальном положении был, «хвоста» за собой мог привести, подозрения вызвать. А теперь кручусь как белка в колесе, детей по несколько дней не вижу... Но и вы тоже хороши! Могли бы раньше заглянуть, дали бы знать о себе.

— Неудобно, Михаил Иванович, я ведь понимаю, сколь многосложны обязанности городского головы.

— Пойдите, пойдите, Саша! — прервал его Калинин. — У вас какая квалификация?

— Инженер городского хозяйства.

— Так что же вы? Где трудитесь? Или, — нахмурился Михаил Иванович, — или большевики не по нутру?

— Большевики — это вы, ваши товарищи, — снова заулыбался Александр Дмитриевич. — Нет, с сентября дома сижу, интересной работы не мог найти, а лишь бы куда не хочется.

— Вы только посмотрите на него! — Калинин и сердился и радовался. — Мы тут задыхаемся без инженеров, без специалистов, а он дела себе не может найти!

— Неловко было обращаться, ей-богу! Стали городским головой, а я сразу с просьбой...

— Помню характер ваш, только потому и прощаю. Конкретно говоря, когда выходите на службу?

— Завтра с утра.

— Решено. В любой отдел. Берите дело, которое нравится и... — Калинин лукаво прищурился, — и которое потрудней. Я ведь с вас, со своего-то, вдвойне спрашивать буду. Не убоитесь?

— Но и я вас в покое не оставлю, если что... Не страшно? — также полусуто ответил Александр Дмитриевич.

— Если бы ты знал, Саша, как я доволен, что мы опять рука об руку!

— Спасибо, Михаил Иванович. За доверие, за добрую память.

Гость, простившись, ушел, а Калинин долго еще не мог переключиться на привычные заботы. Выбил его из колеи неожиданный посетитель, нахлынули, тревожа душу, воспоминания. Захотелось в Верхнюю Троицу, к реке, в бор, где знакомо каждое дерево. А еще словно бы уверенности прибавила ему встреча с Александром Дмитриевичем. Не только потому, что будет теперь в управе квалифицированный инженер, хороший надежный человек. Его появление — еще одно подтверждение того, что Советская власть крепнет, что тянутся к ней, сплачиваются вокруг нее лучшие люди разных классов, сословий, возрастов, профессий. И в этом сила большевиков.

ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ ЛЕНИНА

Зима 1919 года была для молодой республики очень напряженной. Враги отрезали от центра страны многие районы, богатые зерном, топливом, металлом. В Петрограде истощились запасы продовольствия, почти не осталось угля. Михаил Иванович сам распределял каждый пуд. Экономил на всем. Несмотря на невероятные трудности, город жил. Вода подавалась бесперебойно, по вечерам загоралось электричество. Ни на один день не приостанавливалось движение трамваев. Они ходили лишь по двенадцать часов в сутки, но все же ходили.

Городскую думу упразднили, вместо нее был создан комиссариат городского хозяйства. Михаил Иванович назывался теперь комиссаром городского хозяйства. Никто из сотрудников комиссариата, в том числе и Калинин, не имел никаких льгот или привилегий по сравнению с другими петроградцами. Получали такой же паек, как и все. «Каждый большевик, тем более, если он руководитель, должен жить так, как живет народ, — говорил Калинин. — Только в этом случае люди будут понимать нас, верить нам и пойдут за нами».

Михаил Иванович сильно похудел. Сам над собой под-

шучивал невесело: глаза да бородка остались. Порой испытывал такую слабость, что казалось — не встать со стула, ноги не будут держать. Кружилась голова. Но он преодолевал себя, поднимался. Каждое утро в установленный срок приезжал в комиссариат и покидал его одним из последних.

Дома — жена и голодные дети. За них болела душа. Они не жаловались, они понимали... И все же, возвращаясь на квартиру, Михаил Иванович ловил иногда взгляды, в которых угадывалась тайная надежда: может, что-нибудь съестное у отца в портфеле или в кармане? Но там — только деловые бумаги.

Жили Калининны в доме № 4 на улице, названной после революции 1-й улицей Деревенской Бедноты. Красивый дом с просторными комнатами стоял рядом с известным особняком балерины Кшесинской. Богатый хозяин сбежал, исчез, на первом этаже дома разместился детский интернат, а остальные помещения заняли под жилье большевики: семьи рабочих и руководящих товарищей. В том числе семьи Михаила Ивановича и его заместителя по комиссариату Ивана Ефимовича Котлякова. Они знали друг друга давно, вместе трудились еще на заводе «Айваз». Посоветовались они и вынесли на обсуждение жильцов предложение: объединиться в бытовую коммуну, все ведь хорошие знакомые, все коммунисты. Вместе легче трудности переносить, у женщин появится свободное время, будут работать.

Так и решили. Все пайки сдавались отныне в общий котел. Туда же шло и то, что присылали кому-нибудь из деревни, и то, что добывали «со стороны». Например, мороженная картошка, которую выкапывали на не убранном осенью поле. Деньги тоже отдавали выборному казначею. На них, если удавалось, покупали кое-какие продукты или приобретали одежду для детишек. На общей кухне властвовал повар, оставшийся после хозяина, ему помогали женщины. Из ничего, можно сказать, умудрялись приготовить еду, чтобы покормить всех два раза в

день за общим столом. Супом трудно, конечно, назвать кипяток с картофельной кожурой, с одной капелькой масла на человека, но все же горячая пища, поддержка сил.

Совместные заботы, борьба с повседневными тяготами сблизили, сдружили жильцов дома. Если кто-нибудь начинал терять присутствие духа, Калинин и Котляков уделяли ему, его семье особое внимание. Старались подбодрить, вселить надежду на скорую перемену к лучшему.

Нелегко было той зимой не только в Питере, но и в Москве, и в других промышленных центрах республики. Везде холод и голод. А едва пошли на убыль морозы — вспыхнули эпидемии. В Петрограде свирепствовал сыпной тиф, в Москве косила ослабевших людей неизвестно откуда появившаяся болезнь — «испанка».

В середине марта неожиданно скончался Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Яков Михайлович Свердлов. Умер товарищ, с которым Михаилу Ивановичу много раз доводилось встречаться, вместе вести партийную работу. Не стало горячего, неутомимого труженика, главы высшего органа государственной власти. Калинина не покидало ощущение какой-то образовавшейся пустоты. Вечерами засиживался с Котляковым, курил, веноминая встречи и разговоры со Свердловым.

В эти же дни в Москве Владимир Ильич Ленин, остро переживавший потерю Свердлова, размышлял о том, кто способен стать его достойным преемником, советовался об этом с товарищами.

Близилось заседание ВЦИК, на котором Ленин от имени партии должен был рекомендовать кандидата на пост Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Среди многих дел и забот этот вопрос был сейчас особенно важным. Думая о своих товарищах — большевиках, Владимир Ильич припоминал достоинства и недостатки каждого, особенности характера,

опыт, способности. И все чаще мысли его возвращались к Калинин. Убежденный коммунист с большим партийным стажем, прошедший сквозь мрак царских застенков, закалившийся в революционной борьбе. Способен не только упорно, последовательно добиваться поставленной цели, организовывать массы, требовать исполнения распоряжений, но и ценит, учитывает чужое мнение. Предполагает он людей, притягивает к себе.

Какое государство строят большевики? Совершенно новое, первое в мире государство рабочих и крестьян. Человек, возглавляющий его, должен хорошо понимать и отстаивать интересы как городского, так и сельского пролетария. Михаил Иванович как раз и крестьянин, и рабочий, он словно бы символизирует неразрывный союз Серпа и Молота. И опыт практической хозяйственной работы в новых условиях у него немалый. Питер — город огромный, со множеством промышленных предприятий, различных учреждений. Там постоянно возникают всевозможные осложнения, но Калинин вполне успешно справляется с ними. Очень даже успешно.

Поздно вечером Ленин вышел прогуляться по Тайницкому саду опустевшего на ночь Кремля. Свет газовых фонарей почти не проникал в сад, его заслоняли деревья. Было тихо, темно. Под каблуками, позвякивая, ломался тонкий ледок, затянувший лужицы. Владимир Ильич любил прохаживаться здесь, когда все уже спали. На свежем воздухе, в одиночестве, легко дышалось, хорошо думалось. Вспомнил он беседу с Калининым, состоявшуюся еще в начале года. Михаил Иванович специально тогда приезжал в Москву для важного разговора. Сначала обсудили положение в Петрограде, на питерских заводах и фабриках, недостатки руководства и как эти недостатки исправить. Затем приступили к сложному вопросу о расслоении деревни. С кем пойдет средний крестьянин? С нами или с нашим врагом? Мнение Калинина по этому поводу Ленин считал особенно веским. Михаил Иванович сам бывает в родной деревне,

земляки оттуда к нему приезжают, рассказывают по-свойски все без утайки. К тому же Калинин анализирует, оценивает положение с марксистских, с большевистских позиций.

— Осереднячилась деревня, — сказал тогда Михаил Иванович.

— Вот именно, осереднячилась! — Ленин особо подчеркнул это определение. — В деревне произошли серьезные классовые сдвиги. И это вполне естественно. Трудовое крестьянство получило землю, значительную часть сельскохозяйственных орудий и скота, которыми раньше владели помещики и кулаки. Бывшие бедняки поднялись до середняцкого уровня. Во всяком случае, многие из них. Нам обязательно надо учитывать этот процесс. Ведь середняк составляет ныне больше половины всего крестьянства, не так ли?

— Считаю, в деревне теперь две трети хозяйств — середняцкие, — подтвердил Калинин.

— Некоторые товарищи не замечают перемен, продолжают строить всю работу, обращая внимание только на бедняка.

— А есть и такие, которые и видят и понимают, агнут свое.

— Постараемся убедить их, — сказал Владимир Ильич. — Скоро съезд партии, который займется вопросом о середняке. Теперь, когда середняк повернул в сторону Советской власти, прочность его союза с рабочим классом зависит от дальнейшей политики партии в деревне.

Калинин кивнул обрадованно и по своему всегдашнему обычаю сразу перешел к будничным делам, к фактам. Предложил:

— Для сближения со средним крестьянством надо, по-моему, прежде всего устранить на местах экономические, продовольственные рогатки. Они больно затрагивают крестьянина.

— Какие рогатки конкретно?

— К примеру, такую хозяйственную преграду, как за-

прет на вывоз продовольствия из одного уезда в другой. Крестьянину трудно понять пользу такого запрета, установленного для борьбы со спекуляцией. Крестьянину нужно продать свою рожь и купить овес или наоборот, а ему не позволяют. Ослабление таких запретов на деле показало бы среднему крестьянству, что Советская власть выражает и защищает его интересы. Среднее крестьянство, в сущности, целиком стоит на нашей стороне. Между средним крестьянином и Советской властью не может быть противоречий, могут быть только недоразумения.

— Совершенно верно! — согласился Ленин. — А недоразумения всегда можно устранить при разумной политике.

— На местах у нас власть, к сожалению, далеко еще не везде удовлетворительная. Грубое отношение к людям в исполкомах, волокита в канцеляриях, конфискация без крайней нужды лошадей — все это плохо действует на крестьян. Вот, к примеру, в Тверской губернии, в нашей волости...

Владимиру Ильичу тогда очень понравились именно эти слова: «в нашей волости». Значит, Калинин, хоть он и кадровый рабочий-пролетарий, душой болеет за свою деревню, не отрывает себя от крестьян, а это очень и очень важно. Ведь Россия — страна преимущественно крестьянская...

— Хозяйственные ошибки вызывают недовольство, — продолжал Михаил Иванович. — Крестьянин ведь превосходно во всем разбирается. Если взяли лошадь для фронта, он ворчит, охает, но мирится с этим, так как знает: для войны лошадь необходима. Но совсем иначе смотрит он, если на его лошади ездят члены исполкома и ездят безалаберно. А отделы исполкомов, к сожалению, часто реквизируют лошадей для собственных нужд и тем самым теряют свою репутацию в крестьянской массе.

— Да, на местах у нас особенно ощутима нехватка умелых руководителей.

— Среди крестьян, Владимир Ильич, много найдется

ценных работников. Привлечение середняков к руководству даст огромную пользу, ведь они прекрасно знают экономику своей местности. А такая работа идейно сближает их с коммунистами.

— Вот и напишите об этом, — посоветовал Ленин. — И не одну, а несколько статей для центральных газет, с фактами и выводами.

Михаил Иванович действительно написал. Его статья, появившаяся в «Известиях», сразу привлекла внимание, вызвала споры.

Такая была у них беседа в самом начале года, очень запомнившаяся Владимиру Ильичу.

Мартовская ночь становилась все холоднее. Подняв воротник пальто, Ленин свернул с тротуар на тротуар. Пора было возвращаться домой, выпить перед сном горячего чая. Надежда Константиновна беспокоится, наверно.

Шагая к своей квартире, Владимир Ильич мысленно подвел итоги размышлений. Калинин — это кандидат, отвечающий всем требованиям. Сейчас особенно важно, чтобы масса крестьян поняла политику партии, пошла вместе с большевиками, во всем доверяя им. Личные качества Калинина помогут партии добиваться этого, а ему самому — быстрее освоиться на новом месте. У него цепкий ясный ум, глубокие разнообразные знания. И, что особенно важно, способность найти подход к людям различных слоев и убеждений, донести до них большевистскую правду. Председателю ВЦИК предстоит иметь дело с крестьянами, рабочими, учеными, возможно, и с дипломатами, вникать в сложнейшие вопросы политической и экономической жизни.

Значит, решено: кандидатуру Калинина он будет отстаивать в Центральном Комитете партии и на заседании ВЦИК.

Между тем Михаил Иванович по-прежнему трудился в Петрограде. Радовался, что удалось приглушить, осла-

бить в городе эпидемию тифа, готовился к тому, чтобы с наступлением теплых дней вывести трудовой люд на огороды, посадить и вырастить как можно больше овощей для следующей зимы. Беспокоился, где взять нефть и уголь для предприятий. Северная столица должна давать стране продукцию, вооружать и отправлять на фронт боевые отряды. Городское хозяйство обязано обеспечить хотя бы минимальные потребности населения, заводов и фабрик.

Не оправдались надежды тайных и явных врагов захватить Петроград силой, задушить его костлявой рукой голода. Однако белогвардейцы и прочая контра продолжали борьбу, не гнушаясь никакими способами. Устраивали диверсии, убивали руководящих работников — большевиков.

В глубокой тайне долго и тщательно готовилось новое преступление. Заговорщики разработали хитроумный план. Было решено учинить взрыв на Заречной водопроводной станции. Это сразу поставит город перед угрозой катастрофы. Попробуй-ка обойтись без воды. А как пожары тушить, если они вспыхнут? В общем, диверсия настолько серьезная, что кто-то из руководителей города, скорее всего Калинин, обязательно приедет на водопроводную станцию, узнав о взрыве. Пока сообщат, пока доберется до места происшествия — пройдет некоторый срок. И тогда ахнет вторая, более сильного действия бомба. Через три часа после первой — так налажен ее механизм. Затем на улицы города выйдут группы вооруженных боевиков, постараются захватить все важные пункты Питера, свяжутся с белогвардейскими войсками.

30 марта в Москве, ровно в 19 часов, началось заседание ВЦИК, которое должно было избрать нового Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Слово для того, чтобы внести предложение, взял Ленин. А в это же самое время в Петрограде, в

коммуне на 1-й улице Деревенской Бедноты, стало известно о диверсии на водопроводной станции. Иван Ефимович Котляков, заместитель Калинина, выбежал из своей комнаты в коридор, натягивая пальто. Сказал торопливо:

— Я поехал!

— погоди минутку, — задержал его Михаил Иванович. — Едем вместе.

Машина была у подъезда. Шофер погнал старое, дребезжащее авто, выжимая полную скорость. Когда прибыли к месту взрыва, водопроводная станция была уже оцеплена красноармейцами. Их командир Рудольф Карлович Лепник доложил подробности. Окрестность прочесана, но преступники не обнаружены. Есть подозрение, что бомбу пронес на станцию слесарь-ремонтник, приходивший сюда с чемоданчиком. Не исключено, что заложена не одна бомба, а несколько, с часовыми механизмами. В связи с этим рассудительный Лепник задал вопрос: что делать в первую очередь, устранять повреждения или искать бомбы?

— Сначала ищите, — распорядился Михаил Иванович. — Кто здесь из работников станции?

— Я! — ответил мужчина в большой шапке.

— Здравствуйте, товарищ Лийв, — узнал его Калинин. — Как это случилось?

— Меня только что вызвали, еще не разобрался.

— Осмотрите повреждения. Надо как можно скорее ввести станцию в строй. Сообщите, какая требуется помощь. Я жду.

Оставшись возле сторожевой будки, Михаил Иванович сел на скамеечку, свертывая самокрутку. Вот ведь какая беда приключилась. Сколько же часов или дней потребуется, чтобы восстановить станцию? Нет, о днях не может быть и речи, городу нельзя без воды.

Из дома Михаил Иванович выбежал второпях, накинув пальто на рубашку, а здесь гулял резкий ледяной ветер. Озябший, огорченный, докуривал он козью ножку,

намереваясь идти в машинный зал, не подозревая, что именно там была установлена большая бомба, там поджидала его смерть.

— Пойдем посмотрим, Иван Ефимович, — сказал он Котлякову, бросив окурок и поднявшись со скамейки. — Не знаю, вылазка ли это какой-то озлобленной личности или заговор? Сигнал к новому нападению белых? Во всяком случае, надо удвоить охрану всех важных объектов городского хозяйства.

— Я уже распорядился по телефону, — ответил Котляков.

Они двинулись в помещение, где отсчитывал последние минуты заведенный вражеской рукой часовой механизм. А в Москве в эти же самые минуты громко звучал в просторном зале голос Анатолия Васильевича Луначарского. Он поддержал предложение, внесенное Владимиром Ильичем Лениным. Рассказал о своих встречах с Калининым, о его участии в революционной борьбе, о работе в городской управе Петрограда, о том, каким авторитетом пользуется Михаил Иванович у трудящихся.

— И если в рабоче-крестьянской республике первое место в государстве должен занимать рабочий или крестьянин, то товарищ Калинин, старый петроградский пролетарий, не порвавший связи с землей, средний крестьянин, является, бесспорно, самым лучшим кандидатом на это место...

С высокой трибуны Луначарский сказал как раз то, из чего исходил Владимир Ильич, выдвигая Калинина на пост Председателя ВЦИК.

Анатолий Васильевич Луначарский заканчивал речь, когда на водопроводной станции командир отряда Рудольф Карлович Лепник, осматривавший со своими красноармейцами машинный зал, увидел на одном из агрегатов какой-то странный предмет. Наклонившись, услышал четкое быстрое тиканье. Рудольф Карлович был неторопливым, хладнокровным человеком, но в этот ответственный момент мысль сработала мгновенно. Крутом

люди. Машинный зал — сердце водопроводной станции. Медлить нельзя. Выход один: добежать до Невы, кинуть туда бомбу.

Калинин и Котляков, не успевшие еще войти в зал, услышали громкую, яростную команду:

— Все — с дороги! Освободить проход!

Боец огромного роста, раскинув руки крестом, оттолкнул Калинина, прижал к стене, загородив собственным телом. Михаил Иванович дернулся, пытаясь высвободиться, но тяжелая рука чугуном легла на его плечо:

— Стой! Бомбу несут!

Лишь на одно мгновение увидел Калинин белое, без кровинки, лицо Лепника. Двигался только он, все остальные замерли как изваяния.

Выйдя из помещения, Рудольф Карлович повернул к Неве. Вот она, совсем близко, черная парящая вода. Но дойти до реки он не успел.

Грянул взрыв. Больно хлестнуло в уши. Боец, заслонивший Калинина, медленно опустился на землю. К нему кинулись красноармейцы.

Михаил Иванович оглянулся, разыскивая Котлякова. Двое моряков поддерживали его под руки. Голова Ивана Ефимовича поникла безжизненно, глаза были закрыты.

— Что с ним? Ранен?

— Видать, контузия, — ответил моряк. — Куда его, в госпиталь?

— Скорее в машину и к врачу! — поторопил Михаил Иванович.

Больше, кажется, никто не пострадал. Калинин горестно склонился над останками Лепника... Благодарность и вечная слава тебе, красный командир! Сколько жизней спас ты, проявив решительность и мужество в страшный момент. Низкий поклон тебе!

Вернувшись домой, Михаил Иванович, преодолевая слабость и головную боль, прежде всего зашел к Котляковым. Успокоил. Скоро, мол, вернется Иван Ефимович. У себя прилег на диван и сразу погрузился в какое-то

полузабытье. Хотелось курить, но не было сил подняться, свернуть самокрутку. Когда подошла жена и сказала, что звонят из Петроградского Совета, он попросил:

— Поговори сама, Катя. Скажи, что я не могу.

Через несколько минут Екатерина Ивановна вернулась из комнаты, где был телефон, произнесла взволнованно:

— Срочное и важное сообщение, Миша. Обязательно нужен ты.

Калинин с трудом встал на ноги. Жена поддержала его.

— Слушаю.

— Михаил Иванович! — Голос в трубке звучал торжественно. — Михаил Иванович, получено известие из Москвы. Вы избраны Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Калинин сильнее сжал трубку и не сразу нашел что ответить. В связи с событиями на водопроводной станции он совсем забыл, что именно сегодня обсуждалась его кандидатура.

— Спасибо... Большое спасибо за такую новость.

— Еще раз поздравляю, Михаил Иванович. И не держивайтесь, пожалуйста, в Петрограде. Товарищ Ленин просил ускорить ваш выезд.

— Я постараюсь, — ответил Калинин.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПОЕЗД

Этот железнодорожный состав сразу привлекал внимание. Длинные пассажирские вагоны расписаны снаружи яркими красками. Художники постарались в свое удовольствие. Человеческие фигуры — во всю стену. Вот кузнец разбивает молотом цепи, которыми буржуазия опутала пролетариат. Вот мускулистый рабочий подает руку помощи бородатому худощавому крестьянину. А здесь красноармеец стиснул горло жирному белогвардейскому генералу.

Люди, разглядывая и дивясь, толпились на железнодорожных путях.

Внутри вагоны оборудованы каждый для определенной цели. Половину вагона, предназначенного для Председателя ВЦИК Калинина, занимал салон со столом, с рядами кресел. Здесь удобно проводить совещания, инструктажи. Во второй половине — кабинет и отсек для отдыха.

В соседнем вагоне — кинематограф. Кино можно показывать хоть под вагонной крышей, хоть под открытым небом — при хорошей погоде. Дальше — склад литературы на колесах, тут же библиотека и книжный магазин. Есть вагон с продовольствием на самый крайний случай, если понадобится голодающих накормить. Всех-то, конечно, не накормишь, но хоть тех поддержать малость, которым невмоготу... Для представителей наркоматов, судебных органов и Чека, которые должны были сопровождать Калинина, подготовлены удобные купе: в них предстояло подолгу жить и работать. В особом вагоне разместилась охрана.

Михаил Иванович осмотрел поезд и остался доволен. Добросовестно потрудились рабочие-железнодорожники, сделали как раз то, что требовалось. И название у поезда очень хорошее — «Октябрьская революция».

Мысль о создании такого поезда высказал Владимир Ильич. Пусть Председатель ВЦИК и другие представители высшей власти поездают по республике, побывают в дальних уездах, разъяснят, какую политику проводят большевики, установят более тесную связь центра, Москвы, с губерниями, помогут местным товарищам разобраться в сложных вопросах. В своей записке «К плану спешных мер за середняка» Ленин специально отметил: «План поездок Калинина выработать и утвердить. Опубликовать даты, места, приемы посетителей и пр.».

Идея Владимира Ильича пришлась Михаилу Ивановичу по душе. В самом деле: каждый руководитель обязательно должен знать свое «хозяйство», каким бы обширным оно ни было. И знать не понаслышке, а самому приглядеться, поговорить с людьми, понять их заботы. На-

добно посмотреть те районы, в которых не приходилось бывать, которые незнакомы ему. Наметил маршрут: Муром, Арзамас, Алатырь, Казань, Свияжск, Рузаевка, Симбирск, Мелекес, Рязань, Голутвин. Из каждого пункта на машине или на лошадях выезд в сельскую местность, в глубинку.

Отправка поезда назначена была на 29 апреля 1919 года. Едва Михаил Иванович простился с провожавшей его Екатериной Ивановной и разместился в купе, появились корреспонденты «Правды» и «Известий». Времени в обрез, но поговорить с корреспондентами обязательно нужно. Газеты опубликуют беседу, еще раз привлекут внимание к поездке Председателя ВЦИК: пусть люди знают, когда и где ждать Калининна, готовят вопросы.

— Моя главная цель, — сказал он журналистам, — непосредственно подойти к уезду и волости, к трудящемуся народу, отдаленному от центра, узнать его нужды, подслушать голос самой жизни.

— Что вы хотели бы подчеркнуть?

— Политическую цель поездки. Губернии, по которым мы намерены проехать, близки к колчаковскому фронту, и политическая агитация имеет там огромное значение... Самое соприкосновение с представителями центральной рабоче-крестьянской власти должно поднять настроение народа, рассеять сомнения, вносимые колчаковскими агентами-провокаторами...

Как только корреспонденты покинули вагон, раздался мощный гудок паровоза.

Промелькнули и остались позади дома городской окраины. Потянулись за окном подмосковные поля и леса, уже затянутые кое-где зеленоватой дымкой. Пухлые белые облака горделиво плыли по яркому весеннему небу. Ослепительно блестя под солнцем лужи. Природа ликвала, празднует свое пробуждение. В другое время Михаил Иванович залюбовался бы красотой пейзажа, но сейчас — не то настроение. Очень уж удручающе выглядело все, что видел он на проплывавших мимо полустанках и

станциях. Паровозы, застывшие без топлива на прорывавшихся запасных путях. Полуразбитые вагоны. Безногий инвалид на платформе. Истощенные дети в лохмотьях. Лошадь с выпирающими ребрами на переезде.

В стране разруха. Скоро пять лет, как идет война, обескровившая экономику, унесшая миллионы жизней. Республика напрягает силы, чтобы отразить врага, начать мирную жизнь, обеспечить народ всем необходимым и в первую очередь, конечно, детей, которые больше всего страдают сейчас от невзгод. Ведь ради них, ради будущего вели и ведут большевики непримиримый бой. Будет у детишек все: и хорошая одежда, и сытная еда, и возможность учиться, выбирать работу по душе. Но сейчас тяжело. Очень тяжело. Об этом надо откровенно говорить людям, вместе с ними искать пути преодоления трудностей.

Михаил Иванович прошел в вагон-кинематограф, спросил механика:

— Скажите, для детей у вас что-нибудь есть?

— Взял все, что было, — ответил тот, — «О рыбаке и рыбке», «Стрекоза и муравей», «Китайские тени».

— Большая станция скоро. Я в железнодорожных мастерских выступлю, а вы уж порадуйте детишек. Показывайте им ленты, пока просить будут. Они же наверняка никогда фильмов не видели.

— Это уж факт, — подтвердил механик. И заверил: — Не сомневайтесь, Михаил Иванович, все сделаю.

Поезд замедлил ход, вагон качнуло на стрелке. Калинин вернулся в купе. Надел плащ, картуз. Взял паяку, с которой теперь почти не расставался.

От вокзала до железнодорожных мастерских — рукой подать. С небольшой группой товарищей Михаил Иванович отправился туда, по дороге расспрашивая встретивших его местных руководителей. Какие предприятия действуют? Как с сырьем? С продовольствием? Чем особенно недовольны трудящиеся? Необходимо знать это, чтобы, выступая, не отрываться общими словами, а говорить о самом главном, о наболевшем.

Голос у Михаила Ивановича негромкий, но в просторном цеху, где собрались рабочие, стояла такая тишина, что Калинин слышали все, даже те, кто находился у дальней стены или в дверях.

— У нас, товарищи, голод, нет товаров, нет обуви. Почему? Потому, что такие важнейшие районы, как Дон, Туркестан, Баку, Сибирь, до сих пор в руках врага. Если и Волга попадет в руки Колчака, то положение станет еще хуже. Теперь задача рабоче-крестьянских масс — разбить Колчака.

— Мы пойдем. Пусть ружья дадут! — пробасил кто-то. На него зашикали. А Калинин сразу ответил на реплику:

— Ружья найдутся, товарищи, и когда понадобятся, мы вас позовем. Но ведь фронт не только там, где стреляют. Фронт не может быть без тыла. Каждый человек нынче вправе сказать: «В настоящее время я исполняю самую небольшую работу, но этой маленькой работой я укрепляю Советскую власть...» И я призываю вас, товарищи, к энергичному проявлению творческих сил, в чем бы они ни выражались: в обработке ли полей, в поддержании транспорта, в работе заводов и фабрик!

— Это мы всей душой! — отвечали ему.

— Эй, председатель, давай нашу резолюцию!

Резолюция, вероятно, была подготовлена заранее, но, слушая выступление Калинина, председатель вносил в нее поправки и дополнения. Начал читать взволнованно и торжественно:

— «Используя все наши силы и разум для улучшения работы транспорта, изгоняя из своей среды клеветников и предателей, мы в любую минуту готовы встать на защиту Советов от посягательств с чьей бы то ни было стороны, а тем более от палачей, идущих против них войною, дабы тем самым приблизить желанный день, когда над всем миром водружено будет боевое красное знамя!»

Ну что же, это была правильная, вдохновляющая резолюция. Михаил Иванович охотно проголосовал за нее вместе со всеми.

У местных товарищей не имелось автомашины, да и не прошел бы автомобиль по весенним разбитым проселкам. Для поездки в деревню Калинин подготовили тарантас. Лошадка была выносливая, шла ровной, размеренной рысью. Михаил Иванович с удовольствием вдыхал терпкий, ни с чем не сравнимый запах оттаявшей, прогретой солнцем земли. Мыслями уносился в Верхнюю Троицу. Мужики сейчас к севу готовятся. При первой же возможности надо съездить...

За березовой рощей показались крыши деревни. Лошадь, предчувствуя близкий отдых, пошла веселее. Тарантас прогремывал по широкой улице и подкатил к крыльцу двухэтажного дома: низ кирпичный, а верх деревянный. Здесь собралась уже большая толпа. Кучками грудились мужики, повсюду пестрели бабьи платочки. Михаилу Ивановичу и сопровождавшим его товарищам преподнесли на блюде хлеб-соль. В толпе раздавались голоса:

— Где? Который Калинин-то? Высокий? Или вон тот, в шапке?

Михаил Иванович, улыбаясь, поднялся на крыльцо, облокотился на перила, свертывая козью ножку. Председатель волостного Совета объявил:

— С вами, граждане, будет сейчас говорить товарищ Калинин, который у нас самый главный исполком по всей России.

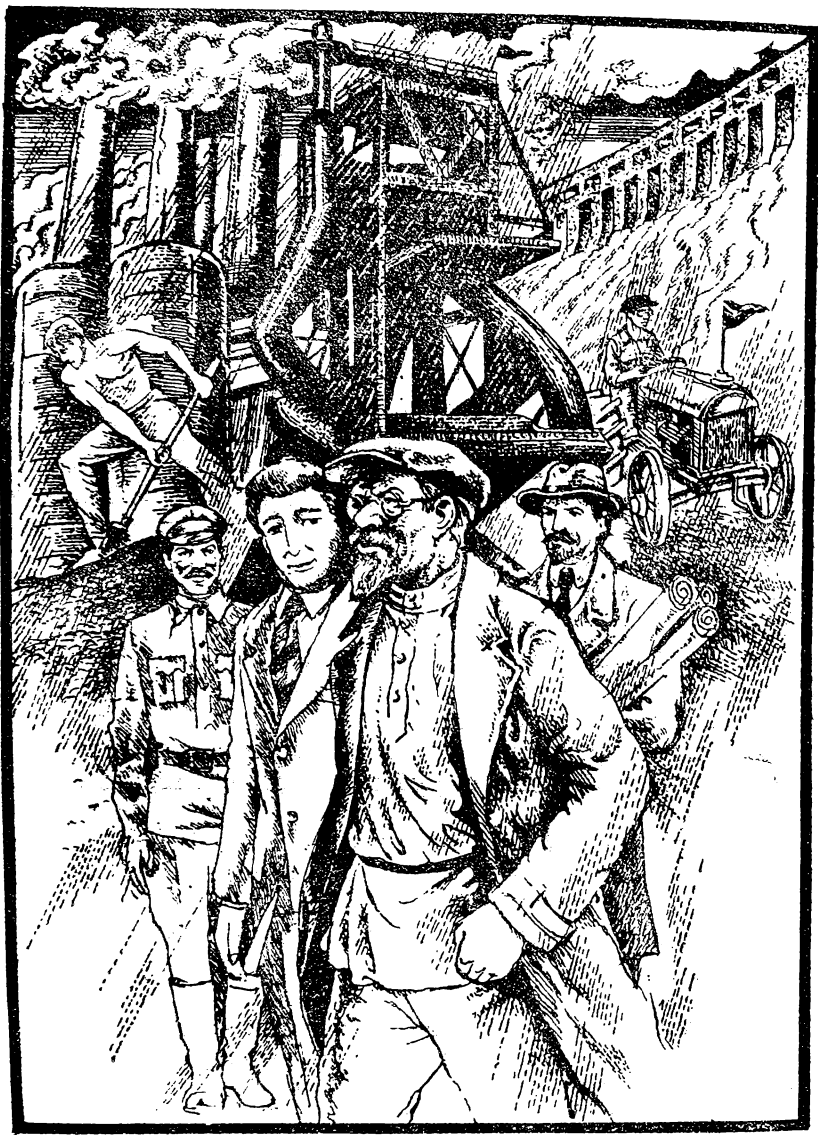
— Да где же он? Пусть встанет!

— А я и стою, — весело произнес Михаил Иванович. — Я на вас гляжу, вы — на меня.

В толпе засмеялись. Кто-то усомнился:

— Неужто самый главный? Больно уж прост. Как и все.

— Я такой же крестьянин, как и вы, — пояснил Калинин. — В такой же вот деревне вырос, пахать-сеять учился. А теперь рабоче-крестьянская власть меня наверх выдвинула. Приехал я к вам узнать насчет вашей жизни. Если у кого есть вопросы или жалобы, то все они

будут мною приняты. И сейчас же будет то или иное решение. А если дело сложное и сразу решить нельзя, то, когда приедем в Москву, там разрешим.

Шум поднялся на площади. Раздался голос:

— Что, прямо подходить и спрашивать?

— Хочешь — подходи, а не хочешь — с места давай, только погромче. Ну, у кого наболело, кто первый?

Расталкивая людей, к крыльцу пробилась немолодая крестьянка, гладко причесанная, в черной кофточке с горошинками. Поклонилась Калинин у. Он ей тоже. Голос у нее низкий, приятный:

— Муж мой ремесло знает. Дровни делал — вся деревня на них ездит. В военный обоз его дровни брали. А с осени запретил хромой черт, — показала она пальцем на председателя волисполкома. — Говорит, паживаемся и это самое... эксплуатируем. А кого эксплуатируем-то? Сами себя? Не воровали, чать, трудились. А теперь мужикам зимой ездить не на чем...

— Верно! — поддержали ее. — Рогожу и то не велят продавать!

— Тихо, товарищи, — поднял руку Михаил Иванович. — Председателя, граждапка, черным словом ругать не надо, нехорошо это. А пачет домашних ремесел и кустарничества с полным авторитетом говорю вам следующее: Советская власть их не запрещает, а даже наоборот. Стране нужны и дровни, и лопаты, и всякая мебель, и веревки с рогожами. Все пригодится народу и армии. Кустарный промысел следует охранять так же, как рабочий класс охраняет свои фабрики и заводы.

— Никаких разъяснений про это нету, — оправдался председатель волисполкома.

— Будут, — заверил Михаил Иванович. — Напечатаем и разошлем.

— Спасибо тебе, отец родной! Вот уж разуважил так разуважил! — еще раз поклонилась ему женщина.

Лиха беда начало. Крестьяне осмелели, вопросы посыпались как из лукошка.

— Пошто торговля крестьянская запрещена?

— Это недоразумение уже уладили. Принято решение. Местные исполкомы обязаны не чинить препятствий в купле-продаже между крестьянами разных волостей и уездов. Торгуйте на здоровье сеном, дровами, другими предметами обихода.

— Почему в исполкоме одни партийные, а мы чем хуже?

— Ничем не хуже, — ответил Калинин. — Такие ошибки мы исправляем. Хорошо, когда в исполкоме есть беспартийные средние крестьяне, знакомые с местными условиями, авторитетные среди жителей.

— За что доктора нашего в уездной кутузке второй месяц держат? Больных поглядеть некому. Ребятишки животами маются, один ажик помер...

Михаил Иванович глянул на уездного представителя.

— В чем дело?

— Вроде бы агитацию за Колчака разводил, — неуверенно произнес тот.

— Разводил или «вроде бы»? — Голос Калинина прозвучал жестче.

— Еще не расследовали.

— Если взяли, надо расследовать сразу. А держать в кутузке — не дело. Это преступление — держать человека за решеткой без полной уверенности, что он виновен. И люди страдают, болеют. Товарищ Скрамэ, — подозвал Михаил Иванович сопровождавшего его представителя ВЧК, — срочно разберитесь с этим врачом и с другими арестованными. Если есть безвинно сидящие или по которым следствие не ведется, накажите местных работников, чтобы действовали строго по правилам, не компрометировали Советскую власть.

— Будет исполнено, — козырнул Скрамэ.

Последним, когда Калинин, выслушав все жалобы и приняв все письменные заявления, уже направился к тарантасу, приблизился к Михаилу Ивановичу местный священник с длинными и редкими льняными волосами, ни-

спадавшими на плечи, в старенькой рясе. Вдохнул глубоко и, набравшись решимости, заговорил о том, что крестьяне мало стали платить за совершаемые им требы, за крещение и отпевание. Не поможет ли власть образумить прихожан?

Столь необычная просьба, наивность, надежда, звучащие в голосе священника, не только развеселили Михаила Ивановича, но и вызвали некоторое сочувствие. Положив руку на узкое, покатое плечо священника, Калинин пояснил:

— Церковь-то, как известно, у нас отделена от государства. Мы не вмешиваемся. Уж вы как-нибудь сами. — Подумал, улыбнулся с лукавинкой, посоветовал: — А знаете что, раз мало платят, откажитесь служить им.

— Значит, церковь закрыть? Замок повесить?

— А кто вам мешает?

— Эх-хе-хе. Семья большая, жить надо, детей кормить.

— Решайте сами, — повторил Михаил Иванович, — тут я вам не советчик.

Отдохнувшая лошадка бодро повлекла тарантас в сторону города, к железнодорожной станции. Михаил Иванович, прикрыв глаза, вспоминал события прошедшего дня, стараясь выделить то главное, ценное, что всплыло, прояснилось сегодня в общении с людьми. А в вагоне сразу записал на память несколько пунктов. Вполне возможно, что они станут основой, отправными точками для принятия правительственных решений.

Много железных дорог республики предстоит еще пройти «Октябрьской революции». «ВЦИК на колесах» — так станут называть потом этот поезд. Только лишь в самом первом рейсе было проведено около семидесяти митингов, собраний, бесед с трудящимися. И почти на каждом из них перед рабочими и крестьянами выступал Калинин. Множество интересных фактов, важный материал для размышлений привез он в Москву. И при первой же встрече рассказал все Владимиру Ильичу, ответил на ин-

тересовавшие его вопросы. Ленин был очень доволен: надежды, которые возлагал он на такую поездку, полностью оправдались.

АТАКУЮТ КРАСНЫЕ ЭСКАДРОНЫ

Осенью 1919 года армия молодой республики добилась успехов на всех фронтах. Разгромленные колчаковские дивизии откатывались с Урала в Сибирь. Защитники Петрограда отразили наступление генерала Юденича. Особенно радовало Михаила Ивановича положение на юге. Там войска Деникина, двигавшиеся на Москву, начали терпеть поражение за поражением. Был освобожден Орел. Конный корпус Семена Буденного стремительным броском выбил бежавших из Воронежа. Развернулось напряженное сражение за районы, богатые хлебом и углем. Туда как раз и отправился в очередной рейс поезд «Октябрьская революция».

3 ноября прибыли в Воронеж, где еще виднелись следы недавних боев. Чернели пепелища. Калинин сразу же спросил местных товарищей: где Буденный, как к нему попасть? Оказалось, что расстояние до конного корпуса не очень большое, он преследует белых где-то в районе населенного пункта Землянска. Но добраться туда трудно. Вокруг Воронежа остались мелкие подразделения белой конницы, в любой деревне можно нарваться на врага. Сплошного фронта нет. Лучше уж не рисковать, за пределы города не выезжать. Да и дороги из рук вон плохи, как говорится, колесу поздно, а полозу рано. В октябре лили дожди, вода затопила низины, на проселках грязь была по колено, а за последние дни резко похолодало, повалил снег, взвихрилась метель. Заблудиться можно, замерзнуть.

Будь Калинин один, он бы ни минуты не колебался. Опасность, плохая погода его не смущали. Дело прежде всего. Однако на этот раз вместе с ним приехал Председатель ЦИК Украины Григорий Иванович Петровский.

Он дорогой гость, друг, решать за него Михаил Иванович не имел права.

— Крестьяне на базар приезжают? — спросил он местных товарищей.

— Осмеливаются которые побойчее.

— Вот и мы с Григорием Ивановичем очень даже бойкие, — весело прищурился Калинин. — Верно, Григорий Иванович, как считаешь?

— Необходимо повидать Буденного, пока близко, — поддерживал Калинин Петровский. — В его корпусе много украинцев, полезно встретиться, поговорить с ними.

— Безусловно. Сейчас не поедем — потом за ним не угонишься, — сказал Калинин. — Давайте нам знающего возницу, сани и двух лошадей. Отправимся рано утром.

Воронежские товарищи посоветовали одеться лучше.

— Шубы есть. Теплые шубы, у богатых купцов реквизировали.

— Возьмем с удовольствием.

Двинулись в путь до рассвета. Погода не улучшилась. Косо летел, гонимый ветром, густой снег, метель занесла, зарывляла все вокруг, дорога едва угадывалась. Лошади с трудом вытягивали сани из сугробов. Петровский беспокоился: зря не взяли охрану.

— Охранникам тоже транспорт нужен, а где его взять? Жизнь только налаживается здесь после освобождения. Обойдемся, Григорий Иванович. При этом ненастье и друзья и враги в избах отсиживаются. Ни одного встречного на дороге.

— В такой коловерти и сбиться немудрено. Как считаешь? — спросил Петровский флегматичного, молчаливого возницу.

— Кто ж его знает. Через Дон в аккурат переправились, авось доберемся.

— Ладно, к какому-нибудь селу или к деревне лошади все равно вывезут, а там можно разобраться, куда править дальше. — Сказав так, Михаил Иванович устро-

ился поудобней и поднял меховой воротник. Шуба и впрямь была хороша. Теплая и длинная — до пят. Ни мороз, ни ветер не прохватит. Только бы возница не сплочовал.

Мысли вернулись к Буденному. Его кавалеристы много раз отличались в боях. Намечалось преобразовать конный корпус в конную армию. Однако и о корпусе, и о его командире ходят разноречивые слухи. Ворошилов, например, утверждает, что Семен Михайлович преданный революции человек. Но вот в сентябре у кавалеристов побывал представитель Реввоенсовета республики, вернувшись в Москву, он говорил возмущенно, что у Буденного не воинское соединение, а разношерстные отряды, сам Семен Михайлович не красный командир, а вроде бы атаман-предводитель. По словам представителя Реввоенсовета, его выступление перед бойцами было встречено криками и свистом. Никакой дисциплины. А Буденный, стоявший рядом, только рукой махнул — и воцарилась тишина. Он вроде современный Степан Разин. Куда поведет свою ватагу, туда она и пойдет: сегодня за красных, а завтра, может, за белых...

Эти слова Владимир Ильич выслушал внимательно, но с иронией. Калинин тоже. Не слишком ли упрощенный отзыв? Без крепкого воинского порядка никакая ватага, никакие отряды с белогвардейскими войсками не справятся. А конница Буденного бьет кавалерию опытного генерала Мамонтова. Да еще как бьет! Красные конники переносят тяготы и лишения походной жизни, себя не щадят в боях за новую власть. Значит, ценят ее, верят ей. А те, которые сегодня за красных, а завтра за белых, при первой неудаче разбегаются по домам, с такими много не навоюешь. Вот и надо поглядеть на месте, поговорить с Буденным, с людьми. Может, помощь нужна корпусу. Полезно будет направить туда коммунистов, укрепить партийную организацию...

Михаил Иванович осмотрелся. Если судить по времени — давно уже рассвело, но снегопад был настолько

густым, что видимость почти не улучшилась. Справа чуть заметно проступили очертания каких-то построек. Что-то движется там... Люди?

— Стой! — раздался громкий, требовательный окрик. — Стой, стрелять буду!

Подскакали трое всадников. Шапки-кубанки, шинели запорошены снегом. Один выставил карабин, держа пугача под прицелом. Другой, темнолицый и горбоносый, с шашкой в руке, склонился к саням.

— Куда прешь?

— Куда велено, туда и едем, — равнодушно ответил возница.

— Гля, хлопцы, никак буржуи из Воронежа тикают! Или генералы переодетые! Шубы на них барские. Вот это подарочек!

Боец с карабином оттеснил горбоносого, спросил строго:

— Кто будете?

Михаил Иванович не торопился с ответом, хотел убедиться, что перед ним не белые. А у смуглого всадника не хватало терпения ждать. Бросил шашку в ножны, потребовал:

— Отвечай, старый черт! А ну, скидавай шубу.

— Да ведь замерзну, — возразил Калинин.

— Хватит! На этом свете погрелся, а на том вас, белых, и без шуб принимают. Верно, хлопцы?

— Отправим к комиссару, — сказал боец с карабином, — пусть комиссар проверит.

— Правильно! — обрадовался Михаил Иванович. — Доставьте нас к начальству, а лучше прямо к товарищу Буденному.

— Только и забот у Буденного, что с вами, с буржуями, разбираться.

— А мы не буржуи, — строже произнес Михаил Иванович. — Вот товарищ Петровский, он Председатель ЦИК Украины. А я — Председатель Всероссийского ЦИК Калинин. Слышали про таких?

— Чего мозги крутишь! — Голос горбоносого звучал менее уверенно.

— Вот мандат, прочитайте, пожалуйста.

— Грамоте не обучены, а буржуев не в первый раз видим. Ишь, очки напялил! Наши в таких шубах не разъезжают.

— Хватит! — прервал его боец с карабином. — Давай или к комиссару, или кончать их, а то от своих отстанем.

— Нет, товарищи, так не пойдет, — рассердился Калинин. — Вы красноармейцы или кто? Повторяю, везите нас к Буденному, он разберется.

Кавалеристы колебались. Они, конечно, не верили, что здесь, на краю села, далеко от города, в метель, им действительно встретился сам глава Советского государства. Брет буржуй! Но для чего тогда к Буденному просится?!

— Ладно, рети в штаб, — решил боец с карабином. — А я пока смотаюсь, доложу комбригу.

— Тащись с ними по такой погоде, — недовольно проворчал горбоносый, но все же приказал возчику: — Давай направо.

Миновали окраинные сараи. Потянулась длинная сельская улица. Наконец сани свернули в открытые ворота и оказались в просторном дворе, где рядом стояли у коновязи лошади, покрытые попонами. Возле крыльца — несколько командиров в бекешах, в накинутых на плечи бурках. Наверное, собрались уезжать. Среди них один кряжистый, с пышными усами. Пожалуй, это и есть Буденный... И верно, горбоносый боец, спрыгнув с коня, доложил:

— Товарищ командир корпуса! Разъезд второй бригады шестой дивизии доставил в ваше распоряжение двух буржуев, а может, купцов.

— Зачем они мне? Вел бы к командиру полка или бригады.

— Порядок мы знаем, — с достоинством ответил боец. — Сами бы управились, но попались какие-то чуждые. Веди, говорят, к Буденному. Бумаги показывают.

— Ишь ты! — хмыкнул Семен Михайлович. — А ну, давай в комнату!

Калинин вошел в теплую горницу и будто ослеп — очки запотели с мороза. Снял их, принялся протирать не спеша. Буденный смотрел удивленно и недоверчиво. Очень уж спокойно и уверенно держались захваченные «буржуи».

— Документы, — потребовал он, поворотом головы показал на безусого, моложавого человека с высоким лбом и большими залысинами. — Ему, комиссару.

Тот неохотно взял документы, наморщил лоб и вдруг изменился в лице, торопливо шагнул к Буденному, пальцем показал подпись на мандате.

— «Ульянов, Ленин», — вслух прочитал Семен Михайлович.

Все, кто находился в комнате, уставились на приезжих. Воцарилась тишина. Буденный первым оправился от неожиданности. Привычным движением одернул бекашу, вытянулся, на саноггах звякнули шпоры.

— Командир кавалерийского корпуса, — представился он. — Прошу извинить за недоразумение. Очень уж того... Неожиданно.

— Ничего, — успокоил его Калинин. — Теперь мы с Григорием Ивановичем спасены и от мороза, и от твоих молодцов. Кончать ведь с нами хотели, как с контрой.

— Война. Белые рядом, — сказал Буденный. — Но виновные будут наказаны.

— Нет, этого совсем не нужно, — возразил Михаил Иванович. — Разъезд внимательно нес свою службу. Это мы во всем виноваты, поехали искать вас в такую погоду. Мы этих бойцов благодарить должны: хорошо, что к своим, а не к белым попали...

Сообразительный, расторопный вестовой скрылся с хозяйкой на кухне, выскочил оттуда со скатертью. На столе в мгновение ока появились тарелки, блюдо с большими ломтями свежего хлеба.

Обед был как нельзя кстати для проголодавшихся п

наволнованных путников. К тому же застолье сближает людей. Разговор пошел веселее. Едва управились с густым борщом, вестовой принес большую скворчащую скороду: жареную картошку с салом.

Михаил Иванович ел по-крестьянски аккуратно, откусывал хлеб так, что ни крошки не падало. Со вздохом сказал хозяевам, что в городах с продовольствием плохо. И не только с продовольствием. Во всем нехватка. Но рабочие и крестьяне полны решимости стоять за свою власть. Вот, мол, мы с Григорием Ивановичем приехали к вам, чтобы еще раз убедиться в этом.

Семен Михайлович воспринял слова Калинина как начало делового разговора. Глазами показал вестовому: стол сразу опустел, вместо скатерти появилась военная карта, испещренная карандашными пометками. Буденный объяснил, на какие рубежи вышли его полки. Доложил о потерях, о трофеях. Сделав паузу, напомнил о том, что конный корпус желательно развернуть в конную армию.

— Мы с Григорием Ивановичем поддерживаем эту идею, — заверил Калинин.

Выслушав просьбы Буденного, тут же записал их, чтобы в Москве ничего не забыть. При решении вопросов наверняка придется преодолевать сопротивление, недоброжелательство некоторых военных руководителей.

— Побывал у вас не так давно представитель Реввоенсовета. Как он? — дипломатично поинтересовался Михаил Иванович.

Командир и комиссар корпуса многозначительно переглянулись.

— Приезжал, — неохотно, — ответил Семен Михайлович. — Весь корпус перед ним строили, чтобы с бойцами поговорил. Только слова у него непонятные. Вроде русские, а вроде и нет. Пусть комиссар товарищ Кивгела обрисует вам...

Комиссар подумал, потер высокий лоб, заговорил не спеша:

— Люди у нас в основном малограмотные. Крестья-

не, казаки. Они правду чувствуют, понимают, а слово не всякое до них доходит. Политическую работу мы ведем постоянно, несмотря на бои, на беспрерывные марши. Но люди меняются. Вместо убитых и раненых новые приходят. Интересуются, конечно, что собой представляет Советская власть, какая, дескать, разница между большевиками и коммунистами. Некоторые говорят, что коммунисты хотят всех под одну гребенку постричь, чтобы все одинаковую одежду носили, ели из общих котлов, ну и так далее. Вот мы и попросили представителя из Москвы авторитетно разъяснить. Он вышел к строю...

— С бойцами и командирами не поздоровался, — хмуро вставил Буденный.

— Может, порядка не знает, — смягчил комиссар.

— Положено знать, раз на такой должности. Каждому солдату известно...

— Не о том речь, — продолжал Кивгела. — Вышел он, значит, к строю, бойцы замерли, стараются ничего не пропустить. А он так примерно... «В наших рядах есть элементы, извращающие наши понятия о формах устройства общества, за которое мы воюем. Имею в виду коммуны с ее обобществленными средствами производства и равными условиями пользования общими благами труда...» Ничего не скажешь, образованный человек...

— Дюже образованный, — не сдержался Буденный.

— Конечно, знающий он человек, — рассудительно продолжал комиссар Кивгела, — да не там, где нужно, знания свои показывает. Не поняли его люди. Шуметь начали. «Не нужна нам коммуна! Мы за большевиков, а не за коммунистов». Пришлось Семену Михайловичу вмешаться. Поднял руку со спичечным коробком. «Что у меня в руке?» Отвечают: «Ясно, коробка». — «Так вот: на одной стороне коробки напишем «большевик», а на другой «коммунист». Поверну я коробку этой или той стороной вниз или вверх, ничего не изменится, коробка останется коробкой. То же самое: назовите вы меня большевиком или коммунистом — будет одно и то же».

Вот тут бойцы поняли. А представитель вроде обиделся, стоит и губы покусывает.

— Значит, не столковались? — В глазах Калинина блеснул смех.

— Не получилось, — ответил Кивгела.

— Хлопцы у вас с характером. Григорий Иванович и я убедились сегодня. Тоже не могли с ними сразу договориться.

— Это же совсем другое дело!

— Конечно, — улыбнулся Калинин. — А если вести речь серьезно, то мы очень хотим побывать на самой передовой линии, посмотреть, как воюют бойцы.

— Нельзя, — сказал Буденный. И комиссар, подумав, поддержал его:

— Да, невозможно.

— Почему?

— Обстановка быстро меняется, бывает, трудно определить, где свои, где противник, — объяснил Семен Михайлович. — К тому же видимость плохая, можно потерять ориентировку.

— Но вы-то ездите, не теряете?

— Служба велит, без риска не обойдешься. И не собирались мы сегодня в полки.

— Очень жаль. Когда еще случай-то будет, — огорчился Калинин.

Видя такое расстройство, один из командиров, находившихся в комнате, произнес негромко:

— Семен Михайлович, примерную атаку мы можем показать товарищам. Выведем на тактическое учение особый резервный кавдивизион...

— Верно! — обрадовался Буденный. — Организуи и доложи.

Командир быстро вышел.

— Значит, вы находите время для обучения, несмотря на бои? — заинтересовался Калинин. — Как у вас готовят красноармейцев? Занятия кто проводит?

Семен Михайлович принялся подробно и охотно рас-

сказывать. В корпус вливается много людей, ни разу не державших в руках ни винтовку, ни пашку. Военскую премудрость они осваивают при помощи опытных кавалеристов, которые были унтерами в старой армии, сражались на германском фронте. Уж кто-кто, а эти служаки научат новичков и конем управлять в бою, и пашкой владеть, и маскироваться, и правильно использовать местность. Надо бы побольше уделять внимания стрельбе, огневой подготовке, но с боеприпасами всегда туго. Командиры требуют стрелять прицельно, наверняка, беречь патроны. Ну и, конечно, тактика мелких подразделений, взаимная выручка в схватке с врагом.

— Замечательно! — вырвалось у Михаила Ивановича. — Удивительно и замечательно, честное слово! Не ожидал, что в условиях фронта ведутся планомерные военные занятия. К могучему революционному порыву бойцов прибавить знания — это же здорово! Такой опыт надо распространять в Красной Армии. Я думаю, это как раз один из секретов вашего успеха.

— А мы что же, мы поделиться готовы, — не без гордости ответил Семен Михайлович, расправляя усы. И предложил: — Одевайтесь, пора.

Калинин и Петровский опять сели в сани, закутались в теплые шубы. Сопровождаемые отрядом всадников, выехали на окраину села. За то время, пока они находились в доме, метель разыгралась еще пуще. Снег то валил сверху, то, подхваченный ветром, почти горизонтально летел над землей, хлестал в лицо. Михаил Иванович засомневался: какая уж тут атака, направление не определишь, затеряешься в белой однообразной мгле.

Далеко где-то затрещали выстрелы: будто ломались сухие ветки. Треск приближался, усиливался, мерзлая земля чугуноно загудела от какой-то невидимой тяжести. Из мглы вынеслось несколько стремительных конников. За ними слитной массой выкатилась черная лавина, мгновенно надвинулась. Тускло и странно блеснули сотни вскинутых для удара клинков. И вдруг ошеломляющее,

дерзкое и ликующее «ур-р-ра-а-а!» заглушило все остальное: и гул катившейся лавины, и вой ветра, и треск пальбы.

Быстро пронеслись эскадроны, скрылись за белой стеной, а гости долго еще стояли молча, потрясенные увиденным. Наконец Калинин спросил:

— Семен Михайлович, это и есть ваш корпус? Такая машина!

— Это, Михаил Иванович, не корпус, не дивизия и даже не бригада. Это наш резервный дивизион...

Со стороны села гурьбой повалили спешившиеся бойцы, только что участвовавшие в показательной атаке. Укрывшись от ветра за стеной сарая, Калинин отвечал на вопросы, делая вид, что не замечает нетерпения Буденного. Тот беспокоился, не продрогли бы гости на дьявольском холоде. Да и ужин готов был в штабном доме.

— Михаил Иванович, хозяйка обидится.

— А все, мы идем.

В обратный путь собрались, когда было уже темно. Прощаясь с Буденным, Михаил Иванович пообещал:

— Просьбы ваши я поддержу. Меня радуют не только сами победы, но и то, что простой крестьянин наносит поражения генералам, которые из поколения в поколение изучали военное дело.

Простились по-дружески. Сопровождать двух предсдателей Семен Михайлович отрядил взвод конников с ручными пулеметами. В дороге Калинин и Петровский обменивались впечатлениями.

— Настоящие воины, — сказал Григорий Иванович. — И смелые, и умелые.

— Какие разные могут быть мнения, — задумчиво произнес Калинин. — Мы убедились, что это красные орлы, а кое-кто считает, что у Буденного не войска, а разношерстная ватага.

— Значит, не может или не хочет понять суть гражданской войны, когда в борьбу вступают не стройные ря-

ды заранее обученных войск, а народ поднимается всей своей силой...

На этот раз дорога не показалась им длинной. За разговором не заметили, как доехали до реки Дон, а там и Воронеж был рядом. Хотели отпустить охрану, но всадники сослались на приказ: сопровождать до самого поезда. Буденный велел.

Обогревшись в вагоне, Михаил Иванович взялся за газеты и письма. Особенно порадовала телеграмма из Москвы, сообщавшая, что в Сибири красноармейские части вышли к городу Омску. Значит, боевые действия все больше удалялись от центра страны. Успех на одном фронте мог быть и случайным, но одновременные успехи на разных фронтах — это прочный, надежный показатель наступившего военного перелома.

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ

Каждое утро в одно и то же время он выходил из Троицких ворот Кремля, направляясь на Моховую. Шагал легко и быстро, опираясь на палку. В левой руке — издавший звуки черный портфель. Поблескивали стекла очков. Многие люди, спешившие в этот час на работу, настолько привыкли встречать его, что здоровались, совершенно не догадываясь, кто этот немолодой, скромно одетый человек с добрыми глазами, с клинышком седеющей бороды. А он, приветливо улыбаясь, отвечал каждому.

Первое время, когда Калинин только приехал в Москву, приемная и кабинет Председателя ВЦИК находились на охраняемой кремлевской территории. После первых же поездок Михаила Ивановича по стране с поездом «Октябрьская революция» к нему в Москву хлынул поток просителей, ходяков. Особенно много было крестьян. Каждый обязательно хотел говорить с самим Калининым, с главным старостой государства. Михаил Иванович ста-

рался принять всех: если не мог, не успевал, это делал его ближайшие помощники.

Дежурные в бюро пропусков потеряли покой, нервничал комендант Кремля. Пропуск велено давать каждому, кто хочет видеть Калинина. Отказывать не положено. Однако и пускать всех подряд рискованно. Под видом ходоков в Кремль может пропикнуть всякая контра: вражеские лазутчики, наемные убийцы, шпионы. Поди разберись. А ведь в Кремле работают руководители партии и правительства.

С огромным облегчением вздохнул комендант, когда Калинин решил перевести свою приемную на Моховую, в 4-й Дом Советов. Хоть и близко, но по другую сторону зубчатых стен. На радостях комендант выделил побольше людей, торопил их, чтобы скорее оборудовали новое помещение.

Дело было, конечно, не в волнениях коменданта. Нашел бы какой-нибудь выход, это его забота. Суть в том, что Михаил Иванович хорошо помнил указания Ленина, сделанные еще в ноябре восемнадцатого года в «Набросках правил об управлении советскими учреждениями». Владимир Ильич требовал, в частности: помещения для приема посетителей надо устраивать так, чтобы они были доступны всем... А какая это доступность, если сначала бюро пропусков разыскивай, документы показывай. Потом еще часовые тебя поманежат. Некоторые крестьяне-ходоки и документов-то не имели, другие шутались: куда идти? К какому начальнику обращаться? В какой очереди стоять? Учтя все это, Калинин предложил ВЦИК принять постановление, в котором черным по белому было записано: чтобы сделать более доступными широким массам приемные Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров, вынести оные приемные за пределы Кремля. И вот теперь на Моховой никаких формальностей от посетителей не требовалось. Приходи в определенные часы, ожидай своей очереди.

Нынче прием посетителей во второй половине дня. А в первой — важная встреча. Михаил Иванович является председателем центральной комиссии помощи голодающим — Помгола. Эта работа сейчас для него на первом месте. Еще в прошлом, 1920 году появились признаки надвигавшегося бедствия. Во многих русских губерниях урожай оказался столь низким, что крестьяне едва могли прокормить сами себя. Затем пришла малоснежная зима. На территории Поволжья, например, где в удачливые годы снимали богатейшие урожаи, осадков на этот раз почти совсем не было. Опасность нависла огромная. В Москве понимали это, а помочь ничем не могли. Не повернешь ведь дождевые облака туда, где они требуются.

Сводки Народного комиссариата земледелия Михаил Иванович читал как донесения с фронта. Не успев окрепнуть, всходы на многих полях погибли от засухи. Горячее солнце сжигало посевы, огородную зелень. Чахла и гибла луговая трава. Высыхали родники, ручейки и колодцы. Специалисты прикинули: без еды останутся около двадцати миллионов человек. Какую-то часть из них можно вывезти в другие районы, часть прокормит государство, но не всех, далеко не всех удастся спасти.

Центральный Комитет партии, ВЦИК и Совнарком принимали срочные меры, чтобы ослабить жестокий удар природы. Опять придется забирать хлеб в тех губерниях, где урожай будет сносным, вызывая тем самым недовольство крестьян. Опять придется урезать пайки рабочим. Трудно будет всем, но без этого не обойтись. Есть надежда, что некоторую помощь окажет Международный Красный Крест. Он уже назначил своим верховным комиссаром по оказанию помощи жителям Поволжья известного норвежского путешественника и общественного деятеля Фритьофа Нансена. По его инициативе в некоторых странах начали собирать средства для голодающих. Сам Нансен приехал в Москву, сегодня Михаил Иванович должен встретиться с ним.

На большом столе в кабинете Калинина — две стопки бумаг, приготовленные секретарем. Слева — сводки о создании комитетов помощи голодающим в различных губерниях и больших городах, о поступлении денег и продовольствия. Но и того и другого слишком мало. Особенно хлеба. Такой уж выдался год, по всей стране урожай невелик.

Справа — материалы о норвежском путешественнике. Книги, журналы, вырезки из газет. У Михаила Ивановича твердое правило, установленное им для себя еще в Питере, на посту городского головы: прежде чем вести с человеком деловую беседу, постараться узнать об этом человеке, о предмете предстоящего разговора как можно больше.

Вот портрет Фритьофа Нансена. Волевой подбородок, крупные черты лица. Открытый, бесхитростный взгляд. О его исследованиях и открытиях написано много, имя прогремело на весь мир. Он зоолог. Дрейфовал на «Фраме» в Центральной Арктике. Вел важные океанологические наблюдения. Пересек на лыжах Гренландию. А самое существенное вот что: в 1905 году с одним из своих товарищей отправился к Северному полюсу и подошел к нему ближе, чем все прежние исследователи. И Россию он в какой-то степени знает, путешествовал по Сибири, по Дальнему Востоку. Самому крепко доставалось в трудных походах, сам хватил горюшка. Отсюда и сострадание к людям, стремление облегчить участь других. Не случайно, значит, был верховным комиссаром Лиги Наций по делам военнопленных. А теперь организует за рубежом помощь голодающим Поволжья.

Точно в назначенный срок Нансен вместе с переводчиком вошел в кабинет Калинина. Поздоровался по-русски, крепко пожал руку Михаилу Ивановичу. Обменялись несколькими фразами, и Калинин понял: да, перед ним человек с доброй душой, бескорыстный борец за справедливость. И оптимист. Даже чересчур. Нансен был уверен, что современный цивилизованный мир не допустит, что-

бы в результате каприза природы умерли десятки тысяч жителей планеты.

— Жертв может быть гораздо больше. Опасность нависла над миллионами, — уточнил Калинин.

— Надо предполагать самое худшее, — согласился Нансен. — Но вас не оставят в беде.

— Красный Крест? Отдельные добросердечные люди? Сердечное спасибо за это. Но когда речь идет о миллионах...

— Не только европейские государства помогут. Будем надеяться на Америку. Тем более что там кризис перепроизводства. Они топят в море или сжигают тысячи тонн пшеницы, кукурузы.

— Чтобы поддерживать выгодные цены, — вставил Калинин.

— Хочу подчеркнуть, что мир достаточно богат.

— Капиталистический мир, — уточнил Михаил Иванович. — Я что-то не очень надеюсь на наших классовых противников. По-моему, они даже радуются, глядя на наши бедствия.

— Возможно, есть и такие, — согласился Фритьоф Нансен. — Но, поверьте мне, большинство капиталистов — это самые обычные люди, с обычными человеческими чувствами.

— Мы знаем и другое: капиталисты старались и стараются подорвать нашу революцию, не считаясь ни с чем. Не удалась им блокада военная, стараются теперь задушить блокадой экономической. Не дубьем — так рублем!

— И все же многие люди на Западе встревожены нашим бедствием и искренне хотят помочь голодающим, — убеждал Нансен.

Михаилу Ивановичу показалось даже, что Нансен обиделся за тех добрых людей, которых он сейчас представлял. Такие сильные, чистые натуры, как этот норвежец, обычно далеки от политики, от всевозможных интриг и козней. Он все свои сбережения намерен внести в фонд

спасения голодающих, а богатейшая держава Великобритания, разжиревшая на грабеже колоний, отказалась дать хотя бы фунт стерлингов. Вот и выходит, что через вечные льды, через полярную ночь легче пробиться, чем преодолеть жестокость и бездушные правителей капиталистических стран. Вскоре Нансен сам убедится в этом. А за хлопоты, за полезную деятельность, за личный вклад норвежца надо поблагодарить от имени правительства.

— Мне бы хотелось самому съездить в районы, охваченные засухой, понять размер катастрофы, — сказал Нансен. — Тогда я сумею найти более веские аргументы для разговора на Западе.

— Хуже всего в Саратовской и Самарской губерниях. Там уже сейчас гибнут люди, опустели целые деревни. Я и сам скоро еду туда. Во всяком случае, большое спасибо вам. Каждый пуд зерна — это чья-то спасенная жизнь.

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверил, прощаясь, Нансен.

Едва ушел норвежец, в кабинете Калинина появился представитель Наркомата путей сообщения. Доложил, сколько продовольствия доставлено за сутки в голодающие районы из других губерний. Цифра была невелика. Михаил Иванович и без железнодорожников знал ее. Интересно было другое. Надо как можно скорее вывозить из Поволжья людей. В Сибирь, на Украину, в другие места. Чем больше будет вывезено, тем лучше. Но на чем вывозить? Вагонов с грузами в голодающие районы прибывает немного, а порожняк туда железнодорожники гонят очень неохотно, да и не хватает вагонов. Придется принять крутые меры, чтобы порожняк шел за людьми.

Представитель железнодорожников оказался человеком понимающим. У него у самого, оказывается, сестра в Самарской губернии. Михаил Иванович предложил ему срочно подготовить докладную записку с обоснованием: как, когда и сколько вагонов можно подать в угрожаемые районы, где их взять. И — проект решения. По-

метил в календаре: для обсуждения этого вопроса собрать совещание представителей всех заинтересованных наркоматов и ведомств.

Михаил Иванович несколько раз прошелся по кабинету. Вытряхнул пепельницу. Постояв у окна, вернулся к столу, отодвинул материалы, касавшиеся Помгола. С этим делом на сегодня покончено, надо было отрешиться от него, настроиться мысленно и душевно совсем на другой лад. Скоро он, спокойный, способный объективно, непредвзято рассмотреть каждую жалобу, выйдет к просителям. А ведь у них разные характеры, разные взгляды, у каждого своя обида, своя боль, и все они ждут от главы высшего органа власти справедливого решения. Он для них самый авторитетный суд, он не имеет права хотя бы чуть-чуть, из жалости или по какой-либо другой причине, отступить от истины, проявить попустительство или излишнюю жесткость. Он должен твердо руководствоваться советскими законами, быть абсолютно справедливым. Об этом легко рассуждать вообще, но как это трудно в каждом отдельном случае, когда перед тобой стоит человек, смотрит в твои глаза и ждет окончательного решения.

Приемная была детищем и гордостью Михаила Ивановича. Ведь это только подумать: никогда прежде в истории ни один глава государства не имел такого непосредственного общения с народом, какое имел теперь Калинин. При желании любой гражданин Советской Республики мог поговорить с Михаилом Ивановичем, выложить ему все, что хотел. За два года в приемной рассмотрено самим Калининым или его ближайшими помощниками без малого полмиллиона дел, заявленных письменно или устно. Каждый проситель ушел отсюда с положительным решением или с обоснованным отказом.

Михаил Иванович не уставал повторять своим помощникам, всем сотрудникам приемной, что разбор любой просьбы — это конкретная политика. О том, какие меры принял по тому или другому вопросу глава высшего

органа власти, узнают люди не только в деревне, откуда явился крестьянин, но и в волости, и в уезде. Приехал-то один человек, а за его спиной — десятки и сотни.

Недавно пришло письмо из далекой уральской деревни. Я, мол, средний крестьянин, а меня признали богачом, кулаком, обложили чрезмерным налогом. Потом и вовсе арестовали, продержали месяц в кутузке, а после выпустили «за отсутствием обоснованных обвинений». Однако за это время все имущество было растащено неизвестно кем, остались голые стены. Как теперь жить, чем кормиться? И земляки поглядывают косо: мало ли что выпустили, в тюрьме-то сидел, может, и вправду за дело...

С подобными письмами в приемной разбирались досконально. Посылали запрос на место. Или специально товарищ выезжал, чтобы прямо в уезде изучить дело. Если жалоба от крестьянства — отправлялся тот, кто сам вырос в деревне. Если от рабочего — ехал человек, пришедший в приемную ВЦИК с фабрики или с завода. Таким легче было понять жалобщиков, выяснить, что к чему. Да и для самих работников это была хорошая школа жизни, принципиальности. Они быстро росли, поднимались на более высокие посты, и это тоже радовало Михаила Ивановича.

С крестьянином из уральской деревни разобрались, конечно, по существу. Оказалось, что человек он пожилой, трудолюбивый, чужой труд не эксплуатировал. Пчел любит, держал хорошую пасеку, вот кто-то и позавидовал, донес в уезд. А там поторопились, арестовали. Так доложил Калинин работник, выезжавший на место. Доброе имя крестьянина восстановлено.

— А те, кто совершил беззаконие? — спросил Михаил Иванович.

— Я поговорил с ними.

— Поговорить мало. По их действиям люди судят о Советской власти в целом. Наказать их следует. И чтобы о строгом наказании знал весь уезд. А имущество

крестьянина разыскать, вернуть владельцу и помочь ему возобновить пасеку. Разве мед нам не нужен, особенно больным, детям?..

— Нужен, Михаил Иванович.

— Вот и добейтесь того, чтобы была полная справедливость, — посоветовал Калинин. И, подумав, добавил: — Я понимаю, что, когда долго работаешь с жалобами, привыкаешь к ним, притупляется острота восприятия. За письмом не видно беды человеческой. Возникает стремление поскорее отделаться от жалобы, отписаться или переслать в другое учреждение. Скажите, с вами бывает такое?

— Бывает, — признался сотрудник.

— Спасибо за откровенность, — мягко улыбнулся Калинин. — Мой вам совет: каждый раз, изучая жалобу, ставьте себя на место того человека, который ее написал, старайтесь испытать его негодование, его волнение, его боль. А если утратите эту способность, скажите мне. Переведем на другую работу, не менее важную, но не связанную непосредственно с людьми.

Сам Михаил Иванович, когда занимался делами приемной, словно бы ощущал пульс народной жизни. По количеству писем и ходочков можно было судить о положении в той или иной местности. Одно время резко увеличился поток жалоб из подмосковных районов. Урезают, мол, земельные наделы, не выделяют покосов, не позволяют брать в лесу хворост и сухостой. Михаил Иванович посоветовался с опытным сотрудником приемной Котомкиным. Решили пригласить москвичей, руководивших теми ведомствами, на действия которых жаловались трудящиеся. Однако «раскачать» этих руководителей удалось не сразу. Кому охота выслушивать неприятности. Тот занят, другой недавно на должности, еще не осмотрелся. Хотели прислать заместителей. Но Михаил Иванович проявил твердость. Настоял, чтобы явились сами и заместителей прихватили, пусть тоже послушают ходочков, почитают письма. Трижды присутствовали все они

на приемах, много слышали неллицеприятногo, отвечали на вопросы. Сделали, разумеется, соответствующие выводы. Во всяком случае, количество жалоб из Подмоскoвья вскоре сократилось.

«По материалам нашей приемной историю можно писать», — любил повторять Калинин.

Близилось время начала приема. Михаил Иванович вошел в большую комнату, разделенную перегородкой, высотой по грудь. Поздоровался с сотрудниками. Сказал, чтобы приглашали людей. Комната наполнилась посетителями. Первым в очереди оказался рослый крестьянин с широкой окладистой бородой. От него резко пахло кислой овчиной: долго скитался, наверно, по вагонам, по вокзалам, спал, кутаясь в старый полубух. Он будто опешил, разглядывая Калинина.

— Какое у вас дело ко мне? — напомнил Михаил Иванович.

— Погорельцы мы, погорельцы, — протянул крестьянин засаленную бумагу-прошение. — Половину деревни огонь слизнул, весь порядок. А волость тает... И уезд тает... Нет, говорят, лесу... Сами, говорят, виноваты.

— В чем же ваша вина?

— Праздник был, недосмотрели. На Николу-вешнего как раз престольный праздник у нас.

— Нехорошо, — укоризненно качнул головой Михаил Иванович. — Вы на престольном празднике самогоппьете, а Советская власть потом вам избу справляй... Скверно получается.

— Нам бы лесу, а остальное мы сами...

Калинин всмотрелся в бумагу, сказал:

— Есть же резолюция на заявлении. Помощник мой все решил, выделяют вам лес. Зачем меня-то дожидался? Людей вон сколько...

— Мужики наказывали, чтобы обязательно твой подпис был. Без этого, говорят, не возвращайся. Не откажи, батюшка, для общества.

— Возьмите, — Михаил Иванович расписался под

резолуцией. — А обществу передай: пашет престола-то поскромней, поаккуратней. Обожглись, и хватит.

— Теперь мы ученые, батюшка, во как ученые...

После крестьянина к Калинин подошел человек со впалыми щеками, в стареньком пиджаке. Тискал руками фуражку. Михаил Иванович сразу определил: это фабричный. Наверно, работа ему нужна. Жена у него, дети, а податься некуда: многие заводы и фабрики еще стоят.

Ну, правильно, не ошибся: человек просит работы.

Михаил Иванович старался не показать своего огорчения. Он очень переживал за таких тружеников, которые сейчас как рыба на песке. Крестьянину, даже самому бедному, легче, чем рабочему, оказавшемуся не у дел. Крестьянин хоть на картошке, на свекле перебьется, перезимует. А безработному мастеровому где взять кусок хлеба или деньги? Страдают люди, среди которых немало таких, которые сами делали революцию, сражались на фронтах гражданской войны. Таким надо помогать в первую очередь, но не всегда получается.

Подозвал Котомкина. Тот выслушал, вспомнил: открылась небольшая фабрика, но за городом, надо поехать туда ездить. Если товарищ согласен...

— Давайте направление, — обрадовался рабочий. — Хотя бы зацепиться... А то уж совсем швах, — махнул он рукой. — Сердечная вам благодарность!

Калинин и Котомкин обменялись взглядами. Ладно, хоть чем-то сумели помочь! Потерпи, друг, еще немного, будут у нас огромные заводы, первоклассные фабрики, электростанции. Наступит срок — везде будут требоваться крепкие умелые руки. Выбирай дело по душе. Это не утешительная сказочка, такие дни наступят обязательно, все мы стараемся приблизить их. Без веры в счастливое будущее просто не осилить, не одолеть всех многочисленных трудностей...

Следующая просительница, бойкая бабенка с выбившимися из-под платка волосами, затараторила так быст-

ро, что Михаил Иванович никак не мог понять, чего она хочет. Ругала по-всякому рязанское начальство, рязанских коммунистов, которые «не желают оказать содействие». Видно было, что склочная тетка, но разобраться надо.

— Из ваших слов я понял одно: в Рязани все коммунисты вроде редиски, красные только снаружи. Не думаю, что это так. Изложите, чем конкретно вас обидели.

Постепенно, отменяя словесную шелуху, выяснил: женщина просит, чтобы ей прирезали земельный участок соседа. Он — бывший купец, она трудящийся класс, работает сторожихой, а огороды у них одинаковые. И земля у него лучше. А ей во как обидно! — показала она рукой аж выше головы.

— Какой у вас надел? Справка имеется?

— А как же, по всей форме.

Калинин взял бумажку, прочитал внимательно.

— Вижу, земли у вас сколько положено по норме. Если дадут больше, это будет уже непорядок и самоуправство. Просьба ваша незаконная, и помочь никак не могу. Так что не браните рязанских коммунистов, они поступают по справедливости.

Когда нужно, он умел отказывать вежливо, но твердо.

Побеседовав с двумя десятками посетителей, Калинин возвратился в кабинет. Надо было подготовить план своей очередной поездки по стране и отшлифовать статью для газеты. Задумана она была давно, а сейчас самое время напечатать. Михаил Иванович при каждом удобном случае говорил о том, что необходимо везде и всюду привлекать к государственной работе беспартийных товарищей. Это укрепит Советскую власть на местах, привлечет к делу наиболее активных людей. Недавно Центральный Комитет партии распространил специальное письмо по этому поводу. Журналисты попросили Калинина просто и доходчиво раскрыть суть этого документа, высказать свое мнение.

Набросал черновик статьи, выправил его, уточнил не-

которые фразы. Переписал запово. Глянул в окно: вот это да, уже сумерки наступают. Домой пора. Екатерина Ивановна, конечно, спросит, пообедал ли? Кажется да, приносили ему бутерброд с чаем.

Постукивая палкой, прижимая локтем портфель, медленно шел он по опустевшей улице. Рабочий день давно кончился, все отдыхают в квартирах. Встречаются только шарочки, да оборванные чумазные беспризорники сгрудились в подворотне, в карты, что ли, играют... Вот еще одна важнейшая проблема: подобрать с улиц ребят, которых война лишила семьи, вернуть им детство, вырастить настоящих людей... Молодое государство просто не успевает взяться за все, не хватает и средств, и людей.

Дома его ждала новость. Екатерина Ивановна, собирая ему на стол (дети уже поужинали), обронила словно бы невзначай:

— Послезавтра выпишут Аню.

— Выздоровела, значит? Хорошо.

— Не торопись радоваться. Письмо из деревни пришло. Мать Анина умерла.

— Ну да! — Михаил Иванович отложил ложку, вытер усы, бороду.

— Как же теперь поступить? Круглая сирота... Не оставлять же на произвол судьбы...

Года полтора назад, когда Калинины отдыхали в Верхней Троице, из дальней деревни пришла к ним совершенно незнакомая женщина, прослышавшая, что приехал сам «главный староста». Тридцать верст несла больную дочку. От рождения у Ани была повреждена нога, девочка хромала, ребятишки дразнили ее, смеялись над ней. Отец ее погиб на германской... Слезно просила женщина помочь, показать докторам единственную свою кровинушку. И Калинины, отправляясь в Москву, взяли девочку с собой.

Требовалось несколько последовательных операций — так решили врачи. Пришлось согласиться. Аня долго,

очень долго лежала в больнице. Калинин поочередно навещали ее, привыкли к ней, привязались.

Екатерина Ивановна, подперев щеку ладонью, грустно и выжидающе смотрела на мужа. А он словно бы раздумывал вслух:

— Ничего не поделаешь... Шура вот у нас усыновленный, растет как все... Он, правда, моей сестры сын... Да, впрочем, какая разница? Где четверо, там и пятерым места хватит. Квартира просторная.

— Не о том речь, Миша. Главное, чтобы в сердце места хватило, — ответила Екатерина Ивановна, и по ее голосу Калинин понял: она уже взвесила и решила для себя все.

— Вот и ладно, — весело сказал он. — Забирай Аню и вези к нам. С детьми поговори, подготовь.

— А чего готовить-то, они ее любят, — улыбнулась жена и, наклонившись, ласково и благодарно коснулась губами его щеки.

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ...

Во второй половине 1922 года обстановка в Советской Республике решительно изменилась к лучшему. Победой закончилась гражданская война, лишь на Дальнем Востоке еще гремели бои, но и там дело шло к успешному завершению. Сократилась армия, высвободив много крестьянских рук, лошадей для работы на полях. Хороший урожай помог накормить людей, ликвидировать страшные последствия недавнего голода. Больше товаров выпускала промышленность. Жизнь стала другой, и управлять государством требовалось иначе — Михаил Иванович все острее чувствовал это. А самое главное — надо было объединить советские республики, чтобы совместными усилиями строить социализм.

До сей поры не все было определено, не все было ясно во взаимоотношениях между республиками. РСФСР,

Украина, Белоруссия, Закавказская федерация (в нее входила Армения, Грузия и Азербайджан) связаны были между собой договорами о политическом, хозяйственном и военном сотрудничестве. Такая же связь со среднеазиатскими народными республиками Хорезмом и Бухарой. Однако теперь только договорных взаимоотношений было недостаточно. Это понимали и в Москве и на местах. Республики стремились к более тесному сближению под руководством ленинской партии. Вокруг враги, капиталистический мир силен, республики должны противопоставить этому миру свой крепкий политический и экономический союз. Но как объединиться, как взяться за такое дело?

Специальная комиссия тщательно разбиралась в этом вопросе и подготовила проект так называемого плана «автономизации». Калинин перечитал проект несколько раз. Суть простая. Предлагалось без проволочек распространить власть руководящих органов РСФСР на соответствующие органы других республик и вообще включить все республики в состав Российской Федерации на общих правах. Много ведь в РСФСР проживает разных народов и народностей, пусть прибавятся еще несколько.

На первый взгляд вроде правильно. План «автономизации» не дает преимуществ никому, все народы имеют равные права. Но что-то мешало Михаилу Ивановичу принять этот план. И не ему одному. Некоторые республики, сами добивавшиеся объединения, отнеслись к проекту без всякого энтузиазма.

Общей линии, как говорится, не получилось, и это еще более усилило сомнения Михаила Ивановича.

Оставался один надежный и испытанный способ: посоветоваться с Владимиром Ильичем. Он умел каким-то непостижимым образом видеть, чувствовать главное в многообразном потоке явлений, настолько ясно и просто раскрывал их суть, что Калинин порой диву давался: как же сам-то не смекнул, не сообразил?! Но Владимир

Ильич сейчас болен, здоровье его подорвано долгой и трудной работой, ссылками, отравленными пулями покушавшейся на него эсерки. Врачи категорически запретили ему заниматься делами, даже газеты читать, дабы не волноваться, но это было уже слишком: без газет, без повостей Владимир Ильич жить не мог.

Калинин, давно не видевший Ленина, не говоривший с ним, испытывал ощущение, какое бывает у моряков во время длительного плавания вдаль от берегов: очень хочется взглянуть на компас, еще раз убедиться в том, что корабль движется правильным курсом. Владимир Ильич, наверно, еще и не знает о плане «автономизации», ему пока не сообщали об этом. И все же Калинин надеялся хотя бы косвенно, не затеявая прямого разговора, выяснить, что думает Ленин по поводу создания единого Советского государства. Ведь объединение республик должно стать торжественным праздником всех национальностей. А для этого надо найти основу, которая устраивала бы всех, не вызывала сомнений.

С такими мыслями отправился Михаил Иванович в Горки, навестить Ленина. Сентябрьский день был сухим, теплым. Автомашину изрядно потряхивало на ухабистой дороге.

Среди деревьев показался особняк с белыми колоннами. Машина остановилась около подъезда, но Ленин появился не оттуда, а из аллеи. С ним Надежда Константиновна. Шел Владимир Ильич улыбаясь: весело поблескивали глаза под надвинутой на лоб кепкой.

— Нуте-с, батенька, здравствуйте! — приветствовал он гостя. — Я, знаете ли, здесь в заточении рад каждому человеку, а вам особенно.

Ильич похудел за время болезни, был бледен, и поэтому, наверно, более темными казались его глаза. В рыжеватой бородке заметнее проступила седина. Он предложил Калининугу прогуляться, прибавив:

— Если не устали, конечно. — И, заметив беспокойство на лице жены, лукаво прищурился: — Вы ведь

знаете, Михаил Иванович, что говорить со мной можно только о погоде, да и то лишь если она хорошая.

— Знаю, Владимир Ильич, и считаю такую установку совершенно правильной. Всему свой срок.

— Вот видишь, Надя, ты можешь быть абсолютно спокойной. В лице товарища Калининна обрела верного союзника. — В голосе Ленина прозвучала чуть заметная грусть.

Медленно шли они по аллее, обсаженной могучими дубами и старыми липами. Михаил Иванович обратил внимание: листва дубов еще совсем зеленая, не тронутая осенними красками. Позже других деревьев одевается дуб листвою, зато и держит ее потом долго. Неторопливо живет, на то он и дуб...

Приладившись к размеренному шагу Ленина, старался Михаил Иванович рассказывать о том, что, по его мнению, приятно было слышать Ильичу. Об урожае, о заметном увеличении в этом году площади, занятой под озимые. Хоть и помаленьку, но налаживается сельское хозяйство. Однако Ленин воспринимал его слова без особого интереса, вероятно, знал все это. Усмехнувшись, спросил:

— Что известно о тех двадцати тракторах, которые прибыли к нам из Америки?

— Машины отправлены в Пермскую губернию для демонстрации тракторной обработки земли.

— Да, да, мне говорили. Они уже прибыли на место? Как прошли по нашим скверным дорогам?

— Без задержки. Появилась у крестьян заинтересованность, и дороги стали хорошими, — весело объяснил Михаил Иванович. — В самый короткий срок дороги были исправлены, люди работали коллективно, целыми деревнями.

— Рад слышать. Помните, однажды, весной девятнадцатого года, если мне не изменяет память, мы с вами говорили, как нужны нам сельскохозяйственные машины. О том, что трактор — лучшая агитация за крупное со-

циалистическое хозяйство в деревне. Поле, на котором крестьянин вынужден трудиться со своей лошадкой неделю, трактор вспашет за один час.

— Да, речь шла о ста тысячах тракторов. Иметь бы их столько, снабдить машинистами, дать бензин, и средний крестьянин сам заявил бы: я за коммунизм. Помню, Владимир Ильич, тогда это представлялось мне полной фантазией.

— А теперь это уже не столько фантазия, сколько мечта, причем осуществимая. Теперь мы можем ставить перед собой такую задачу на будущее. Не сразу, конечно, появятся на наших полях столько тракторов, но это уже реальность. Они обязательно будут у нас. И сто тысяч, и больше...

— А ведь мы беседуем о деле! — спохватился Калинин.

— Это приятная беседа, — ответил ему Ленин и надолго умолк.

Разговор возобновился, когда остановились на краю откоса, откуда открывались просторные дали. Михаил Иванович обмолвился о том, что не давало ему покоя: об отсутствии единой точки зрения по вопросу объединения республик. Ленин живо повернулся к нему:

— Насколько далеко продвинулась подготовка?

— Комиссия работает почти месяц. Есть проект плана, — ответил Калинин.

— Ах вот как! — нахмурился Владимир Ильич, но больше расспрашивать не стал. Михаил Иванович поругал себя за неосторожность. Сказано же — нельзя сейчас волновать Ильича.

Вероятно, не только от Калинина, но и от других приезжавших к нему товарищей узнал Ленин, что важнейшее дело, проводившееся без его участия, зашло в тупик. Во всяком случае, во второй половине сентября, вскоре после того, как консилиум врачей разрешил приступить к работе, Владимир Ильич познакомился с планом «автономизации». Обсудил его с членами комиссии

ЦК партии, побеседовал с представителями из всех республик. И написал членам Политбюро ЦК письмо, в котором раскритиковал идею «автономизации».

Читая с карандашом в руке это письмо, Михаил Иванович будто слышал напористый, чуть картавый голос Ильича, звучавший страстно и убедительно. Ленин предупреждал: когда решается такой сложный вопрос, как национальный, спешка и администрирование недопустимы. Строгое соблюдение добровольности и равноправия — вот что особенно важно.

Владимир Ильич предложил иную основу для создания общего государства. Республики не вступают в Российскую Федерацию, а объединяются с ней, образуя совершенно новый Союз. При этом все они не подчиняются автоматически высшим органам РСФСР, как задумывалось раньше, а сформировывают новые, теперь уже общесоюзные органы власти. Будет общий Центральный Исполнительный Комитет, общие наркоматы, другие учреждения. Создается словно более высокий этаж власти, стоящий над РСФСР так же, как и над всеми другими республиками. Это действительно равноправие, это никому не обидно, не ущемляет ничьих интересов.

Теперь многое стало ясным. Оставалось только заняться организационной работой, подготовить и провести Объединительный съезд. Все были уверены, что руководить работой съезда будет Владимир Ильич. Кому же, как не ему, создателю партии, вождю революции, возглавить такое торжество. Во всяком случае, Ленин намеревался выступить с речью, но приступ болезни вновь приковал его к постели.

Теперь Калинин чувствовал еще большую ответственность за успешное проведение съезда.

Утро 30 декабря 1922 года выдалось очень холодным. В морозном тумане медленно рассеивались сумерки. Рослые красноармейцы в длинных тулупах, оцепившие

Большой театр, были похожи на темные гранитные изваяния. Цепь размыкалась только перед делегатами съезда: на этот раз уже не Всероссийского, а Первого Всесоюзного съезда Советов.

Калинин, конечно, приехал в театр задолго до начала заседания. Обошел фойе, слабо освещенный зал, просторную сцену с массивным столом для президиума. Раньше всегда во время съездов или торжественных заседаний на сцене устанавливались декорации из «Онегина», теперь вместо них были так называемые «венецианские»: смотришь из зала, и словно бы простирается за президиумом звездная даль. Так лучше.

Михаил Иванович изрядно волновался: все ли предусмотрено, нет ли каких упущений? А еще мешал, раздражал новый костюм. За долгие трудные годы привык он жить скромно, одевался всегда аккуратно, чисто, а обновлял одежду очень редко. Сказывалась и крестьянская бережливость: зачем приобретать пальто или костюм, когда старые еще вполне приличны? Целесообразней купить что-нибудь детям, жене.

Екатерина Ивановна последнее время все чаще говорила ему:

— С делегациями встречаешься, разные иностранцы к тебе приезжают, а ты все в одном и том же костюме.

— А чем он плох? — смотрел в зеркало Михаил Иванович. — Нигде не жмет, не мешает, я его не чувствую на себе, вот что важно. А новый пока обносишь, намучаешься.

Зная характер мужа, Екатерина Ивановна пустилась на хитрость. Пригласила домой пожилого закройщика. Михаил Иванович пришел с работы, а она ему:

— Вот хорошо, тебя тут мастер ждет.

Расчет был точен: не мог Калинин выдворить из дома человека, ожидавшего его. Поворчал потом на Екатерину Ивановну, но мерка была снята, а вскоре и костюм был готов. Отличный костюм, красивый и строгий,

но Михаил Иванович, хоть и надевал его уже пару раз, еще не притерпелся к нему.

Зал постепенно заполнялся людьми. Михаил Иванович едва успевал отвечать на приветствия. Каждый съезд хорош уже хотя бы тем, что со всей страны собираются старые друзья, единомышленники, встречаешь товарищей, которых не видел несколько лет. С Украины приехал Михаил Васильевич Фрунзе, прославленный полководец гражданской войны. Из Азербайджана — Сергей Миронович Киров, как всегда улыбающийся, полный энергии. А вот Петр Гермогенович Смидович, с которым Калинин работал когда-то в Москве, на электроподстанции: вместе готовили и распространяли листовки.

Спокойный, интеллигентный, даже внешностью своей внушающий уважение, Смидович, как выяснилось, оказался старейшим среди делегатов. Ему, по демократической традиции, Калинин предоставил первое слово, он и открыл съезд вступительной речью. Хорошо, проникновенно сказал Петр Гермогенович о том, как все республики сообща защищали власть Советов против объединенного фронта империалистических правительств, как начали создавать социалистическое хозяйство. Особенно подчеркнул, что все успехи республик, все победы на боевых и хозяйственных фронтах были достигнуты благодаря тому, что республики вместе вставали на встречу каждой новой опасности, помогая друг другу. А закончил он свою речь торжественным, впервые прозвучавшим лозунгом:

— Да здравствует учреждаемый ныне Союз Советских Социалистических Республик!

Отгремели аплодисменты, и близкая, дорогая всем мелодия «Интернационала» поплыла под сводами зала. Делегаты пели стоя.

Почетным председателем съезда был избран Владимир Ильич Ленин. Рабочим председателем — Михаил Иванович Калинин.

Были зачитаны Декларация и Договор об образова-

нии СССР, одобренные накануне делегациями объединявшихся республик. Начались выступления.

Все шло хорошо. От волнения, от беспокойства, которые испытывал утром Михаил Иванович, не осталось и следа. Нарастала радость. В речах делегатов было такое единодушие, что Михаил Иванович понял: работу удастся завершить еще сегодня. Решение будет принято, в этом нет сомнений. Отличный подарок всему народу, всей стране к Новому году!

Он уверенно вел заседание, следил за регламентом, время от времени поглядывал на те места, которые были отведены прессе, ощущая при этом чувство удовлетворения. С полным напряжением работают газетчики, едва успевают записывать. Еще недавно, в девятнадцатом году, на съезде, в этом зале, не присутствовал ни один иностранный журналист. Своих было трое или четверо. А теперь тесно газетчикам. Американцы, англичане, немцы, французы... Дипломатическая ложа заполнена. Очень интересуются господа событиями, которые происходят у нас. Пусть смотрят, пусть пишут: весь мир будет знать о рождении нового великого государства!

Невольно вспомнилась Михаилу Ивановичу встреча с графом Ульрихом Брокдорф-Ранцау, считавшимся одним из лучших, одним из авторитетнейших дипломатов в Европе, да и во всем буржуазном мире. Ни в образованности, ни в находчивости, ни в решительности ему не откажешь. Он возглавлял германскую делегацию, которая велла переговоры с державами-победительницами мировой войны. Трудная роль выпала на его долю. Унизительная роль. Но он, посланец побежденной Германии, проявил характер и гордость, отказался признать условия Версальского договора и демонстративно подал в отставку. Немалое самообладание и мужество для этого требовалось.

Да, этот германский граф теперь войдет в историю: он оказался первым представителем крупной капиталистической державы в новом, Советском государстве. Не-

давно, представляясь Калинин, как главе высшего органа Советской власти, Брокдорф-Ранцау настолько разволновался, что сделал даже старинный прусский реверанс, признанный ныне в дипломатическом мире совсем не обязательным. Возможно, он беспокоился, не будет ли на его пути каких-либо неожиданностей, злонамеренных козней. И зря беспокоился. Граф был принят без пышностей, просто, но достойно и уважительно, по-деловому.

После приема журналисты спросили его: почему, дескать, перед королями в мантиях, перед представителями Антанты держался спокойно, уверенно, а перед Калининым нервничал? Граф не стал отрицать, что волновался, а ответил буквально так: с королями ему действительно приходилось встречаться, и еще хуже — вести дела с представителями победивших государств. Но рабочие и крестьяне, управляющие своей страной так смело и независимо, — это самая большая сила, перед лицом которой ему довелось стоять впервые за всю жизнь...

«Умен граф, умен! Он понял, с кем имеет дело: с завтрашним днем всего мира! — так думал Михаил Иванович, с улыбкой поглядывая на дипломатическую ложу. — Да, времена меняются. Заметно меняются...»

Между тем последний оратор покинул трибуну. Теперь Калинин пришел черед выступить. Надо коротко подвести итоги, еще раз подчеркнуть значение свершившегося события. В притихшем зале торжественно прозвучал его голос:

— Товарищи, мы, рабочие и крестьяне, особенно рады, что здесь, в Москве, происходит этот Первый Объединительный съезд всех народов, населяющих советские республики... Может быть, сейчас, в данный момент, важность этого события не вполне сознается, но оно с каждым днем будет иметь все большее и большее значение на политическом горизонте... Мы здесь закладываем первый камень действительно братского общежития. Целые тысячелетия прошли с тех пор, как лучшие умы человечества бьются над теоретической проблемой в поисках

форм, которые дали бы народам возможность без величайших мук, без взаимной борьбы жить в дружбе и братстве. Только сейчас, в сегодняшний день практически закладывается первый камень в этом направлении!..

И опять, одобряя пророческие слова Калинина, в едином порыве, аплодируя, поднялся весь зал.

Работа съезда завершилась лишь поздно вечером. Был создан Центральный Исполнительный Комитет СССР.

Опустела сцена. Однако люди не спешили расходиться. В зале, в фойе — гул голосов, веселые восклицания, смех. К Михаилу Ивановичу подошел Буденный: в военном френче, подтянутый, плечистый, с пышными усами на смуглом лице. Калинин всегда приятно видеть его. Тоже ведь из крестьян, а каким полководцем стал, скольких белых генералов разбил!

Пожимая крепкую руку Буденного, вспомнил Михаил Иванович теплый майский день двадцатого года, когда второй раз приехал к Семену Михайловичу на фронт в Конную армию, готовившуюся ударить по белополякам. Состоялся смотр войск, а после смотра бойцы и командиры попросили Калинина выступить. Вместо трибуны — тачанка с пулеметом. Вокруг плотной массой сотни спешившихся кавалеристов. И только начал Михаил Иванович говорить — раздался гул вражеского самолета. Он прошел над тачанкой, развернулся и ударил из пулемета. Свинцовый, смертельный ливень хлынул с неба. Бойцы вскинули винтовки и начали стрелять. А Михаилу Ивановичу что делать? Винтовки нет, чтобы самому отбивать врага. Укрыться от пуль нигде, да и как будешь укрываться, если другие не прячутся?! Вот и стоял на тачанке до тех пор, пока буденовцы отогнали самолет. Затем, когда шум улегся, продолжил свое выступление.

Семен Михайлович сказал ему тогда, что бойцы, мол, удивлены и восхищены храбростью Калинина. Михаил Иванович даже засмеялся: какая там храбрость, просто не знал, что предпринять, жалел, что ружья в руках нет...

— Поздравляю! — Буденный отступил на шаг, привычным движением расправил усы. — Поздравляю от души, Михаил Иванович! Теперь вы у нас не то что все-российский, а всесоюзный староста! Президент, можно сказать! Первый президент Советского Союза!

— Спасибо, Семен Михайлович... Не меня, так другого бы выбрали. Не в этом суть. Главное — объединились!

НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

Владивосток ему очень понравился. Увидел Михаил Иванович морской простор, привольно раскинувшийся среди сопок город, краснофлотцев в красивой форме, празднично одетых людей, встречавших его на привокзальной площади, множество знамен, транспарантов — и радостное настроение овладело им. Волновал запах моря, волновали суда на рейде, отправлявшиеся в неизвестную дорогу, волновало ощущение огромности, беспредельности: величайший из океанов смыкался здесь с великим сухопутьем России.

Хотелось прогуляться по улицам в одиночку: просто так, без дум и забот. Посидеть возле воды, слушая размеренный плеск волн. Но времени, как всегда, в обреченное расписано заранее. Калинин познакомился с самым крупным предприятием города — Дальзаводом. Съездил на мыс Эгершельд, к грузчикам торгового порта. Интересная была беседа с моряками о развитии торгового флота.

Вечером — выступление перед трудящимися в городском театре. Только лишь после этого, в гостинице, смог Михаил Иванович выкроить время, чтобы поразмыслить над увиденным и услышанным. Надо уяснить, что способно дать Приморье стране, какая ему требуется помощь со стороны центральных властей.

Едва проснулся — принесли свежие газеты. Сначала развернул местную — «Красное знамя». Посмотрел.

что пишут о приезде Председателя ЦИК на Дальний Восток, добрался до международных новостей. Внимание его привлек заголовок: «Смерть президента Гардинга». Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщает: 5 августа 1923 года в Сан-Франциско скончался от крупозного воспаления легких президент Североамериканских Соединенных Штатов Гардинг...

Первым желанием Михаила Ивановича было встать и посмотреть в окно: ведь Сан-Франциско как раз на противоположном берегу. Однако он, усмехнувшись, остался за столом. Здесь не речка Медведица и даже не Волга. Другой берег океана далековато, ни в какой бинокль не разглядишь. Но ведь надо случиться такому совпадению... И вообще что-то много сегодня в газете о Соединенных Штатах. Вот опять: «Бьем Америку. Америка не смогла конкурировать с российскими ценами, прекратился импорт масляных семян и жмыха в Данию».

Хорошая новость. Надо нашим промышленным товарам и сельскохозяйственным продуктам повсюду выходить на международный рынок. Не случайно вчера моряки так много говорили об экспорте. Стране нужна валюта для приобретения машин, оборудования. А море не преграда для торговли. Оно разъединяет страны во время войны, а в мирное время, наоборот, сближает. Прямой путь. Бери груз на судно в одном порту и вези в другой. Заокеанская Америка, казавшаяся такой далекой в Москве, здесь, во Владивостоке, воспринималась как нечто соседское. Право, так и тянуло к окну...

Постучавшись, вошел помощник. Вместе с ним — Евсеев, давний питерский знакомый Михаила Ивановича. Моряк, затем рабочий Франко-Русского завода, еще до революции ставший большевиком. А теперь вот встретился на Дальнем Востоке, куда, оказывается, некоторое время назад был послан на руководящую работу Евсеев. Сколько помнил Калинин, внешние он совсем не менялся. Степенный, осанистый, всегда в начищенных яловых са-

погах. Кожаная куртка застегнута на все пуговицы. Разве что рябинки на лице стали заметнее с возрастом, да седина побелила виски.

— Доброе утро, Михаил Иванович. Как отдыхалось?

— Спасибо. Допью чай, и можно идти. Корабль под парами?

— Да, нас ждут.

На пристани играл духовой оркестр. Сверкала начищенная медь. Двумя шеренгами вытянулись в почетном карауле военные моряки. Калинин даже поморщился, такая торжественность несколько сковывала его.

Вот широкий парадный трап. Едва поднялись на стальную палубу, выдраенную до зеркального блеска, командир миноносца гаркнул: «Смирно!», да с такой силой, что у Михаила Ивановича в ушах зазвенело. Поскорей приподнял фуражку, здороваясь с командиром и экипажем.

Гостей провели в кают-компанию. Там было по-домашнему уютно. Стены отделаны под орех, на столе белая скатерть, цветы в вазе. Поблескивало лаком черное пианино. В такой обстановке приятно и работать и отдыхать. Да это, собственно, и есть дом моряцкий, ведь моряки неделями, месяцами не оставляют его. Ни в лес не выйдешь, ни на луг, по тротуару не прогуляешься... Кругом вода.

В этот раз рейс предстоял недолгий: до села Петровка, где намечена была встреча с крестьянами. Сидя на мягком кожаном диване, Михаил Иванович расспрашивал моряков о том, как создается наш военно-морской флот на Тихом океане. Начинали-то здесь почти с нуля, с одного сторожевого корабля, все остальное угнали интервенты и бежавшие за границу белогвардейцы. А теперь за одну лишь зиму три миноносца в строй ввели: «Бравый», «Твердый» и «Точный». Портовый ледокол переоборудовали в канонерскую лодку...

Резкие звонки прервали разговор. Залились трели боцманских дудок.

— Случилось что-то? — встревожился Михаил Иванович.

— Учебно-боевая тревога. Командир хочет, чтобы вы посмотрели.

Вышли на палубу. Миноносец только что сделал крутой поворот. Позади остались отвесные, горделивые утесы Эгершельда. Дождь, моросивший с утра, прекратился, но воздух был так насыщен водяной пылью, что одежда и лицо сразу покрылись влагой. Серая туманная дымка сливалась со столь же серыми облаками. Навстречу кораблю, лениво выгибая глянцевитые спины, одна за другой катились пологие волны. Миноносец распарывал их острым форштевнем.

Командир провел гостей к торпедному аппарату, трубы которого были развернуты на правый борт. Огромная стальная сигара, начиненная сложными механизмами и взрывчаткой, привлекла общее внимание. Михаил Иванович поинтересовался, каким образом она движется, почему не тонет, сколько стоит изготовить такую?.. Дороговато обходится, да ведь нужно.

Командир спросил разрешения произвести несколько артиллерийских залпов, но Михаил Иванович отсоветовал: к чему лишний шум, трата пороха, снарядов? И без того видно, что корабль боевой, служба несется исправно. Пусть краснофлотцы отдыхают.

— Есть! — козырнул командир. — Отбой учебно-боевой тревоги!

По крутому железному трапу Калинин поднялся на ходовой мостик. Здесь меньше качало, и вид был на все стороны. Солнечные лучи, прорвавшись сквозь тучи, освещали каменистый берег Русского острова. Волны, набегавшие с моря, обрушивались на подножия скал и откапывались, разбитые, исходя пеной в бессильной злобе. Любуясь этой картиной, Михаил Иванович заметил чело-веческие фигурки на самом краю откоса.

— Что это они делают?

— Где? — Моряк поднес к глазам бинокль. — Бере-

говую батарею оборудуют. Устапавливают дальнобойные орудия крупных калибров. Чтобы подходы к Владивостоку — на замок. Как Кронштадт прикрывает подступы к Петрограду.

— Да, там надежно теперь, — кивнул Михаил Иванович. — И здесь, на востоке, нам необходима такая же крепость, такой же сильный оплот.

— Давно я в Кронштадте-то не был, — мечтательно произнес Евсеев. — Тоскую по Питеру, по Неве. В отпуск бы съездить, да очень уж далеко. — Евсеев смотрел на белую, кипящую дорожку, разбегавшуюся по воде от винтов. Эта дорожка напоминала борозду, проведенную плугом. — Подумать только, Михаил Иванович, всю страну перепахали за эти годы. От Балтики до Тихого... И отдохнуть не мешало бы.

— Отдыхать нам некогда, — улыбнулся в ответ Калинин. — Сеять надо. Чтобы урожай был.

БОЛЬШАЯ СТРОЙКА

Пассажирский поезд плавно замедлил ход: конечная станция. Михаил Иванович спустился на перрон. Сколько раз приезжал на этот вокзал — не упомышь. И открыто, и тайком от полиции. Знакомы здесь каждая дверь, каждое окно, каждая ступенька. Взгляд скользнул, ни на чем не задерживаясь, и вдруг — как удар в сердце, даже перехватило дыхание: увидел непривычное сочетание букв — Ленинград.

Кажется, пора уже свыкнуться с мыслью, что Владимира Ильича нет, а боль не уменьшается, не утихает и, видимо, никогда не утихнет. Не забудутся страшные дни, будто слившиеся в одну бесприсветно-черную полосу. 19 января 1924 года начал работать XI Всероссийский съезд Советов. Открывая его, Михаил Иванович предложил обратиться с теплым приветствием к Ильичу. Сказал с трибуны:

-- Пусть наше слово, наш единодушный возглас, наше самое искреннее пожелание о скорейшем выздоровлении Владимира Ильича послужит поддержкой в его тяжелой борьбе с недугом.

Верил Калинин, что Владимир Ильич одолеет болезнь, поправится. Просто невозможно было представить жизнь без него. Думал: впереди весна, дело пойдет на поправку. А вечером 21 января Михаила Ивановича вызвали из президиума съезда. Вышел в комнату за сценой, разминая задеревеневшие от долгого сидения ноги. Взял протянутую ему телефонную трубку, услышал хриплый, будто придушенный, голос, так и не понял чей:

— Прошу без промедления в Цека.

— А что произошло? Почему спешка?

— Звонили из Горок. Скончался Владимир Ильич.

С Калининным случилось тогда непонятное, чего не бывало прежде. Он перестал на какое-то время воспринимать происходящее. Все заслонилося одним: умер Ленин!

Нервы сдали днем. В Москве еще никто не знал о смерти Владимира Ильича. Скорбная обязанность сообщить об этом делегатам съезда Советов выпала Михаилу Ивановичу. Подошел к трибуне, но не мог начать, не мог произнести ни слова. Спазмы перехватили горло, слезы текли по щекам, капали с усов, с бороды... А ведь он забыл, когда последний раз плакал. Но теперь не в силах был сдержать рыдания. С неимоверным напряжением выдавливал из себя каждую фразу, и зал, словно бы затянутый серой кисеей, зыбко колебался перед глазами.

Когда стемнело, вместе с делегатами съезда отправился в Горки. В памяти запечатлелись отрывочные картины. Дорога меж пухлых глубоких сугробов, флуоресцирующих под звездным небом. Среди черных деревьев дом, будто осевший, с темными провалами окон. Жуткая тишина, нарушаемая лишь хрустом снега под сапогами... Надежда Константиновна на стуле у двери в комнату. Запрокинутая голова — затылком к стене, безжизненно

повисшие руки. Неузнаваемо изменившаяся Мария Ильична: словно гипсовая маска вместо лица.

Владимир Ильич на столе. Закрытые глаза, выражение покоя, умиротворенности. Будто спит. Михаил Иванович приблизился к нему тихо, на цыпочках, как бы боясь потревожить... А затем всю ночь, пока порозовело за окнами, сидел около Ленина. Входили и выходили какие-то люди, приносили цветы, что-то делали, а Михаил Иванович все смотрел и смотрел в дорогое лицо, стараясь запомнить каждую черточку.

Потом несли Владимира Ильича до станции, все пять верст на руках. Красный гроб медленно плыл над белыми, распростершимися, как бескрайний саван, сугробами.

Вот уже несколько месяцев нет Ильича, уже июнь на дворе, много событий произошло без Ленина, а привыкнуть к этому, смириться с этим не было никакой возможности. Михаил Иванович все резче и явственней ощущал его отсутствие. Никто не способен приподнять завесу над будущим, так точно определить ближние и дальние цели, как умел Ленин.

Погас маяк...

В те январские дни, когда не стало Владимира Ильича, Петроградский Совет, учитывая многочисленные пожелания трудящихся, обратился в Центральный Исполнительный Комитет с ходатайством назвать город, в котором свершилась Октябрьская революция, именем великого борца за коммунизм. Михаил Иванович, разумеется, поддержал это ходатайство, сам зачитал проект постановления. И вот над вокзалом, над воротами города — новое название... Город Ленина... Еще одно подтверждение того, что память о нем живет, что мысли и дела его всегда с нами.

У гроба Ильича, прощаясь с вождем, Михаил Иванович, как и другие руководители партии и правительства, дал торжественную клятву продолжить ту гигантскую работу, которая была начата Владимиром Ильичем. И это

не просто слова. Калинин старался воплощать в жизнь то, о чем мечтал, к чему стремился Ленин.

Электрификация страны — в последние годы Ильич уделял этому особое и постоянное внимание. Без электричества не сможет Советское государство быстрыми темпами развить промышленность, не засияет яркий свет в окнах больших домов, школ, институтов. Без электрической энергии социализм не построить... По инициативе Владимира Ильича, под его руководством был разработан грандиозный проект: Государственный план электрификации России — ГОЭЛРО. Скептикам этот план казался фантастическим, неосуществимым. Михаил Иванович и радовался, и удивлялся: эка на что замахнулись, запрудить могучие реки, дать дешевую энергию во все города и села! Здорово, конечно, только где взять бетон, машины, специалистов? Но ведь другого выхода нет. Значит, надо по присловью: глаза боятся, а руки делают. Начали-то с малого, с тепловых станций, действующих на торфе. Как радовался Ильич, узнав, что Шатурская электростанция дала ток! По предложению Калинина все создатели этой станции были занесены на Красную доску, стали примером для подражания по всей стране.

На юго-восточной окраине северной столицы, на правом берегу Невы, в так называемой Уткиной заводи, очень удачно было выбрано место еще для одной стройки. Здесь в 1922 году начала действовать электростанция «Красный Октябрь», сразу оживившая промышленность Питера. Запасы торфа рядом, затрат на доставку почти никаких. И торфа оказалось много, его потом хватило на долгие годы *.

И все же Шатура, «Красный Октябрь» — это самые первые шаги. Будущее виделось не за тепловыми, а за гидроэлектростанциями. Надо, обязательно надо научить-

---

* Во время Великой Отечественной войны «Красный Октябрь» — единственная электростанция, которая снабжала блокированный, отрезанный от других источников энергии город. Работа станции не прерывалась ни на один день (Прим. авт.)

ся использовать силу водных потоков, которых так много в нашей стране. По ленинскому плану ГОЭЛРО на реке Волхове началось сооружение довольно мощной гидростанции. Она должна была утолить энергетический голод растущей и многообразной петроградской (нет, теперь уже ленинградской!) промышленности. Владимир Ильич считал эту работу настолько важной, что предложил создать специальную комиссию ЦИК для контроля и помощи Волховстрою. Возглавил комиссию Калинин. Все ходатайства, все запросы Волховстроя рассматривались в Москве без задержки. Очень трудно было с финансами. И все же на 1923—1924 годы Волховстрой получил 24 миллиона рублей, половину всех средств, которые смогло выделить государство для электрификации СССР на этот период. И вот теперь, отрешившись на время от других забот, Михаил Иванович отправился на Волхов, чтобы самолично убедиться, как идут дела, какие есть помехи и недостатки. Наверно, Владимир Ильич был бы доволен, узнав о такой поездке.

На перроне Председателя ЦИК никто не встречал. Михаил Иванович предупредил, конечно, местных представителей власти, что скоро приедет в Ленинград, но когда — не уточнил. Специально выкроил часы, чтобы сойти с поезда обычным пассажиром, как бывало много раз прежде, прогуляться по городу, ставшему для него родным, мысленно поздороваться с домами, памятниками, мостами. Сопровождали его только помощник по работе в приемной Котомкин и еще два товарища. Люди они тактичные, молчаливые: и рядом, и вроде бы нет их.

Вдали, в конце Невского проспекта, знакомо и призывно поблескивал шпиль Адмиралтейства. Поближе, слева, высокая, из нескольких ярусов, башня: там, в «доме под каланчой», Калинин яростно сражался когда-то с депутатами городской думы, сам потом занимал кабинет городского головы, приняв на себя многочисленные хлопоты. С пристрастием и даже с некоторой ревностью

поглядывал теперь вокруг: какие изменения произошли с тех пор, как он уехал, что улучшилось, а что нет?

Порадовал транспорт. Трамваев много, движение регулярное, на остановках нет толчеи. А вот придирчивого хозяйского взгляда что-то не чувствуется. Там стекло выбито, здесь тротуар раскрошился. Груда мусора на месте сгоревшего дома осталась с девятнадцатого года. Тогда других забот было по горло, да и вывозить не на чем. А теперь-то пора бы ликвидировать это «украшение». Хотя бы скверик разбить.

В продовольственном магазине постоял в очереди, потолковал с покупательницами насчет снабжения, незаметно перевел разговор на коммунальные услуги. Как отапливались зимой? Всегда ли есть вода? Женщины сказали, что с этим все в порядке. ... Вот с продуктами, особенно с хлебом, случаются перебои. Возчиков мало, доставлять не успевают. А у частных покупателей дорого.

На улице Михаил Иванович обратился к своим спутникам:

— Проголодались, товарищи? Тут поблизости сразу три столовые и, насколько я знаю, от разных организаций. Один из вас пойдет вон туда, другой за угол, направо. Пообедайте, посмотрите, чем и как кормят. Насчет чистоты тоже.

Сам отправился в столовую ЛЕПО (Ленинградского потребительского общества), дождался там Котомкина, который ходил звонить по телефону в Смольный. Предупредил, что Калинин находится в Ленинграде, попросил прислать машину к столовой и собрать через три часа для беседы партийных и хозяйственных руководителей.

Столик, за который сели Калинин с Котомкиным, был грязноват. Обед просто плох. Щи едва теплые, мясо жесткое, неуварившееся. Котлеты тоже чуть-чуть подогреты. Чай жидкий.

— У вас что, повар неважный? — спросил Михаил Иванович пожилую, растолстевшую женщину, лениво

смаживающую со столов крошки хлеба и ошметки капусты.

— Федулыч-то? Не, он прежде в ресторане работал.

— Остывшее все.

— А зачем греть в такую теплынь, чтобы скорей заваряло...

— Проверки у вас бывают? Начальство заглядывает?

— Чего ему тут делать, начальству-то. Оно у себя кормится, — равнодушно произнесла женщина.

Калинину, наверно, не повезло. Вернувшиеся из других столовых товарищи сказали, что готовят там вполне прилично, обед вкусный, но чистота оставляет желать лучшего.

Когда подошла машина, Михаил Иванович не сразу поехал в Смольный. Попросил сперва свозить на одну из рабочих окраин. Посмотрел там дорогу, тротуары, дома. Узнал, как с водой, горят ли вечером фонари. Опять побывал в столовой. В общем получил некоторое представление о положении в городе. С этого и начал разговор с партийными и хозяйственными руководителями. За хорошее — похвалил. За упущения — упрекнул. Сказал, что каждому надо постоянно чувствовать себя хозяином, замечать каждую оплошность, каждую прореху, без промедления устранять их. А обедать необязательно всегда в своей ведомственной столовой, неплохо бы и в нарпитовские заглядывать, хотя бы раз в неделю: как там, в столовых народного питания? Не хуже ли?

И перешел к главному — к строительству Волховской гидроэлектростанции. Город должен помочь в этом деле и материалами, и людьми. Пусть товарищи выскажут сейчас свои соображения по этому поводу. А он побывает на стройке, посмотрит, посоветуется там. Ну а затем все снова соберутся здесь, в Смольном, чтобы подвести итоги, принять решение.

Вечером Калинин вместе с главным инженером стройки профессором Г. О. Графтио выехал на Волхов. За ночь хорошо отдохнул и, когда поезд прибыл на станцию Зван-

ка, чувствовал себя бодрым, полным сил. Здесь уже знали о приезде Председателя ЦИК, собралась тысячная толпа. Главным образом крестьяне из окрестных деревень. Как не выступить перед ними, ежели просят? Пришлось задержаться часа на полтора.

Добрались до поселка строителей — опять торжественная встреча. Снова пришлось произносить речь. Михаил Иванович полусхвату укорил Графтио:

— Мне бы не самому говорить, мне гораздо важнее людей послушать.

— Обязательно послушаете, — сказал Графтио и тут же воспользовался моментом: — Давайте начнем с меня. Считаю, что на стройке сейчас две основные болезни. Во-первых, острейшая нехватка инженеров. Сооружение сложное, много нового, неизведанного. На энтузиазме рабочих далеко не уйдем. Требуются подготовленные специалисты. Но им нужны условия.

— Об этом подумаем.

— И еще. С некоторых пор, а точнее после смерти Владимира Ильича, по стройке ползут вреднейшие слухи. Мерзнем и мокнем, мол, мы тут впустую, потому что без помощи иностранцев станцию все равно не создать. В Москве, дескать, хватились задним числом, решили денег больше не отпускать. Скоро платить нечем будет. А без Ленина никого это не волнует.

— Как же так! — поразился Калинин. — Да мы последние рубашки продадим, а важное дело доведем до конца.

— Я понимаю. Хотя финансовые трудности действительно возросли. Объем работ оказался больше намеченного.

— Откуда идут слухи?

— В основном из города. Но и у нас тоже предостаточно. Действуют они на людей отнюдь не вдохновляюще. Пропадает уверенность в завтрашнем дне... Надо как-то уговорить маловеров.

— Это не только маловеры слухи распускают, — кач-

нул головой Михаил Иванович. — Те, кто не хочет укрепления нашей силы, специально вставляют палки в колеса. Об этом я обязательно скажу рабочим. А пока пойдемте посмотрим, что уже готово.

Здание ГЭС, поднявшееся над рекой, было в строительных лесах. Повсюду груды щебня, кирпич, штабеля досок и бревен. Деревянные мостки над глубокими канавами. Где-то поодаль ахнул динамитный заряд — рвали породу. Грохотали камнедробилки, заглушая слова. Вместе с Графтио, с несколькими инженерами и мастером Михаил Иванович обошел всю строительную площадку. Остался доволен. Хоть и не быстро, но станция росла.

— Есть у вас просторное место, где можно собрать рабочих и служащих? Всех.

— Возле клуба.

Вскоре умолк шум и грохот на стройке. Люди группами потянулись на митинг. Собралось несколько тысяч, стояли тесно, локоть к локтю.

Михаил Иванович поднялся на крыльцо клуба и, как обычно, без всяких предисловий начал прямо с того, что волновало строителей. Да, нехватка материалов, нехватка средств — все это есть. Но слухи о том, будто стройку намерены свернуть, самая настоящая ложь, распространяемая врагами для того, чтобы повлиять на строителей, вызвать уныние. А дело-то обстоит как раз наоборот. Создание Волховской гидростанции началось при Владимире Ильиче, он возлагал на нее большие надежды. Успешно завершить работу — значит сделать еще один шаг по тому пути, который завещал Ленин. Партия и народ верят, что так и будет. Страна дает Волхову все, что может. Конечно, средств маловато, строителям приходится нелегко, этим и пользуются распространители слухов. И, к сожалению, он, Калинин, должен твердо заявить: все запланированные фонды исчерпаны, дополнительных средств в текущем году нет и не будет. Их просто негде взять.

— Пусто! — хлопнул себя по карманам Калинин. — И вы, сознательные труженики, должны понять это. Государство ни на копейку не урезало то, что было отпущено, но и прибавить не может. Одна надежда, что в следующий год денег будет побольше. А сейчас я ничего не обещаю, кроме того, что есть, — повысил голос Михаил Иванович. — Прошу, товарищи, и требую от вас: станция должна быть закончена в срок, несмотря на любые помехи. Это дело чести! Волховская станция должна дать ток!

Умолк Калинин, и на крыльцо, тяжело ступая, поднялся немолодой рабочий.

— Я кессонщик Соколов. С самого начала здесь. Все меня знают? — обратился он к людям.

— Знаем! Еще бы! — раздалось в ответ.

— Могу я от вашего имени?

— Давай! Доверяем!

Соколов поднял руку. Люди затихли, а он продолжал:

— Значит, так, дорогой наш товарищ Калинин. Скажу вам, а уж вы всей нашей партии и правительству передайте. Никакие злобные слухи, никакие вражеские выпады на нас не подействуют. Гидростанцию мы построим. Трудиться будем под таким же атмосферным давлением, как трудились при Ильиче. С полным накалом. Такое наше короткое и верное слово.

— Очень это радостно слышать! — пожал его руку Михаил Иванович. — Со своей стороны заверяю: используем все, чтобы помочь вам. За Волховом последуют, может быть, десятки и сотни подобных гидростанций. Тем более важно, чтобы первый блин не вышел комом. Побойтесь об этом вместе!

Со стройки уехал уверенный, что рабочие не подведут. Но станция действительно сооружение сложное. Требуются специальные знания, точные расчеты. Инженерная мысль, умелое техническое руководство нужны. А инженеров и техников на стройке, как говорится, раз, два и обчелся. Своих еще нет, не научили, а старшее по-

коление очень неохотно идет непосредственно на строительную площадку. Заработки не те, что до революции, условия хуже. Случается, что и недоверием обижаяют, и крикуны-горлопаны оскорбляют. Инженер требует, чтобы сделали как положено, а его буржуем недорезанным обзывают, кулаком погрозят. Кому это приятно?!

Вернувшись в Ленинград, Калинин попросил местных товарищей собрать в управлении Волховстроя (оно находилось в городе) не только сотрудников, но также инженеров и техников со всего города. Желательно имеющие отношение к строительству, электричеству, гидротехнике. Чем больше, тем лучше. Предупредил: будет говорить с ними.

Добрым словом помянул про себя предусмотрительную Екатерину Ивановну, положившую в саквояж «парадный» костюм. Одно дело на строительной площадке выступать, где вполне уместны рубашка с поясом да сапоги, и совсем другое — встреча в спокойной обстановке с людьми умственного труда. Михаил Иванович надел белую рубашку, галстук. Перед зеркалом зачесал назад волосы, поправил бородку. Усмехнулся: окажись здесь жена — похвалила бы.

В бывший особняк графа Олсуфьева на Фонтанке приехал пораньше. Поговорил с сотрудниками управления. Обратил внимание: обстановка какая-то нервная. Почему?

— Как не волноваться? — объяснил Графтио. — Глава государства в нашем учреждении — разве такое бывало?! Ну и неполадок у нас много. А кого в первую очередь ругают за все упущения, с чьих голов чубы летят? Управленцам прежде всего достается. На стройке-то вы, Михаил Иванович, персонально замечаний не высказывали, а здесь уже нескольких товарищей упрекнули, значит, косвенно и меня.

— Так ведь за дело.

— Безусловно. Поэтому и волнуемся, и я в том числе. — Графтио вытер платочком лоб, продолговатый под-

бородок. — Душно очень. Давайте пригласим людей во двор? Там тень, ветерок. Стулья из комнат вынесем.

— С удовольствием, — согласился Калинин. — Непринужденней будет.

Он намеревался начать свое выступление рассказом о трудном положении Волховстроя, однако после разговора с Графтио решил сперва разрядить обстановку. Поздоровавшись с собравшимися, сказал:

— Наверно, ни один потомок графов Олсуфьевых несколько лет назад не мог бы предположить, что в этом дворе соберется ответственный коллектив одного из самых богатых строителей, расходующих десятки миллионов рублей...

Напряжение на лицах слушателей сменилось недоумением, удивлением. Многие ждали разнosa, грозных слов от Председателя ЦИК, а он улыбается.

— Я большой фантазер, — продолжал Калинин. — В свои юные годы жил в этом районе и даже бывал в этом дворце, носил письма графу Олсуфьеву в качестве посыльного мальчика, но фантазия моя не была так велика, чтобы представить эту встречу здесь, с вами...

Почувствовав, что люди успокоились, воспринимают его слова внимательно и охотно, Михаил Иванович повел речь о том колоссальном сдвиге, который происходит в Советской стране, охватывает все отрасли человеческой деятельности. Мерить новую жизнь, новые свершения старыми мерками теперь невозможно. И только те товарищи, в частности, те инженеры и техники, которые отдадут свой талант и свои знания на службу народу, найдут достойное место в строю созидателей социалистического общества. А где приложить талант и знания? Поле деятельности широкое. Вот он, Волховстрой, первая большая гидроэлектростанция. Все, кто пожелает работать там, будут встречены с радостью.

Никогда в прошлом интеллигенция не играла такой роли, какую она должна будет играть в советском строительстве. Мы твердо решили превратить нашу страну из

аграрной в промышленную. Знатоки, специалисты, таланты будут иметь с каждым годом все большее значение. Обращаюсь к тем из вас, кто еще не выбрал дорогу. Идите с нами, товарищи, идите с народом. Это будет самый правильный выбор!

Михаил Иванович не надеялся, разумеется, на то, что после его выступления инженеры и техники валом повалят на Волховстрой. Придут несколько человек — уже хорошо. За ними могут последовать и другие, все те, без знаний и опыта которых трудно рассчитывать на успех. В одном был уверен Калинин: слова его, несомненно, станут известны всей технической интеллигенции города, заставят многих задуматься: не пора ли решать окончательно, с кем идти, чем заниматься...

Да, богатая фантазия была у Михаила Ивановича, но и ему трудно было вообразить картину, которая откроется перед ним еще через несколько лет, когда придет на пуск Днепровской гидроэлектростанции. Огромная плотина, перегородившая реку, пенистые каскады воды, падающие с высоты. Величественное зрелище! Важнейшая энергетическая база для развития промышленности!

Люди ликовали, поздравляя друг друга. Калинин выступил с речью. Среди тех, кто слушал его, стоя возле трибуны, немало было рабочих, инженеров и техников, перед которыми он выступал в Ленинграде, которые прошли школу Волховстроя — первую школу отечественной гидроэнергетики. Именно на Волхове начался тот путь, который привел нашу страну к электрическому изобилию, к целым каскадам мощных гидроэлектростанций на Волге, на Енисее, на Ангаре.

НОВАЯ ШКОЛА

Каждый отпуск Михаил Иванович проводил дома, в Верхней Троице, помогал матери по хозяйству. Старался угадать к покосу: и дни самые пригожие, и мужские ру-

ки особенно нужны. Если с ним был кто-нибудь из членов семьи и имелся багаж — отправлялись на машине. Но чаще Калинин уезжал один и добирался до деревни, как в прошлые молодые годы, это ему больше нравилось.

На железнодорожную станцию Кашин за ним присылали подводу, однако значительную часть тридцатикилометрового расстояния осиливал он пешком: шагал неторопливо, опираясь на палку. Дорога-то родная, тысячу раз исхоженная, изъезженная. Одного угля сколько по ней перевозил! Раньше как-то не очень замечал красоту прилегающей местности, а теперь любовался, восхищался окрестностями. Возраст, что ли, такой наступил: ближе, понятней стала природа, ее ни с чем не сравнимое очарование.

Струилась дорога среди просторных лугов, покрытых густым изумрудным ковром разнотравья. Тенистые непролазные заросли на болотинах и в низинах сменялись сухими борами, где теплый воздух насыщен был целебным ароматом смолы и хвои. За лесами речка Медведица, а там уж сухонькая старушка мать семенит навстречу, протягивая темные, продубленные работой руки. Выходят поздороваться соседи, справляются о здоровье.

В первый приезд после того, как стал главой центральной власти, «всесоюзным старостой», нелегко было Михаилу Ивановичу среди земляков. Народ со всей округи собрался посмотреть на чудо: Калинин — самый большой начальник! Расспросам не было конца. Сумлеваемся, мол, Михайло Иваныч, не обидела бы Советская власть мужика. Рабочие у вас на первом месте, а крестьяне словно бы на задворках. Оно, конечно, рабоче-то в городах, к руководству ближе...

Пришлось переубеждать их:

— Кто обидит? Мы никакого закона не примем, чтобы крестьянину во вред шел.

— Найдутся обидчики. Чужая боль — не своя.

— Кому не своя? Кому чужая? — удивился тогда Калинин. — Мне, что ли? У Советской власти две руки:

одна рука — рабочие, другая — крестьяне. Какую ни трошь — одинаково дороги.

— Так уж и одинаково? При крайнем случае ты сам левую согласишься отдать, а правую пожалеешь...

— Верно, правая больше для дела приспособлена, — с улыбкой согласился Калинин, покоренный убедительным доводом. — А вот ноги равноценны, что та — что другая. На обе опора. Так и считайте.

Ну, вопросы — это ладно. Замучили тогда земляки просьбами. Иван Ключев на колени бросился у крыльца калининского дома, Христом-богом молил помочь. Отвез он зерно на мельницу, а мельница в ту пору сгорела, все восемнадцать пудов огонь слизнул, и остался Иван Трофимович с пятью детьми без единого зернышка... Очень обиделся тогда Калинин на Ключева: зачем на колени-то?! Не господин ему, не барин! Но как откажешь человеку при таком несчастье? Написал записку в Тверь, чтобы выдали Ключеву хлеба. А на следующий день сразу трое с прошениями: у одного лошадь пала, другому покос далеко выделили, третьему лес нужен. Михаил Иванович подумал: надо кончать с этим, пока не поздно. Затеял долгий разговор с просителями, чтобы побольше собралось народа вокруг. Потом сказал во всеуслышанье:

— Дорогие земляки! Не могу, не имею права я по знакомству, по родству всякие поблажки делать. И в спорных вопросах разбираться не стану. Не на работе я здесь. Со всеми своими вопросами обращайтесь в волостной или уездный исполком. Если же будет какая неувязка или обида, тогда прошу в Москву, в мою приемную, как все, на общих правах. Это по справедливости будет?

— По справедливости, — согласились мужики. — Каждый со своим к тебе лезть не станем. А если обществу совет потребуется, тогда не откажись выслушать.

С той поры никаких личных просьб. Встречали Калинин в деревне, как всех других земляков, разве что по-уважительнее. Вечерами приходили мужики поговорить о жизни, о городских новостях. Но без застолья: хмельно-

го Михаил Иванович в рот не брал и другим не советовал. Старики и ровесники звали его как и прежде — Михайло или Калиныч, кто помоложе — обращался по имени-отчеству.

В Верхней Троице забывал он на какое-то время о своих высоких должностях, отдыхал и душой, и телом. Особенно на покосах. Конечно, в ряд с крестьянами-кошарями уже не становился: годы не те, силенок меньше, уставал быстро. Зато имелся у него особый навык, приобретенный на заводах, он «понимал» металл. Лучше всех отбивал косы. Да что там косы, мог починить сломавшуюся жнейку или швейную машинку. За этим к нему обращались, как и в прошлые годы, и он не отказывался.

Любил Михаил Иванович, поднявшись с первыми петухами, пойти на росистый луг или в темный, тихий еще лес. Вот и на этот раз, отдохнув с дороги, ранехонько отправился он встретить рассвет. Знакомая тропа едва угадывалась в густой траве. Возле реки и в непролетной чаще возле ручья начали утренний концерт соловьи. Пели все громче, все заливистей, стремясь перещеголять друг друга. К ним присоединила свой звонкий голос варакушка. А вот и дрозд проснулся, оповестив об этом окрестность веселой руладой.

Быстро разгоралась заря, но было еще сумрачно. И вдруг из-за горизонта разом хлынул ослепляющий, золотой поток солнечного света, все мгновенно ожило, засияло, засверкало кругом. Широко распахнулся горизонт, открыв взгляду зеленые поля и луга, массивы хвойных лесов, белоствольные березняки. Постоянство, величественность и красота этого дорогого ему пейзажа всегда действовали на Михаила Ивановича успокаивающе, словно бы вливали в него новые силы.

Пора было возвращаться. Еще вчера условился Калинин о встрече с пожилым опытным плотником из соседней деревни Посады. Хотел посоветоваться с ним об одной своей задумке. В Верхней Троице имелась начальная школа. Помещалась она в старом доме. Ребят, желающих за-

ниматься, становилось все больше, а помещение тесное. Девочки и мальчики постарше вынуждены были учиться в других селах, где были семилетки и девятилетки. Крестьяне поговаривали: хорошо бы в Верхней Троице семилетку открыть. А Михаил Иванович, вспоминая свое детство, учебу в селе Яковлевском, смотрел дальше. Не семилетка, а десятилетка нужна, с просторными классами и кабинетами, с хорошей библиотекой. Пусть молодежь из всех окрестных деревень получает среднее образование.

Дело трудное, требующее много хлопот, но исполнимое. И лес найдется, и рабочие руки. Но это потом. Сперва надо выбрать удобное место для школы. Пока об этой мечте знал только сам Михаил Иванович да крестьянин из деревни Посады: светлая голова и мастер на все руки.

Плотник, покуривая, ожидал Калинина у околицы. Одет был по-праздничному, в новой белой рубаше. В руке тетрадка и огрызок карандаша. Значит, набросал кое-какой план после вчерашней беседы с Михаилом Ивановичем. И заговорил первым:

— Мысля твоя, Калиныч, очень даже пригодная. У меня у самого трое внуков. Без школы нам никак не обойтись.

— Где ставить? — напомнил Михаил Иванович. — Какое предложение на люди выносить?

— Давай помозгуем. Я место наметил. По дороге в Тетьково, на опушке леса. Сухо там, ученикам привольно будет.

— Сухо, конечно, но от других деревень далековато, — засомневался Калинин. — А мы не только о Верхней Троице, о всей округе подумать должны.

— Верно, — плотник пощипал бороду, — о всех позаботиться надо.

— Давай ближе к Посадам, в сосновом бору?

— Идем посмотрим!

Отправились не спеша, прогуливаясь. Место действительно оказалось очень хорошим. Вокруг сосны, река совсем рядом.

— Одна беда, от большака в стороне. Дорогу придется прокладывать, — сказал плотник.

— А я считаю, что так даже лучше, — ответил Калинин. — Ребята могут бегать, играть без опаски, под колеса не попадут. А ответвление от большака сделаем, невелик конец. И яблонями дорогу обсадим. Представляешь себе: весной вся дорога в цвету!

— Лучше липами, — возразил плотник. — Ребятишки за яблоками полезут, все ветки пообломают. Да и среди взрослых найдутся охочие до яблочек-то.

— Тут я с тобой никак не согласен. Пока школу построим, пока яблони вырастут, жизнь у нас везде совсем другая пойдет. Все будут сыты, все сознательней станут.

— Ну, если сознательней, тогда ладно, — произнес плотник и, подумав, добавил: — А липа все же надежней.

С хорошим настроением отправился Михаил Иванович домой. Он уже мысленно видел новую школу в красивом бору над рекой. И он, конечно, постарается, чтобы она появилась как можно скорей.

Возле ручья срезал несколько гибких ивовых прутьев. Примостившись возле крыльца, принялся чинить грибную корзину: требовалось заменить на ободке лопнувший сухой прут. Мария Васильевна поглядела, щуя глаза:

— Не рано ли корзину-то ладишь? До грибов еще месяц, поди.

— Ништо, — ответил Михаил Иванович. — За колосовиками сбегая.

— Промнись, промнись! Опять завалишь грибами, как летошний год.

— Скажешь, мало носил?

— Да уж куда как много! — засмеялась мать.

Грибник Михаил Иванович заядлый. С детства знал места, где растут боровики, где опята, где рыжики. Собирал азартно и с удовольствием. Больше всех в семье приносил. Ничем он в жизни не хвастал, а вот о своем умении брать грибы любил поговорить. И очень удивляло, даже раздражало его, что все родные, и мать, и же-

на, и сестра, глубоко уважавшие его, во всем слушавшие, с какой-то иронией относились к его грибным способностям. Даже посмеивались. Ставит он на лавку полную корзину грибов, женщины хвалят его, а сами переглядываются, весело фыркают за его спиной.

Не догадывался Михаил Иванович, что при своем зрении находит он главным образом крупные грибы-перестарки, источенные внутри червями. Если из пяти окажется один хороший — и то ладно. Перебрав грибы, мать или жена тайком от Михаила Ивановича относили почти всю его добычу на помойку, присыпали землей, прикрывали лопухами, чтобы не видел. Пусть радуется, пусть гордится, потчуй в городе гостей: сам, мол, собирал. А в засол, как и на жаренье, шли грибы, приносимые из леса женщинами.

Перекусив малость, Михаил Иванович взял из ящика с инструментами гаечный ключ, молоток, напильник. Месяц назад он прислал Марии Васильевне новенькую, ярко покрашенную веялку. Выглядела она очень привлекательно. А едва запустили, что-то заскрипело, заскрежестало в ней. Сломалась.

Постелив дерюгу, Калинин вытянулся, лежа на спине, под машиной, принялся за ремонт. Тут, конечно, мальчишки сбежались, мужики собрались, не скупясь на советы.

Михаил Иванович запустил машину, веялка заработала, но с противным, режущим уши скрипом. Зерно в широкий желоб текло тоненькой струйкой.

— Что за болваны ее делали! — в сердцах сказал Калинин. — Изобретатели, называется! Говорят, кричат, носятся со своими схемами и цифрами, а в результате такая развалина. Как только не стесняются марку заводскую ставить!

Сосед, помогавший ему, тоже обозлился:

— По башке бы гаечным ключом за такую веялку!

— Слишком мягко. Шишка заживет, и забудут, — ответил Михаил Иванович. — Лучше послать таких со-

зидателей в деревню, чтобы сами помучились с подобной техникой.

В конце концов машина у него заработала бесшумно и плавно. Зерно, шурша, потекло в желоб.

— Ну, молодец, на все руки мастер! — сказал один из крестьян, наблюдавших за работой Калинина.

— Настоящий хозяин! — басовито, уверенно подтвердил другой.

Да, действительно, Михаил Иванович был настоящим, рачительным хозяином в самом хорошем понимании этого слова. Никогда не терял он связи с деревней, знал заботы и нужды крестьян. До 1930 года, пока жила в Верхней Троице мать, ездил к ней. А когда опустело родное гнездо, останавливался в Тетькове, в бывшем имении Мордухай-Болтовских, хорошо знакомом с самого детства. Это имение было превращено в дом отдыха, Михаил Иванович часто приезжал туда с женой и детьми. А от Тетькова до деревни рукой подать.

По всей стране крестьяне объединялись в колхозы. Кто победнее, записывались в артели охотно, однако были и такие, которым не по душе был общий труд. На собраниях бушевали страсти, кипели споры. Дело-то совершенно новое, не знали, как подступиться, допускали ошибки. Михаил Иванович не только словами агитировал земляков за колхоз: сам первым записался в артель. Приезжая в родные места, выходил вместе с колхозниками на работу, ему, как и всем, правление начисляло трудодни. Но главное — приглядывался, как живет колхоз, что делается правильно, с пользой, а что нет.

В родной деревне происходило то же самое, что и везде, только в меньших масштабах. Зато он видел все своими глазами, испытывал, как говорится, на своей шкуре. А письма и жалобы, поступавшие к нему в приемную, позволяли судить о положении во всей стране.

Партийными решениями намечено было провести коллективизацию в центральных областях за три года. Срок порядочный, крестьяне сами убедятся, что работать ар-

тельно и легче и выгодней. Однако местные власти заторопились: проведем коллективизацию за один год! А затем еще хлеще: за несколько месяцев! В Верхней Троице начали стогнать в один гурт мелкий скот. Даже кур и уток правление решило обобществить. Этой ошибкой сразу же воспользовались кулаки. Режьте, мол, свиной, овец, коз! Рубите головы курам. Все равно пропадут!

Михаил Иванович, узнав о таких перегибах, потребовал срочно собрать правление. Заседали шесть часов. Калинин убеждал: не торопитесь, не делайте глупостей. Объявите крестьянам, что куры, овцы и вся прочая живность у них останется. Члены колхозного правления возражали, ссылаясь на указания из района. Калинин, дескать, уедет, а тут отвечай перед своим начальством.

Возвратившись в столицу, Михаил Иванович сообщил обо всем виденном в Политбюро ЦК партии, рассказал о многочисленных жалобах, поступавших из разных областей страны. Его слова, его мнение были обоснованными и вескими. Вскоре Центральный Комитет, получавший с мест такие же сведения, принял решение, сурово осуждавшее допущенные перегибы, намечавшее пути их устранения.

ХОРОШО БЫТЬ МОЛОДЫМ

Подросли дети, у каждого проявлялся собственный характер, каждый искал свою жизненную дорогу. В школе учились по-разному, одни лучше, другие хуже. Не у всех одинаковые способности, не каждому быть отличным. Михаил Иванович и не требовал этого. Хотел только, чтобы дети занимались добросовестно, не ленились. А пуще всего опасался, как бы они не зазнались. Конечно, положение у его ребят необычное, на них смотрят с любопытством, проявляют повышенный интерес. Кто-то из взрослых готов поблажку дать чадам главы госу-

дарства. А Михаил Иванович категорически против. Долго ли в таком возрасте нос задрать, возомнить о себе невесть что!

Частенько наведывался Михаил Иванович в школу, старался не пропускать родительских собраний. Просил учителей быть поосторожнее с его детьми. О том, чтобы не прийти на урок без уважительной причины или опоздать, не могло быть и речи. Классная руководительница Александра Зосимовна Карпова не только хорошо вела свой предмет, но и была педагогом требовательным, принципиальным. Стал Шура заниматься похуже, Александра Зосимовна сразу обратила внимание. Поговорила с юношей раз-другой. Тот не придавал значения. Тогда Карпова задержала его после урока:

— Вот записка, передай отцу. Пусть Михаил Иванович знает: тебе надо основательно подтянуться по истории и французскому языку.

Ох и стыдно было отдавать отцу такое послание! Сквозь землю провалился бы под его грустным осуждающим взглядом. Нотаций, нравучений Михаил Иванович не любил, детей не наказывал. Ограничивался несколькими словами, которые запоминались надолго. Сказал Шура:

— Учеба — твоя первая в жизни обязанность, твой долг, твой труд. Не научишься трудиться сейчас — потом будет поздно.

И умолк, отошел к окну. Но тут не выдержала, вмешалась Екатерина Ивановна:

— Растолкуй ему, отец, что не для нас, для себя занимается. Ему знания-то нужны будут! Условия для занятий самые лучшие, а он — с тройками...

— Я все понял, мама, — тихо произнес Шура. А Михаил Иванович пожал плечами.

— Что тут растолковывать? Если хочет — услышит. Не хочет — пропустит мимо ушей, сколько ни говори.

— Я все понял, — повторил юноша.

Записку классной руководительницы он хранил по-

том долго. И навсегда остался благодарен учительнице за ее благожелательную строгость.

Основное, что стремился привить детям Михаил Иванович, — это умение видеть большую цель, не размениваться на мелкие собственные заботы, жить интересами народа, государства. Только поверив в великую справедливую идею, приняв ее в сердце, посвятив себя борьбе за эту идею, можно обрести личное счастье. А нет — останешься пустоцветом, увянешь, как по осени вянет и исчезает бурьян-трава.

Подошло время — поступила в институт Юля. Порадовал Валериан, которого в семье обычно называли Валей. Много слышал он от отца об индустриализации, о том, что позарез нужна республике электрическая энергия, как важен ленинский план ГОЭЛРО. Со слов Михаила Ивановича, из газетных статей знал о строительстве Волховской гидроэлектростанции, о том, какие надежды на нее возлагаются. И решил поехать в Ленинград, в политехнический институт, поступить там на электрофакультет. А вскоре, вслед за Валерианом, отправился туда же и Александр.

Разумеется, детям Калинина в общежитии место нашлось бы. Да и квартиру можно было бы снять. Но Михаил Иванович посоветовал мальчикам поселиться в простой рабочей семье. Попросил своего ленинградского приятеля Колпашникова, с которым подружился еще на заводе «Айваз»: прими ребят да пригляди за ними. Колпашников был не против. Своих детей нет, только он да жена, в доме свободная комната. Но засомневался:

— Условия у нас, сам знаешь, какие, без цивилизации. Будет ли хорошо ребятам твоим?

— Не тревожься. Пусть они беспокоятся, чтобы вам с ними хорошо было.

Деньги за квартиру и питание Михаил Иванович посылал Колпашникову. Валериану и Александру — лишь самую малость на карманные расходы. Так что хватило мальчики настоящей студенческой жизни. Одевались не

лучше других, учились как все, отдыхали и веселились вместе со своими сверстниками. А Колпашиниковы при-
вязались к ребятам, будто к родным.

Туда же, в Ленинград, уехала учиться и Лида. Она была девушкой решительной, смелой и гордой. Говори-
ла: если чего добьется, то только сама, не прикрываясь
положением отца. Даже фамилию сменила, покидая Мос-
кву. В Военно-медицинской академии, куда поступила
Лидия Лесная, никто не знал, что она дочь Колпаши-
нина. Может, слишком уж оказалась щепетильной, однако Ми-
хаил Иванович не осуждал ее. Так, значит, подсказала
ей совесть.

Старался Калинин, чтобы и о деревне, о своих кор-
нях дети не забывали. Каждое лето отправлялись они в
Верхнюю Троицу, работали на огороде и в поле.

На какое-то время опустела квартира, разлетелись
птенцы из гнезда. А потом получилось так, что дети,
окончив институты, снова собрались все в Москве и не-
сколько лет, на радость родителям, жили под одной
крышей.

Днем у каждого свои дела, свои заботы. Завтракали
и обедали в разное время, в разных местах, но ужинать
старались вместе. Если Михаил Иванович задерживался
на работе, ждали его.

«Отношения у меня с детьми самые простые, самые
товарищеские, — говорил он. — Мои ребята любят спо-
рить со мною и бывают очень довольны, когда им удает-
ся на чем-нибудь меня изловить. Они страшно довольны,
если я «попадусь». Ну, конечно, и я стараюсь, в свою
очередь, подловить их на чем-нибудь. Задашь вопрос —
смотришь, кто-нибудь и не знает. Иногда поспорим серъ-
езно, принципиально. Для них спорить с отцом — самое
приятное дело. Я никогда не чувствовал, что был для
них неавторитетным. Но это ничуть не связано с их ма-
териальной зависимостью от меня. Материально они все-
гда приучались мною к самостоятельности».

Не вечно же им жить с отцом, рассуждал Михаил

Иванович. Поженятся, выйдут замуж, обзаведутся детьми. И рассчитывать им нужно только на свои силы, на свои возможности. А ничто так не портит людей, не приучает к безалаберности, к бесхозяйственности, как легкие, незаработанные деньги...

Конечно же, занимая высокий пост, Михаил Иванович мог прокормить, одеть и обуть все свое семейство вплоть до появившихся со временем внуков. Но нет: как только дети стали работать, он потребовал, чтобы каждый вносил деньги за питание и квартиру. Дочь Юля собирала их и отдавала в кремлевское хозяйственное управление, где семья получала продукты и все необходимое. Когда она явилась туда первый раз, начальник управления, старый знакомый Калинина, был удивлен:

— Куда мне записывать эти деньги? У нас такой графы нет.

Позвонил по телефону Калинину, а Михаил Иванович ответил весело:

— Соображай сам. У меня все ребята взрослые, все работают. Бесплатно им, что ли, кормиться? Непорядок. Этак они деньги не на то, что нужно, тратить начнут. — И, помолчав, добавил: — Между прочим, не только мои дети выросли. Ты это учти.

Настоял Михаил Иванович, чтобы в ведомостях хозяйственного управления появилась специальная графа: подросток член семьи, начал работать — плати за себя.

Вечера в столовой, в обществе молодежи, были для Михаила Ивановича еще одним «окошком» в жизнь. Люди-то собирались разные, представители различных профессий, рассказывали каждый о своем. А он слушал, воспринимал, обдумывал. Его радовала широта кругозора, глубина профессиональных знаний молодых людей. Таким любые свершения по плечу. Во всей России, во всей стране произошел сдвиг, казавшийся прежде невероятным. За каких-то полтора десятилетия в государстве высоко поднялся общий уровень образования.

Уж Михаилу-то Ивановичу досконально известно, как

это было, ему довелось возглавлять всеобщ — общество «Долой неграмотность», бороться за то, чтобы для начала хотя бы все умели читать и писать. А теперь в Советском Союзе не осталось неграмотных, а для молодежи вообще открыты все двери, только учись и дерзай. «Черт возьми, хорошо быть молодым, особенно у нас, в наше время!»

— Ты что-то сказал? — повернулась к нему Юлия.

— Нет, тебе послышалось, — ласково улыбнулся ей Михаил Иванович, поднимаясь со стула. Завтра у него два заседания и выступление, надо пойти подготовиться. Неплохо было бы сыграть партию в шахматы, по времени в обрез. Придется отложить до следующего раза.

Михаил Иванович, если была возможность, не отказывался выступить перед трудящимися или перед учащейся молодежью. Это ленинская традиция: как можно чаще общаться с рабочими, крестьянами, комсомольцами. Ну а в приглашениях никогда недостатка не было. 17 января 1938 года первая сессия Верховного Совета СССР избрала Калинина Председателем Президиума Верховного Совета. Сначала потоком хлынули поздравления со всех концов Союза, из-за границы. А потом просьбы: приехать, выступить, побеседовать. Михаил Иванович обратил внимание на то, что особенно много таких приглашений поступало из молодежных коллективов: от студентов, от школьников, от красноармейцев, от курсантов военных училищ. Активность, заинтересованность, любознательность девушек и юношей радовали Михаила Ивановича.

В апреле 1941 года Калинина попросили выступить на собрании учащихся восьмых, девярых и десятых классов Ленинского района Москвы. Молодежи собралось столько, что большой зал не мог вместить всех. Стояли возле стен, в проходах, в дверях, даже в фойе. Михаил Иванович старался говорить громче, чтобы всем было слышно. Ну и, конечно же, не без шуток: юноши и девушки особенно чутки к юмору.

— Вам легче вступать в борьбу за большую жизнь,

чем это было нам. Пока от вас требуется не очень много, поскольку вы находитесь на школьной скамье. Для начала, чтобы стать творцами большой жизни, вам надо овладеть тремя предметами вашей учебной программы. Только тремя! — весело повторил Михаил Иванович. — Вы видите, какой я скромный!

Ага, заулыбались ребята, перестали как на чудо глядеть на выступающего. Теперь лучше воспринимать будут.

— Прежде всего вы должны хорошо знать русский язык... Ведь нет такой науки, которую вам придется изучать в будущем, и нет такой сферы общественной деятельности, где бы не требовалось хорошее знание русского языка. И даже в обыденной жизни такое знание необходимо для того, чтобы правильно и точно выражать свои мысли, чувства, самые глубинные переживания. Думаю, вы часто слышите от своих товарищей: «Я понимаю предмет и хорошо его знаю, но никак не могу рассказать». А почему они не могут рассказать? Да потому, что не владеют родным языком. Представьте себе, что молодому человеку захотелось написать письмо своей симпатии. И вот он пишет: «Дорогая моя, я беспрдельно люблю тебя. Чувства мои так велики, что я не могу их выразить. Для этого у меня нет слов». Конечно, простая, наивная девушка скажет: «Как хорошо!» (В зале нарастал смех.) Ну а если это будет не наивная, не простая, а очень грамотная девушка? Я уверен, что такая девушка скажет: «Бедный мальчик, какая у тебя маленькая головка...»

Хохот и аплодисменты заставили его прерваться. С улыбочкой поглядывал на слушателей, готовясь сказать кое-что посерьезней.

— Изучение родной речи — это великое дело. Самые высшие достижения человеческой мысли, самые глубокие знания и самые пламенные чувства останутся неизвестными для людей, если они не будут ясно и точно оформлены в словах. Язык — это орудие для выраже-

ция мысли... Вторым предметом, который я также считаю совершенно необходимым для вас, является математика. Она дисциплинирует ум, приучает к логическому мышлению. Недаром говорят, что математика — это гимнастика ума. Я не сомневаюсь, что голова у вас ломится от мыслей, — снова пошутил Калинин, — но эти мысли надо упорядочить, направить, если можно так выразиться, в русло полезной работы... Диапазон практического применения математики огромен. Какую бы науку вы ни изучали, в какой бы вуз ни поступали, в какой бы области ни работали, если вы хотите оставить там какой-либо след, то для этого везде необходимо знание математики...

Очень заинтересовал Михаил Иванович молодых слушателей, приковал к себе их внимание. Ведь речь-то шла о том, что важно для каждого из них. Скоро закончат они школу. С какими знаниями, с какими убеждениями вступать им в самостоятельную жизнь?

А Калинин между тем изложил свое мнение о занятиях физкультурой. Сказал об изучении других школьных предметов. Заговорил о том, что последнее время тревожило его:

— Мне кажется, в наших школах слишком изнеживают ребят и не приучают их ценить физический труд. Видимо, в какой-то степени здесь еще сказывается влияние пережитков старины в отношении к физическому труду. И, может быть, семья здесь больше всего виновата, но школа не дает этому влиянию должного отпора. Поэтому многие ребята неохотно занимаются физическим трудом, расценивают его как что-то зазорное и унижительное. Я считаю это крупной ошибкой. Нет у нас труда низшего сорта и труда высшего сорта. Делом чести, славы, доблести и геройства является в нашей стране любой труд. Каждый советский молодой человек должен ценить физический труд и не избегать самой простой работы. Кто из вас приучится к физическому труду, будет лучше знать жизнь, кто будет уметь делать для себя, по

крайней мере, самое необходимое — стирать и чинить белье, готовить пищу, содержать в чистоте комнату, — кто будет знать хотя бы какое-нибудь ремесло, тот, будьте уверены, никогда не пропадет.

Михаил Иванович сделал паузу, подумав: а не утомил ли он серьезными рассуждениями молодых слушателей? Нет, на лицах ребят по-прежнему глубокий интерес, любопытство. Пожалуй, именно такой «взрослый» разговор им как раз и нужен больше всего. А еще надобно предупредить о том, что им наверняка придется сдавать экзамены гораздо сложнее, неизмеримо сложнее, чем школьные. В мире, и на Западе, и на Востоке бушуют битвы, пламя сражений в любой момент может перебраться на наше Отечество, и кому, как не молодым патриотам, предстоит подняться на защиту его!

— Мне хочется, чтобы советский человек был здоровым, сильным, выносливым и непримиримым к врагам нашей Родины, чтобы он умел великолепно драться за свой народ, за полную победу коммунизма. Значит, надо готовить из себя людей, способных выдержать любые испытания и преодолеть любые трудности...

И никто, конечно, не знал в тот день, что до нападения гитлеровцев на нашу страну, до начала самой кровопролитной в истории человечества войны оставалось всего лишь два месяца. И что старшеклассники, слушавшие Калинина, сразу же после школьного выпускного бала сменят свою привычную одежду на строгую военную форму.

ПОД ГРОХОТ КАНОНАДЫ

Дорога, укатанная колесами тяжелых грузовиков, темной лентой тянулась через заснеженные поля и леса. На подъемах она была обильно посыпана песком, чтобы не буксовали машины. На перекрестках, в населенных пунктах несли свою службу регулировщики и патрули. Стрелки указывали, где водитель может получить горя-

чую пищу. Михаил Иванович подумал: «Молодцы дорожники! Хозяйственные, заботливые люди».

С запада доносился приглушенный расстоянием роко-чущий гул, напоминавший раскаты грома.

Утром, когда выехали из Кремля, совсем не было ветра, то ли туман, то ли низкие облака затягивали небо. А теперь денек разгулялся, облака поднялись выше и так истончились, что сквозь них просвечивало неяркое январское солнце. Окреп мороз. Не снег, а вроде бы мельчайший, сверкающий иней сыпался иногда сверху. Иссая поток грузовиков на дороге. Лишь изредка попадались навстречу автобусы с ранеными. Шофер и помощник Калинина беспокойно вертели головами, осматривая горизонт. За железнодорожным переездом, увидев черные, свежие воронки авиабомб, водитель притормозил.

— Переждать бы, Михаил Иванович. Вон там, возле стены, под деревьями.

— А чего выждем?

— Может, снег пойдет или тучи пониже сядут, прижмут немцев к аэродромам.

— Нет, дорогие товарищи, — возразил Калинин. — Этак и до сумерек простои́м. А у нас время назначено. Если уж мы опаздывать будем...

— Я-то что! — Шофер прибавил скорость. — За вас спросят...

— За меня как раз беспокоиться нечего, — успокаивающе улыбнулся Михаил Иванович. — Я еще на гражданской под бомбами-то побывал. В Минске стоял наш поезд «Октябрьская революция», так белые прямо на станцию самолет послали. Только все бомбы мимо... — Задумался, качнул головой и продолжал весело: — Есть у меня один давний друг-товарищ, с детских лет знаю его — Митя Мордухай-Болтовский. Ну, теперь-то, конечно, давно не Митя, а Дмитрий Дмитриевич. Ученый человек, профессор математики. К тому же греческий язык досконально знает. Сочинения древнегреческих математиков переводил. Вот и объяснил он мне когда-то, еще

когда гимназистом был, откуда фамилия моя произошла. «Каллиникос» по-гречески будет «одерживающий славные победы». Отсюда имя у них пошло — Каллиник. Ну а у нас со временем на русский лад переделали. Калина, Калинин... Если просто сказать — победитель. А победителей не убивают, по крайней мере до тех пор, пока они не одержат победу. Убедил вас? — засмеялся Михаил Иванович. И, видя, что его слова не очень-то подействовали, добавил серьезно: — В самом деле, товарищи, опаздывать нам никак нельзя. На фронте особенно важна точность.

Штаб армии, куда они прибыли, размещался в небольшой лесной деревушке, поодаль от шоссе. Среди старых берез и сосен, под прикрытием густых зарослей, были выстроены для встречи бойцы. Они стояли двумя шеренгами, образуя широкий коридор от перекрестка, где остановилась машина, до крайней избы, над трубой которой чуть приметно струился дымок.

Командарм и начальник политотдела представились Калинин. Командарма он знал, вручал ему когда-то орден, поздоровался, как со старым знакомым. Начальник политотдела был молод и, вероятно, недавно на своей должности. Он явно стушевался перед Председателем Президиума Верховного Совета, поэтому Михаил Иванович, чтобы приободрить, заговорил о самом простом: о дорожниках, которые хорошо содержат шоссе, спросил, как называется деревушка.

Командарм назвал фамилии и звания встречавших, среди них было несколько генералов, полковники, комиссары. Михаил Иванович каждому пожал руку:

— Прощу! — Командарм сделал приглашающий жест, а сам отступил назад. Михаил Иванович, опираясь на палку, пошел между шеренгами, глядясь в бойцов. Все они рослые, плечистые, в добротных валенках, в шапках-ушанках. Шинели туго за поясаны, грудь колесом. У командиров — белые полушубки.

Медленно шагая вдоль строя, Калинин останавли-

вался, спрашивал громко, обращаясь к кому-то одному, но чтобы слышали многие:

— Как морозец-то, жмет?

— Ничего, мы привычные! — раздавалось в ответ. — Выдюжим.

— У нас с вами и обмундирование подходящее, — приподнял он ногу в валенке. — Вся страна сейчас на своих защитников трудится.

— Понимаем! Не подведем!

— А я хочу порадовать вас. Есть сообщение, что Московская область полностью освобождена от оккупантов, до последней деревни. И Тульская тоже. Здесь москвичи, туляки имеются?

— Есть! А как же!

— Вас особенно поздравляю. Теперь будем драться так, чтобы ни один враг больше на эту территорию не ступил...

Между тем командарм остановился возле широких дверей длинного бревенчатого здания, похожего на барак.

— Михаил Иванович, разрешите мне отправиться на командный пункт? Наступление продолжается...

— Да, конечно. Какие-нибудь осложнения?

— Ничего особенного. На рассвете атакуем, надо проверить готовность.

— Обязательно, — кивнул Михаил Иванович. — Поезжай с легким сердцем, готовь удачу на завтрашний день. Мы с начальником политотдела управимся.

Вошли в барак. Здесь, вероятно, до войны была столярная мастерская. Сохранилось несколько верстаков, валялась почерневшая стружка. На грудах досок, на чурбаках, на лавках разместились красноармейцы и командиры, человек сто. Все без шапок, некоторые, кто ближе к печке, сняли даже шинели. Сразу можно было понять, что эти люди недавно прибыли с передовой. Лица темные, опаленные морозом и зимними ветрами. Одежда измятая, прожженная возле костров. Белели повязки раненых.

Трибуна была наспех сколочена из толстых досок. Вместо стола — ящики, накрытые кумачовым полотнищем. Михаил Иванович, расстегнувшись, сел на табуретку, слушая выступление начальника политотдела. Тот поблагодарил Калинина за то, что приехал к ним непосредственно на фронт, рассказал, как сражаются бойцы и командиры, в том числе и присутствующие здесь. Потом выступил молоденький красноармеец и, очень волнуясь, сообщил: вчера их взвод освободил деревню и захватил при этом в плен шестерых гитлеровцев. Бойцы взвода передают Михаилу Ивановичу горячий привет и заверяют партию и правительство, что будут сражаться с ненавистным врагом не щадя сил, до последнего дыхания.

Когда поднялся Михаил Иванович, воцарилась полная тишина, слышнее стало тяжкое гроыхание канонады.

— Далеко это? — поинтересовался он.

— Километров пятнадцать, — ответили ему.

— Я не случайно спросил, — улыбнулся Михаил Иванович. — Тут товарищи говорили, будто вот я прямо на фронт приехал. Пожалуй, это не так, к фронтовикам себя причислять не могу. Настоящий фронт там, откуда вы прибыли, а здесь все же тыл, прифронтовая полоса.

— Все равно фронтовиком вас считаем! — весело зашумели собравшиеся.

— Нет, товарищи, где уж мне на передовую в моем возрасте да с моими глазами. И охрана не пустит, скажет, что нельзя туда при моей должности. И права будет. Давайте считать так, что я приехал в действующую армию...

И потекла-полилась беседа. Задущево, попросту, с вопросами и ответами. Как Москва сейчас, как на других фронтах, как там союзники, не обещают ли пособить в скором времени?

— Лучше, товарищи, в первую голову на себя понадемся, — ответил Михаил Иванович. — Чужая сила, как говорится, горькая осина. А трудностей у нас впереди еще хватит. Ведь мы только-только начали гнать врага.

Знаете, сейчас я, как и другие члены Центрального Комитета партии, много внимания уделяю идеологической работе и хочу самокритично вам сказать, что агитация у нас теперь немножко неправильно поставлена. Очень у нас кричат: мы бьем, гоним фашиста, ура! Люди слушают и успокаиваются. А успокаиваться никак нельзя. Мы рады нашим успехам, гордимся ими, но каждый должен настраивать себя на то, что главное еще впереди...

Внимание Калинина привлек юноша не старше двадцати лет, худой и высокий, с зелеными кубиками на петлицах. И не только потому, что весь он так и светился восторженной детской радостью и, подавшись вперед, старался не пропустить ни единого слова. Нет, лицо показалось знакомым. Даже очень знакомым. Но где он видел его? Взгляд Михаила Ивановича все чаще останавливался на нем, юноша заметил это, улыбнулся смущенно. А у Калинина даже голос дрогнул от нахлынувших чувств: тревоги, горечи, жалости. До чего же похож этот юноша, прямо как двойник похож на племянника Вячеслава, сына сестры — Прасковьи Ивановны. Сколько раз, бывало, играл с ним Михаил Иванович. Вырос на глазах. Твердым, принципиальным стал человеком. И вот сообщили, что умер Слава в заблокированном Ленинграде. От голода умер. А ведь стоило ему только сказать о своем дяде, и просить бы ничего не пришлось. Не дали бы ему умереть, вывезли бы из города...

Жарко здесь очень, что ли? Нехорошо, слишком часто колотится сердце. Михаил Иванович снял пальто. Пора было приступить к вручению орденов. Еще вчера было условлено, что сам Калинин вручит награды не более чем десяти-пятнадцати бойцам. Остальным — начальник политотдела и прибывший с Михаилом Ивановичем помощник. Он и настаивал на этом, ссылаясь на врача.

Еще в довоенное время у Михаила Ивановича начала болеть правая рука. Часто вручал он награды шахтерам и колхозникам, летчикам и морякам, представителям других профессий. Народ в большинстве молодой, крепкий,

руку Калининну от избытка чувств пожимали так, что пальцы немели. А подобных рукопожатий иной раз сотня в день. Рука потом ныла и сутки, и двое. Иногда даже теряла чувствительность, становилась словно чужой. Он согласился вчера с помощником: десять человек — и хватит. Но сейчас, глядя на раненых бойцов, на юношу, стоявшего похожего на Вячеслава, Михаил Иванович изменил свое решение. Он знал, что люди часто гордятся не только самой наградой, но и тем, что получена она непосредственно из рук Председателя Президиума Верховного Совета СССР. «Сам Калинин вручил!» — подчеркивали орденосцы. Этому юноше, так похожему на Славу, всем воинам, которые через несколько часов снова окажутся в бою, им, конечно, тоже будет приятно, что награду вручит Калинин и прямо под грохот усилившейся канонады. Тем, кто выйдет живым из горнила войны, памятен будет этот миг навсегда.

— Вручать буду я, — негромко, но твердо сказал Михаил Иванович помощнику, шевеля пальцами правой руки, разминая их.

— Всем? — ужаснулся помощник.

— Да!

По голосу, по взгляду Калинина помощник понял, что возражать бесполезно.

Одна за другой громко звучали фамилии, один за другим подходили к Михаилу Ивановичу бойцы и командиры, каждому из них вручал он орден и удостоверение, улыбаясь и произнося несколько добрых напутственных слов. И ни один из них не увидел болезненной гримасы на лице Калинина, никто не мог представить, как трудно было переносить каждое из множества рукопожатий.

Юноша с кубиками в петлицах и со звездой политрука на рукаве был вызван почти последним. Приняв орден и ответив на поздравление, спросил вдруг неуверенно:

— Михаил Иванович, вы... Вы узнали меня? — И, заметив удивление Калинина, объяснил торопливо: —

В апреле, в Москве вы перед школьниками выступали... Я в первом ряду сидел. Не помните?

— Конечно, помню! — ласково улыбнулся Михаил Иванович. — Очень даже хорошо помню всех вас, моих дорогих!

— Мы тогда втроем были от нашей школы. Шурик теперь в госпитале. А Ваню еще в ноябре схоропили.

— Вот оно как, — вздохнул Калинин. — Иди, политрук! Воюй за себя и за них! И постарайся дожить до победы!

ПИОНЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ

— Без двух минут двенадцать, — сказал секретарь. — Товарищи здесь.

— Приглашайте, — кивнул Калинин, отодвигая стопку бумаг.

Где только не приходилось Михаилу Ивановичу выступать, встречаться с людьми: в огромных залах и в заводских цехах, в рабочих общежитиях и на полевых станциях под открытым небом, но больше всего любил он беседовать с посетителями вот в этой небольшой, просто обставленной комнате.

Все здесь располагало к откровенному деловому разговору. Ничего лишнего, отвлекающего, показного. Длинный стол под зеленым сукном, обычные жесткие стулья. Шкаф с книгами. На одной стене — географическая карта. На другой — портрет Ильича в широкой дубовой раме. Хороший портрет — Михаилу Ивановичу очень нравился. Чуть наклонив голову, Ленин смотрел пристально, с легкой улыбкой и будто слушал внимательно, сам готов был вступить в разговор.

Михаил Иванович направился к двери. Сегодня к нему пришли товарищи молодые, почти все встречаются с ним первый раз, надо ободрить их, чтобы не особенно волновались, не терялись. Калинин с каждым поздоровался, спросил, как зовут. Здесь были работники Центрального

Комитета ВЛКСМ и Московского городского комитета комсомола, имевшие дело со школьной молодежью, были директором школ и пионерские вожатые. Всего восемнадцать человек. Сели вокруг стола, плотно сдвинув стулья.

— Посвободней, поудобней устраивайтесь, — весело сказал Калинин. — Чувствуйте себя как дома. Вот тут, возле стенки, возле окна, поближе ко мне. — И дождавшись тишины, продолжал: — Это очень хорошо, что мы с вами сегодня встречаемся, можем поговорить, обменяться мнениями. Декабрь на дворе, полтора года идет война. Все свои силы напрягаем мы для борьбы с врагом. Трудно, товарищи. И вот наряду со взрослыми, наряду с коммунистами большой вклад в борьбу с фашизмом вносит наша молодежь, комсомольцы и пионеры. Они ведь фактически принимают участие во всех важных мероприятиях в тылу, на заводах и на колхозных полях. Даже непосредственно на фронте комсомольцы и пионеры очень хорошо проявляют себя... Впрочем, — Михаил Иванович сделал паузу, — кому же я это объясняю?! Ведь вы ближе к молодежи, лучше меня все знаете. Хотелось бы от вас услышать о делах наших московских школьников. Говорят, у нас в городе целая пионерская дивизия действует? Как, товарищ Ахапкин? — обратился Калинин к директору Московского городского Дома пионеров. — Мы с вами не первый раз видимся, может, вы и начнете?

— Есть такая дивизия, — подтвердил Ахапкин. — Сама обстановка подсказала создать ее, Михаил Иванович. По месту жительства, по месту учебы у нас организованы подразделения из комсомольцев и пионеров старшего возраста. В основном пионеры, конечно. Всего двенадцать тысяч школьников, практически по всей Москве. Изучаем противовоздушную оборону, санитарное дело, стреляем из малокалиберных винтовок. А главная цель бойцов дивизии — помогать взрослым во время воздушных налетов. Тушим зажигательные бомбы, оказываем первую помощь пострадавшим.

— Это хорошо, и я знаю, что школьники много за-

жигалок погасили, многим пожарам не позволили разгореться. Но к такой опасной работе надо допускать лишь тех, кто постарше.

— Ребята сами рвутся пользу приносить.

— А хорошая учеба — разве это не польза? Для пионеров и комсомольцев это очень важно. Образованные, высококультурные люди всегда пущы государству. И теперь, и после войны.

— Мы об этом не забываем, Михаил Иванович, — ответил один из директоров школ, сам бывший фронтовик с нашивкой за ранение на гимнастерке. — Учеба — главное. И вообще необязательно всем школьникам на крышах дежурить. Есть много других дел, где комсомольцы и пионеры просто незаменимы. Наши ребята, тимуровцы, помогают старым людям, у которых близкие на фронте. Дров наколоть, воды принести.

— Это правильно, — одобрил Калинин.

— Концертная прифронтовая бригада есть, — сказала молоденькая девушка из горкома комсомола. — Собрали лучших участников самодеятельности из пионерских дружин. В воинских частях, в госпиталях с радостью нашу бригаду встречают.

— Вообще госпиталям большое внимание уделяем! — поддерживали ее. — Комсомольцы и пионеры постоянно бывают в госпиталях, ухаживают за ранеными.

— Металлолом собираем!

— Подарки для бойцов! У нас, Михаил Иванович, каждый день десятки автомашин увозят на фронт рукавицы, кистеты, полотенца, портянки.

Разговор вскоре сделался общим. Один за другим товарищи рассказывали об успехах и неудачах, о самоотверженном труде педагогов, о фронтовых подвигах московских комсомольцев, недавних школьников. О Зое Космодемьянской и ее товарищах по отряду.

Воспользовавшись паузой, снова заговорил Ахапкин:

— Михаил Иванович, у нас к вам два вопроса. Посоветуйте, пожалуйста, как лучше в условиях военного

времени строить комсомольскую и пионерскую работу со школьной молодежью.

— Да мы как раз сообща и советовались об этом, — улыбнулся Калинин.

— А еще такая просьба. Как нам более правильно, более доходчиво изучать с молодежью биографию Владимира Ильича Ленина, его жизнь и деятельность? Это ведь важно всегда, а в условиях острой борьбы с нашими идейными и военными противниками — особенно.

— Разумеется, — посерьезнел Калинин. — А есть ли у вас положительные примеры именно такой работы?

— В городском Доме пионеров создана комната Владимира Ильича. В этой комнате проводятся сборы пионерских отрядов, посвященные Ленину, встречи со старыми большевиками. А также лекции и доклады о жизни и деятельности нашего вождя.

Михаил Иванович встал, не торопясь с ответом. Смотрел на портрет Ильича, морщил лоб, подыскивая нужные слова. Очертил руками большой круг.

— Представьте себе, что это наша планета — шар. А на этой планете есть самая высокая вершина. Так вот, такой вершиной человеческого общества является Ленин. То, что вы изучаете биографию Владимира Ильича, — это очень похвально. Какое бы время мы ни переживали, мирное или военное, в основе коммунистического воспитания молодежи должен стоять образ Ленина, его борьба за народное счастье. Но мой вам совет: изучайте жизнь и деятельность нашего вождя в тесной связи с жизнью советского народа, с историей Коммунистической партии, со всеми достижениями нашей страны. Вот видите, — Калинин указал на карту, — десятки новых городов, заводы, электростанции, колхозы, совхозы: все это сделано советским народом по ленинским заветам. Беседы о Владимире Ильиче должны быть яркими, зажигательными, убедительными, они должны призывать молодежь к борьбе за полную победу коммунизма. Если лекция или беседа о великом вожде не отвечает этим ка-

чествам, то лучше их не проводить... Согласны со мной, товарищ Ахипкин?

— Да, вполне.

Михаил Иванович открыл дверцу книжного шкафа, провел ладонью по корешкам толстых томов.

— Сколько написал Владимир Ильич книг, да каких книг! Представьте, только техническая переписка этих трудов заняла бы десяток, а то и более лет. Такого множества общественно-политических произведений не создавал еще ни один литератор во всем мире. Добавьте к этому, что за каждым ленинским литературным трудом встает его гигантская партийная и организаторская работа... Вот о чем нам надо говорить школьной молодежи, и не только говорить, но и всемерно прививать это качество — исключительно честное служение Родине — каждому юноше и каждой девушке, каждому комсомольцу, пионеру, школьнику. Проводить такую работу нужно с первого класса и на протяжении всех лет обучения, чтобы каждый подросток стремился быть похожим на Ленина, следовал примеру его жизни!

РЯДОМ С МАВЗОЛЕЕМ

В конце января 1945 года Михаил Иванович последний раз побывал в городе своей юности, в северной столице, где начал трудовой и революционный путь. Чувствовал себя Калинин неважно, однако хотел во что бы то ни стало самолично вручить городу-герою, выдержавшему девятисотдневную осаду, самую высокую награду: орден Ленина.

Днем обсуждал с местными руководителями, как быстрее поднять из руин заводы, величественные дворцы, жилые дома. А вечером в театре оперы и балета состоялось торжественное заседание. Утомленный поездкой, деловыми беседами, Михаил Иванович едва держался на ногах, но старался, чтобы никто не заметил его состоя-

пия. Произнес речь, полную оптимизма, закончив ее такими словами:

— Я думаю, что мирный труд, научная мысль, благородные революционные стремления не с меньшими, а еще с большими силами, энергией и, я скажу, блеском развернутся в Ленинграде. Я уверен, что те материальные ценности, которые погибли, будут восстановлены, и восстановлены в десятки раз лучше. Я не сомневаюсь и в том, что Ленинград будет производить всяких народных благ больше, чем производил он раньше!

Это прозвучало как наказ, как завет Калинина, обращенный к друзьям-ленинградцам.

Весь следующий день Михаил Иванович ездил по городу. Его интересовали не только восстановительные работы. Сопровождавшие товарищи удивлялись, когда Калинин просил свернуть то на одну, то на другую улицу, где не было, по их мнению, никаких важных объектов, достойных внимания «всесоюзного старосты». Они не понимали, что Михаил Иванович прощается с дорогим ему прошлым.

Молча постоял на углу бывшей Рыночной улицы и Соляного переулка возле дома, в котором жил когда-то у Мордухай-Болтовских. Медленно прошел по старым тесным цехам трубочного завода. Пошутил с собравшимися вокруг него рабочими:

— Токарный станок мне доверите?

— Любой! — ответили ему. — Самый лучший!

А пожилой мастер в таких же очках, как у Калинина, взгляделся, щурясь, в его лицо, произнес строго:

— Мы, Михаил Иванович, сами управимся. У тебя, поди, хлопот-то побольше нашего. Ты уж того, не переусиливайся.

— Постараюсь, — ответил Калинин, тронутый его заботливостью. Однако трудиться без полной отдачи сил он просто не мог, не умел. Вернулся в Москву, и опять начались напряженные, заполненные многочисленными делами дни.

Домой, в опустевшую квартиру, возвращался он неохотно. Не было рядом с ним жены, Екатерины Ивановны. Разъехались, жили своими семьями дети. Правда, почти каждый вечер кто-нибудь из них навещал Михаила Ивановича, но такие мимолетные встречи не удовлетворяли его, привыкшего быть среди людей, жить их интересами. И еще беда: совсем испортилось зрение, Михаил Иванович почти не различал буквы, а без книг он просто не мог обходиться. Дети, когда навещали, по очереди читали ему. Чаще других — Юля. Русскую историю Соловьева, которую он очень любил. Стихи Лермонтова. Теперь он зависел от других: сам не мог даже перечитать поправившиеся места.

В квартире Юли, куда заезжал поиграть с внуками, была маленькая отдельная комнатка. Он любил отдыхать там, прислушиваясь к говору и смеху, долетавшему из соседних комнат. Тут он не чувствовал себя одиноким. Как-то само собой получилось, что перенес сюда свои шахматы, несколько книг, с которыми никогда не расставался, кое-что из одежды. Попросил Юлю:

— Пусть это будет моя комната. Вот перестану работать, буду тут жить.

— Пожалуйста. Только бы внуки тебе не мешали.

— Не помешают. Я люблю, когда они шумят.

Здоровье между тем продолжало ухудшаться. 19 марта 1946 года Михаил Иванович, по его просьбе, был освобожден от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Май Калинин провел в Крыму, отдыхал возле моря, пока еще было не слишком жарко. Первое время чувствовал себя хорошо, даже работал два-три часа по утрам. Но вот выдалось несколько очень душных дней, и Михаила Ивановича охватила такая слабость, что он с трудом поднимался с кресла. Задыхался. «Надо скорее в Москву, там будет легче», — надеялся он.

В вагоне, где-то на полпути к столице, Калинин стало совсем скверно. Врач, сопровождавший его, послал

телеграмму. На вокзале Михаила Ивановича ожидала машина «Скорой помощи», чтобы сразу же отвезти в кремлевскую больницу, но Калинин наотрез отказался.

— Только домой, — решительно заявил он, считая, что привычная обстановка поможет ему справиться с недугом.

Оказавшись в квартире, лег на диван. Попросил, чтобы к нему пришел секретарь Президиума Верховного Совета Александр Федорович Горкин. Тот быстро приехал, сел рядом с Калининым. Расспросив о новостях, Михаил Иванович передал Горкину документы, над которыми работал в Крыму. Эта беседа настолько утомила его, что он погрузился в ползуабитье.

Совсем не хотелось есть. Даже неприятно было думать о еде. Он отказался от обеда, от ужина. Услышал встревоженный голос Юли. Дочь говорила, что без пищи он совершенно ослабеет, не сможет бороться с болезнью. Надо обязательно ехать в кремлевку. Там режим, опытные врачи. Подумал, что дочь права. Сказал коротко:

— Утром.

Доктора, осмотревшие Михаила Ивановича в больнице, единодушно решили: «Нужна операция». Но, как вскоре выяснилось, уже ничем нельзя было помочь.

Он лежал в полном сознании, сам понимая, что силы покидают его, что конец близок, и не испытывал ни страха, ни волнения. Он прожил большую жизнь, полную напряженной борьбы не за себя, не ради личной выгоды, а ради счастья людей, трудового народа. Он сделал что мог. Он уходил, но оставались великие свершения, достигнутые партией, членом которой он был, оставались люди, которые понесут дальше то знамя, под которым сражался он, бойцы его поколения. Новые отважные первопроходцы достигнут новых побед, поднимутся на новые неведомые высоты...

Захотелось пить.

— Глоток боржома, если есть, — попросил он врача.

— Сейчас открою бутылку, — заторопился тот, но

Михаил Иванович, с трудом ворочая языком, оставил его.

— Нет. Из-за одного плотка и открывать не надо...

Врач все же поднес ему стакан. Он лишь притронулся сухими губами. Затем попытался повернуться.

— Все неудобно. На двух подушках не могу себя уложить, а раньше на досках спал. К трудностям себя готовил...

Врачу показалось, что Михаил Иванович улыбается. Склонился над ним.

— Я ведь моряком хотел стать...

Голос был едва слышен. Вот звуки совсем исчезли, но губы еще продолжали двигаться. По их шевелению врач угадывал отдельные слова. «Свет... Маяк...» О чем это? Или только почудилось?

Губы Калинина дрогнули еще раз и застыли. Врач припал ухом к его груди. Сердце не билось.

Это произошло 3 июня 1946 года.

Михаила Ивановича похоронили на Красной площади, рядом с Мавзолеем Владимира Ильича Ленина.

Дело, за которое боролся вместе со своими товарищами-коммунистами Михаил Иванович Калинин, ширится и побеждает. Имя его знают и в нашей стране, и по всей планете. Жизнь Калинина стала вдохновляющим примером для новых борцов за революцию, за мир и счастье для всего человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

В родном краю	5
Осознанный выбор	21
Первый успех	30
Яркий свет маяка	50
И серп, и молот	64
Самое ответственное решение	74
Заря новой эпохи	81
Хозяин большого города	89
По предложению Ленина	103
Необыкновенный поезд	114
Атакуют красные эскадроны	124
Только один день	135
Союз нерушимый...	148
На Тихом океане	159
Большая стройка	163
Новая школа	176
Хорошо быть молодым	184
Под грохот канонады	192
Пioneerская дивизия	199
Рядом с Мавзолеем	203

ИБ № 4158

Владимир Дмитриевич Успенский

СТАРОСТА СТРАНЫ СОВЕТОВ

Редактор **Ольга Громакова**

Художник **Евгений Суматохин**

Художественный редактор **Борис Федотов**

Технический редактор **Надежда Баранова**

Корректор **Галина Василёва**

Сдано в набор 05.04.85. Подписано в печать 12.09.85. А00911.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ л. 9.1.
Усл. кр.-отт. 9,84. Учетно-изд. л. 9,8. Тираж 100 000 экз.
Цена 45 коп. Заказ 457.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

В СЕРИИ «ПИОНЕР — ЗНАЧИТ ПЕРВЫЙ»
НЕДАВНО ВЫШЛИ КНИГИ:

Е. Сапарина.
ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА ЖИЗНИ (Павлов)

В. Воскобойников.
СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ (Энгельс)

М. Подгородников.
«НАМ ВОЛЬНОСТЬ ПЕРВЫЙ ПРОРИЦАЛ» (Радищев)

Н. Фомищев.
ВО ИМЯ ИСТИНЫ И ДОБРОДЕТЕЛИ (Сократ)

ВЫПУСК 85

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ